Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск шестнадцатый

Петропавловск-Камчатский
«Новая книга»
2022

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)
К78

Редакционная коллегия:
М. В. Соболевский, С. В. Графская, Н. С. Гаврилова,
С. В. Гаврилов

К78 Краеведческие записки. Выпуск 16. — Петропавловск-Камчатский: изд-во «Новая книга», 2022. — 448 с., ил.

ISBN 978–5–907448–14–8

Шестнадцатый выпуск «Краеведческих записок» включает традиционные рубрики — «Музеи Камчатки», «История», «Персоналии», «Из фондов музея», рассказывающие о разнообразных событиях, имевших место на нашем полуострове в XVII—XX вв., о людях, живших и трудившихся на нём, внёсших вклад в его изучение, освоение и защиту. Большая часть публикуемых текстовых и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Издание предпринято с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края и г. Петропавловска-Камчатского и предназначено для музейных работников, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей и студентов, а также всех любителей истории Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)

Ответственный за выпуск М. В. Соболевский
Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Издано на средства Министерства культуры Камчатского края, КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и С. П. Кожана

© Министерство культуры Камчатского края, 2022
© КГБУ ККОМ, 2022
© С. В. Гаврилов, составление, 2022

ISBN 978–5–907448–14–8

Содержание

Слово к читателям 4

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

Гаврилов С. В. Из истории камчатского музея (1946—1960 гг.) ... 5

ИСТОРИЯ

Богомолов В. М. Живым здесь не место 81
Быкасов В. Е. Крест Атласова 96
Гаврилов С. В. О чём поведали старые архивные папки 110
Гаврилова Н. С. Заметки о соболе и «второстепенной пушнине...» ... 144
Зайковская Т. С., Зенг Д. В. Малоизвестные сказки народов Камчатки 152
Зайковская Т. С., Петров А. В. Театр на нартах 162
Калмыков П. Л. Семён Удалой — герой и легенда 188
Копотилова О. А. Развитие коммунального хозяйства в Петропавловске-Камчатском в 20—30-е гг. XX в. 214
Корольков А. В. Морское картографирование Авачинской губы Тихого океана камчатскими военными гидрографами в конце XX в 237
Пасечник А. Ф. Материалы Государственного архива Камчатского края о создании добровольных организаций в Камчатской губернии в 1924—1925 гг. 259
Сесицкая А. С. Как Камчатка прирастала городами 269

ПЕРСОНАЛИИ

Ардасенов Н. М. Воспоминания о службе на Камчатке 285
Дергунов В. А. Жизнь, события, люди и книги 289
Флейтман О. И. Приморье — Камчатка — Москва 299
Шубина Т. А. Фред Георгиевич Челноков 313

«РАССКАЖУ О БЫЛОМ, ИНАЧЕ КТО ЖЕ ЭТО СДЕЛАЕТ...»

Курохтина Н. И. Ох, Халактырка, Халактырка... 349

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

Козыревский совхоз 368
Книга приказов Пенжинского оленеводческого совхоза 389
Рязанов П. А. Воспоминания 414

Сведения об авторах 447

Слово к читателям

Уважаемые друзья! Представляем вам очередной, шестнадцатый по счёту, выпуск музейных «Краеведческих записок». Он вобрал в себя несколько уже привычных рубрик.

Самая объёмная — «История» — включает одиннадцать авторских материалов. Они охватывают почти все основные «русские» исторические этапы развития нашего полуострова: от установки знаменитого «Креста Атласова», символизировавшего присоединение Камчатки к Российскому государству в конце XVII в., до рассказа о гидрографических работах, проводившихся военными моряками-тихоокеанцами в Авачинской губе в конце XX в. Здесь же представлены события 1854—1855 гг., относящиеся к знаменитой Петропавловской обороне. Приведённые новые сведения позволяют уточнить жизнеописание и обстоятельства драматичной кончины одного из её героев — отважного матроса Семёна Удалова.

Значительная часть рубрики посвящена малоизвестным событиям 1920—1950-х гг., связанным с изменением статуса и названий населённых пунктов, происходившим по различным, далеко не всегда разумным, политическим и экономическим причинам; с заботой о сохранении численности ценного пушного зверя, например в виде «запусков», и организацией рациональной охоты на него. Здесь же рассказывается, как на полуострове, причём в его самых отдалённых и малодоступных местах, возникали разные общественные организации, стремившиеся вовлечь в государственное строительство население, деятельно участвовавшие в его просвещении. Впервые приведены подробные, ранее совершенно неизвестные сведения о кукольном театре, в 1930-х гг. разъезжавшем с представлениями на нартах по всей Камчатке.

Рубрика «Персоналии» рассказывает об отдельных личностях, живших и трудившихся на Камчатке. Они повышали её обороноспособность перед и в ходе Великой Отечественной войны (Н. М. Ардасенов), изучали и помогали развитию Командорских островов, альпинизма и краеведения, морского транспорта и социальной работы (Ф. Г. Челноков и В. А. Дергунов), вносили вклад в экономическое развитие (В. И. Астапов).

Рубрика «Из фондов музея» вводит в оборот документы из истории сельскохозяйственного строительства в форме совхозов — Пенжинского оленеводческого и Козыревского, основанных в начале 1930-х гг. В рубрику включены недавно поступившие в музей воспоминания знаменитого рыбацкого капитана-рекордсмена П. А. Рязанова. Они рассказывают об освоении новых типов судов, о нелёгкой работе наших промысловиков в отдалённых районах лова в 1950—1960-х гг., времени наиболее динамичного развития рыбацкой отрасли, и тогда, и сейчас основной на полуострове.

Открыть же «Записки» нам показалось уместным материалом, показывающим относительно небольшой, но весьма насыщенный событиями отрезок истории самого музея — с 1946 по 1960 г. Надеемся, что эта работа будет продолжена, а её итогом станет полноценная книга, рассказывающая о пути, который наш музей прошёл со времени его основания в 1911 г.

Редколлегия

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

С. В. Гаврилов

Из истории камчатского музея (1946—1960 гг.)

Осенью 2022 г. краевому государственному бюджетному учреждению «Камчатский краевой объединённый музей» исполнилось 111 лет. Ныне музейное здание является одним из немногих, построенных ещё до революции 1917 г. и сохранившихся в Петропавловске, да и во всём нашем огромном крае. Здесь — в историческом здании бывшей губернаторской канцелярии (современный адрес — улица Ленинская, 20) — музей размещается последние четыре десятка лет. Здесь же он и возник в 1911 г. Более того, это здание является настоящей «колыбелью» основных направлений современной культуры полуострова. Известно, что 4 декабря 1911 г. недавно созданное Петропавловское литературно-музыкально-драматическое общество заседало в помещении канцелярии, где было объявлено, что «господином губернатором обществу уступается в пользование помещение всего нижнего этажа здания» [1. С. 472—473]. Только спустя несколько лет общество получило в своё распоряжение новое, специально построенное здание.

Попытки с разной полнотой написать историю первого, а значит, старейшего музея на полуострове предпринимались в 1991, 2002 и 2011 гг. по случаю, соответственно, восьмидесятой, девяностой и вековой годовщин со времени его образования [2, 3, 4]. Первая публикация характеризует события 1918—1945 гг., вторая — 1911—1934 гг., третья представляет собой краткий обзор музейной деятельности за столетие, опирающийся в том числе и на два названных первыми источника, — с 1911 по 2011 г. Некоторые события из музейной жизни с 1920 по 1945 г. изложены в статье автора, вышедшей в 2021 г. [5. С. 31—45]. В ней рассказывается о вновь выявленных в последние годы материалах из истории старейшей культурно-просветительной организации полуострова, охватывающих 1920, 1924 и 1926—1945 гг. Но полной и подробной летописи музея, к тому же в виде отдельного издания, пока нет. В предлагаемом ниже очерке делается попытка показать его состояние и развитие в первые послевоенные и более поздние годы.

1946 г.

Первый послевоенный год музей встретил в том же здании на улице Ленинской, 86, где он размещался с 1934 г. Оно было тесным и малоприспособленным для хранения и показа уже довольно многочисленных экспонатов. Главными сложностями в осуществлении музейной деятельности, как и в предыдущие годы, всё также оставалась частая сменяемость и нехватка квалифицированных специалистов. Тем не менее, музей развивался и стремился отражать происходившие в обществе политические и экономические изменения в рамках господствовавшей в то время марксистско-ленинской, то есть социалистической, идеологии. Руководил им директор С. Н. Главацкий.

Продолжалось и пополнение его коллекций. Так, в мае несколько русских серебряных монет более чем пятисотлетней давности передал в дар Ф. М. Козлов. Ему они достались во время пребывания в бухте Провидения от членов гидрографической экспедиции, работавшей на Матвееве острове в Баренцевом море ещё до начала войны. На шести овальных монетах изображались всадник с копьём или мечом и титул великого князя на обороте. Судя по рисунку, они принадлежали к областям псковских или новгородских земель [6. № 114].

11 февраля уволен сторож-дворник П. М. Швецов «как не справляющийся с работой». Основание: «Недисциплинированность т. Швецова во время ночной охраны музея, в результате чего, когда он спал, в ночь с 7 на 8 января была совершена кража с трофейной выставки музея» [7. Л. 45об.]. Здесь идёт речь о показе вооружений и прочих трофеев, вывезенных с недавно освобождённых от японцев Курильских островов.

14 февраля объявлен выговор единственному научному работнику П. Я. Кулешову, но вовсе не за исследовательские промахи, а «за недисциплинированность: опоздания и самовольный уход с работы (6 и 14 февраля); несвоевременное выполнение указаний директора (выставка, посвящённая выборам, была снята с экспозиции несвоевременно); пререкания и допускание... грубостей, когда ему делается замечание... и за самовольное взятие из музея дров».

26 февраля П. Я. Кулешов считался откомандированным в распоряжение культурно-просветительного отдела облисполкома (облкультпросветотдела) для отправки в командировку в районы Камчатки. Его задачи: чтение лекций на естественно-научные темы и проверка работы районных отделов культпросветработы. Эта командировка длилась до 25 мая [7. Л. 45об.—46].

12 июня П. Я. Кулешов на месяц отправлен на мыс Шипунского «для продолжения полевых работ по отлову и воспитанию молодого сивуча». Из поездки он вернулся 4 августа. По возвращении получил задачу: написать «подробный окончательный отчёт о результатах исследовательской работы над приручением и воспитанием молодого сивуча в неволе».

18 июня музей досрочно справился с выполнением годового плана по посещаемости и финансам. По этому случаю «за хорошую работу и внимательное отношение к посетителям» объявлена благодарность кассиру-уборщице М. А. Маленковой.

16 августа Камчатский областной исполнительный комитет (КОИК) Совета депутатов трудящихся принял решение № 394 «Об увеличении штатов культпросветучреждений на 1947 г.». В нём отмечено, что некоторые из них «совершенно не отвечают своим требованиям и не обеспечивают необходимую работу». Так, музей, «имея богатейший материал по истории Камчатки, из-за отсутствия специалиста-историка свернул экспозицию исторического отдела. Имеющиеся в музее препараты животного мира существуют уже более десяти лет и требуют обязательного обновления, для чего нужен также специалист-препаратор». Решено утвердить штат музея на 1947 г. в количестве 7 чел.: директор (месячный оклад 1 000 руб.), старший научный работник (900 руб.), научный работник — историк (900 руб.), препаратор (800 руб.), кассир (600 руб.), сторож (500 руб.) и уборщица с символическими 200 руб. [8. Л. 163—165].

6 сентября директор обязал П. Я. Кулешова теснее взаимодействовать с посетителями, давать им пояснения, проводить экскурсии с «неорганизованными» гражданами. А ещё — обновить этикетки у экспонатов, заменить формалин в «мокрых» препаратах, систематизировать экспонаты по разделам. Отмечены «случаи кражи посетителями некоторых экспонатов». Отныне научный сотрудник должен был дежурить в экспозиционном зале, а о взаимодействии с посетителями представлять письменный отчёт в конце месяца.

Директор распорядился: «за сохранность экспонатов в зале, когда музей открыт, в обычные дни при малом скоплении посетителей несёт ответственность кассир тов. Маленкова М. А. В дни большого скопления посетителей (праздники, воскресные дни и во время экскурсий) за сохранность экспонатов в зале отвечает тов. Кулешов П. Я. В случае пропажи выставленных экспонатов немедленно писать мне докладную записку».

На последнее научный сотрудник заявил: «Ответственность за пропажу вещей в зале нести не могу, так как моё дежурство будет связано с показом выставленного в музее, а не в прослеживании воров» [7. Л. 44об.—45].

Впрочем, вскоре — с 1 ноября он отправился в очередной отпуск с выездом на материк.

1947 г.

14 июня П. Я. Кулешов направлен в командировку для обслуживания лекциями и передвижной выставкой Авачинского рыбокомбината и его баз. Поездка продлилась до 29 июня. А 3 июля распоряжением облкультпросветотдела Кулешов был уволен «за систематическое невыполнение распоряжений директора музея, пререкание, грубость и несерьёзное отношение к постановке научной работы» [7. Л. 53об., 54об.].

16 июля на должность научного работника с месячным испытательным сроком и окладом 600 руб. принята Мария Матвеевна Самсонова. Испытание прошло успешно, и её ровно через месяц считали полноценным работником, да ещё и хранителем фондов, теперь с окладом 700 руб. А 20-го числа в связи с выездом директора музея С. Н. Главацкого в научную командировку Самсоновой поручено руководство учреждением и напомнено, что она «несёт полную ответственность за сохранность ценностей и порядка» [7. Л. 55об.].

15 декабря С. Н. Главацкий отбыл в командировку по обслуживанию избирательной кампании в Чукотском национальном округе.

Этот год был для страны юбилейным — отмечалось 30-летие Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. В течение года музей посетили свыше 24 тыс. чел. Сотрудники провели 61 экскурсию, прочитали 27 лекций на естественно-научные темы. Посетителям устно и лицам, обращавшимся в музей письменно, дано более двух тысяч разъяснений.

Научная библиотека музея хранила 2 300 книг, в том числе немало интересных и редких изданий о прошлом полуострова. Фонды к концу года насчитывали свыше 28 тыс. экспонатов, из них ввиду малости площадей 27 тыс. не выставлялись, а хранились в ящиках и шкафах. В их числе имелось 3 500 этнографических, зоологических, геологических и прочих, много фотографий, геологические коллекции, более 14 тыс. гербарных листов, коллекции банкнот, монет и медалей. Среди прочего музейное собрание располагало такими ценными экспонатами, как пушка с пакетбота

«Св. Пётр», различными предметами, найденными в ходе раскопок на месте стоянки экспедиции В. Беринга на одноимённом острове, изящными косторезными изделиями мастеров народов Севера, национальными вышивками и прочим.

Но при всём этом богатстве музей располагал весьма скромными возможностями для их показа — на деле выставлялось не более одной десятой части экспонатов.

Незначительная по площади экспозиция выглядела так. *Отдел истории* открывала этнографическая карта области. Рядом размещались предметы, отражавшие жизнь коренного населения при первобытнообщинном строе, в том числе древние орудия промысла — лук, стрелы, каменные наконечники, а также национальные одежды. Всё это пояснялось выдержками из «скасок» В. В. Атласова и «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Затем показано время открытия и первоосвоения — вторая половина XVII и начало XVIII в., приведены сведения о землепроходцах, о внесении русскими пришельцами новой культуры в быт местного населения, о появлении металлических орудий производства. Диаграммы отражали быт и хозяйство народов Севера до революции 1917 г., особо отмечая «огромные изменения в хозяйстве и культуре в результате социалистического строительства». В завершении рассказано о задачах Камчатки в части культурного строительства в четвёртой — первой послевоенной пятилетке.

Раздел *историко-революционного движения* занимал отдельную небольшую комнату. Здесь находились подлинные документы и их копии; фотографии в хронологическом порядке показывали историю установления советской власти. «Особое внимание привлекают знамёна Морского и Анадырского экспедиционных отрядов Красной Армии, ликвидировавших на Севере последние остатки белогвардейских банд Бочкарёва».

В *отделе социалистического строительства* наиболее широко была представлена рыбная промышленность, как основная отрасль народного хозяйства полуострова.

В *отделе сельского хозяйства* выставлены образцы местных овощных культур, продукция плодоягодного питомника, диаграммы, отображавшие развитие сельского хозяйства и задачи, стоявшие перед ним в текущей пятилетке.

Раздел *пушного хозяйства* представлял чучела и шкурки основных промысловых зверей: соболя, песца, горностая, росомахи и других.

Раздел *геологии* являл самые распространённые на Камчатке изверженные и осадочные породы, а также различные минералы.

Полезные ископаемые были представлены в основном образцами строительных материалов — глины, песка, гипса и энергетического сырья — угля, торфа, нефти.

При музее действовали небольшой актив из краеведов-любителей и совет, в который в том числе входили сотрудник Камчатского отделения (КО) ТИНРО кандидат биологических наук Кирилл Иванович Панин, охотовед Николай Васильевич Михайлов, Георгий Николаевич Миронов и другие. Они помогали сотрудникам в ведении научно-исследовательской работы. В течение года подготовлены исследования директора музея С. Н. Главацкого «История революционного движения на Камчатке» и Г. Н. Миронова «Доисторическое прошлое и формирование народностей на Камчатке» — итог его этнографических исследований [9. № 45].

1948 г.

В январе решением КОИК Г. Н. Миронов направлен в Корякский национальный округ «для изучения происхождения навыков народностей, населяющих Камчатку, и подготовки к изданию труда “О первонаселенниках Камчатки”». Этим он занимался до конца октября [10. Л. 71].

30 марта директор музея распорядился для сохранения библиотечного фонда не выдавать никому на дом книги, изданные более полувека назад, а также имеющиеся в одном экземпляре. Пользоваться ими можно было только в помещении музея.

3 апреля вспомнили об уволенном П. Я. Кулешове: решено просить начальника облкультпросветотдела обязать обслуживавшего музей бухгалтера И. Х. Ильина немедленно взыскать с бывшего научного работника 2 094 руб.

30 апреля С. Н. Главацкий передал должность новому директору Ф. Л. Слободчикову.

Вновь назначенный руководитель решил с 1 июля возложить на научного работника заботы по кассированию «в пределах трёх дней в неделю». Это вызвало неудовольствие М. М. Самсоновой: «Нести обязанности кассира не буду, так как если не могу быть использована на должности научного работника, прошу уволить».

Отношения в коллективе складывались, судя по всему, непросто. Их итогом стал вот такой приказ: «В целях недопущения разглашения состояния фондохранилища в музее, наличия ботанических, геологических, этнографических и других экспонатов, а также предметов культа в фондохранилище, запрещаю сотрудникам музея давать какие-либо сведения без моего разрешения

организациям, учреждениям или отдельным лицам об указанных экспонатах и предметах, об их хранении и т. д.».

А Самсонова уволилась 10 июля переводом в горком ВЛКСМ [7. Л. 63об.—64].

15 сентября главная газета полуострова «Камчатская правда» опубликовала статью «Нетерпимое отношение к краеведческому музею». Под критический удар попал не только сам музей, но и руководивший им облкультпросветотдел, по мнению редакции, не использовавший подведомственное учреждение «как сильнейшее средство пропаганды достижений социалистического строительства на Камчатке, показа достижений в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры, искусства, просвещения, в осуществлении сталинской национальной политики... Музей ютится в тесном и тёмном помещении, и никто не думает о его расширении».

Конкретные недостатки самого музея оценены так: «Дело не только в здании. Даже и имеющаяся площадь используется бестолково, ни одна из экспозиций не даёт ясного представления ни о прошлом Камчатской области, ни о её социалистическом преобразовании».

Вот, к примеру, отдел истории. Из более чем двух сотен его экспонатов лишь десяток относился к послереволюционному времени, и то одни диаграммы. «Музей стоит в стороне от жизни, его работники устремили свой взор только в далёкое прошлое, умудряясь не видеть нового».

«Прекрасны экспонаты, характеризующие творчество народов Севера. Чудесная резьба по кости, изделия из меха говорят о талантливости и художественном вкусе эскимосов, чукчей, коряков. Но и эта экспозиция не отображает творчество народов Севера в его развитии, не показывает, как наша действительность благотворно отражается на развитии искусства. Наблюдательные народные художники отображают в своём творчестве всё то новое, что входит в их быт. Если бы работники музея захотели, они могли бы, пользуясь только этими экспонатами, показать торжество сталинской национальной политики в национальных Чукотском и Корякском округах».

Не радовала глаза критиков и историко-революционная экспозиция. «Вот стенд “Документы из истории революционного движения на Камчатке”. Экспозиция не имеет определённого плана. Документы развешаны без всякой последовательности. Нет ни тематического, ни хронологического порядка. В центре висит листовка, отпечатанная крупным шрифтом. Это воззвание Временного Приамурского правительства к красноармейцам и красным партизанам,

подписанное главой правительства С. Меркуловым. В воззвании демагогически утверждается, что в рядах армии этого белого правителя нет ни одного иноземца. И нет ни одного документа, который был бы прямо противопоставлен этому воззванию, который бы опроверг его, показывал бы, что это правительство держалось на штыках японских интервентов. Если некоторые документы говорят о зверином лице японских прислужников — меркуловцах и их представителей на Камчатке, то отсутствие комментариев и последовательности в расположении этих документов мешает разоблачению правления Меркулова».

Досталось критики и стенду «30 лет камчатскому комсомолу» — «несколько фотографий и вырезок из старых газет ни в какой мере не отражают славную историю камчатского отряда ВЛКСМ».

«Бледно» отображался ход развития отраслей хозяйства области — основной рыбной промышленности, достижений сельского хозяйства. Совсем плохо было с экспонатами об угольной и лесной промышленности.

Делался вывод: «облкультпросветотделу и исполкому пора изменить своё безразличное отношение к музею. Пора понять, что музей — не хранилище диковинных вещей, а центр естественно-научной и краеведческой пропаганды. Город с двухвековой историей должен иметь хорошее здание музея, а пока этого здания нет, надо полностью использовать все возможности, чтобы музей стал играть подобающую роль в культурной жизни области» [9. № 217].

27 октября на должность научного работника с месячным испытательным сроком принят Георгий Николаевич Миронов.

19 ноября КОИК постановил отправить Г. Н. Миронова в Ленинград, в Институт народов Севера, и выдать ему заработную плату с января по октябрь. Выяснилось, что во время его командировки в Корякию он не был оформлен как работник КОКМ. Его задача в Ленинграде — полное завершение труда «О первонаселенниках Камчатки». Облфинотделу поставлена задача: «профинансировать облкультпросветотдел за счёт ассигнований на культпросветработу Корякского округа в сумме 15 тыс. руб., Мильковского района 5 тыс. руб. и Чукотского национального округа 5 тыс. руб. (всего 25 тыс. руб.)» [10. Л. 71].

В течение года музей пополнил свой фонд 205 различными экспонатами и редкими материалами. Наибольшую ценность представляли книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изданная в 1775 г., редкие гравюры XVIII и XIX вв., изображающие Петропавловск, предметы, касающиеся обороны

порта в 1854 г. Также переданы фотоснимки текущего хозяйственного и культурного строительства Чукотки.

В этом деятельно участвовали самые разные люди. Так, житель Тигильского района Сторчак представил 13 редких археологических находок, орудий каменного века, вроде топора, наконечников копий, черепков глиняной посуды. С Командорских островов от секретаря Алеутского райкома ВКП(б) М. Н. Игошина поступил череп морского бобра и рукопись об этом животном. Родственница известного деятеля революционных времён фельдшера А. С. Лукашевского предоставила документы областного ревкома, полученные из Карагинского района [11. № 1].

1949 г.

15 февраля Г. Н. Миронов сообщил телеграммой, что просит уволить его в связи с поступлением на учёбу на северный факультет Ленинградского государственного университета. Следующий научный работник, правда, пока только исполняющая его обязанности, — Цилия Ефимовна Юзефовская, 1923 г. р., принята 13 сентября. Но уже 17 ноября она освобождена от музейных забот, будучи направлена в распоряжение облкультпросветотдела.

На 9-й сессии Петропавловского горсовета, состоявшейся в феврале, прозвучали и были задокументированы вот такие слова: «Предусмотрено общественностью построить музей, строительство музея объявить народной стройкой» [12. Л. 57]. Но никаких действий за ними не последовало ни в этом году, ни в последующие...

Зато через пару месяцев, 20 мая, КОИК принял решение № 150 «О состоянии и работе Камчатского областного краеведческого музея». Вновь отмечено, что «работа областного краеведческого музея, призванного играть большую роль в повышении культурного уровня трудящихся Камчатки и способствовать формированию марксистско-ленинского мировоззрения, находится на неудовлетворительном уровне и отстаёт от возросших культурных запросов населения города и области. Обеспечив за последние 16 месяцев посещение музея — 25 665 чел., проведя 108 экскурсий, 13 лекций и сбор научного материала по этнографии коренных народностей Камчатки, музей, музейный совет и облкультпросветотдел не справились с основными задачами».

Заявлено, что плохо пропагандируются задачи четвёртой пятилетки и показываются передовые методы производства в рыбной промышленности и сельском хозяйстве; не ведётся систематическая работа по изучению области, не привлекается общественность;

не организована краеведческая работа среди школ, недостаточно налажена связь по обмену опытом работы с другими музеями Хабаровского края; не оказывается помощь Чукотскому окружному музею. Экспозиции находятся не на должном идейно-теоретическом уровне, «страдают существенными недостатками», в частности, при наличии большого количества экспонатов нет их периодической замены. Музей не следит за состоянием исторических памятников области.

Решено, что «возникла неотложная необходимость» произвести в 1949 г. капитальный ремонт музейного здания. Ещё раз подтверждена необходимость строительства в 1950—1951 гг. нового. Намечены меры по приведению в «надлежащий порядок» отдела социалистической промышленности, особенно рыбной (для этого просить депутата К. Н. Кулаженко, начальника Главкамчатрыбпрома, помочь в приобретении соответствующих экспонатов) и сельского хозяйства (тут обращались к управляющему трестом совхозов и начальнику облсельхозуправления), а также исторического отдела.

Указано, что музей должен стать «базой научно-исследовательской работы по изучению Камчатки, её истории, природы, экономики, культуры, быта, производительных сил». Для этого ему предписано сотрудничать с плановыми комиссиями областного и городского Советов депутатов трудящихся, с научными организациями и учебными заведениями (КО ТИНРО, Гидрометслужбой, опытной сельскохозяйственной станцией, моррыбтехникумом, Главкамчатрыбпромом, Камчатрыбстроем и трестом совхозов). Предложено во время летних каникул помогать школам в проведении краеведческой работы, для чего организовать соответствующие кружки и методически руководить ими.

Управлению начальных работ КОИК поставлена задача: своими рабочими и специалистами отремонтировать музей до 15 августа. Председателю Петропавловского горисполкома А. Т. Жолобову поручено «выделить помещение под областной музей в первом, вновь выстроенном, доме ведомственных организаций» и проследить за своевременным обеспечением учреждения дровами. Этим занимался Гортоп.

В силу изношенности музейного здания решено просить Хабаровский краевой исполком внести в титульный список строительства в 1950 г. нового; восстановить с 1 июня ранее сокращённые должности препаратора-лаборанта и кассира, а также ввести новую должность — старшего научного сотрудника (работника).

Утверждён новый состав музейного совета:

— Ф. Л. Слободчиков, директор музея, председатель;

— К. И. Панин, кандидат биологических наук, заместитель председателя;

— И. И. Черняк, член, заместитель председателя КОИК;

— Н. С. Зайцевский, сотрудник Главкамчатрыбпрома;

— А. Р. Багров, работник горисполкома;

— А. М. Плотников, работник облпромсоюза;

— А. И. Афанасьев, сотрудник облсельхозуправления;

— Г. И. Панкратов, начальник облкультпросветотдела;

— Ю. А. Мазурова, представитель обкома ВКП(б).

Музею следовало помочь в организации окружного краеведческого музея в селе Палана, выделить ему экспонаты, методические пособия и краеведческую литературу. Предстояло взять на учёт все исторические памятники и знаменательные места в области, следить за их сохранностью [13. Л. 22—25].

Последняя тема получила развитие 26 июля, когда было принято очередное решение КОИК, на сей раз «О создании комиссии по проведению паспортизации исторических и археологических памятников на территории Камчатской области». Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 14 октября 1946 г. № 3898 «Об охране памятников культуры» решено до 15 августа провести учёт и паспортизацию имеющихся. Для этого при облкультпросветотделе создана комиссия в составе новой заведующей отделом Р. Р. Клявлиной, К. И. Панина, Ф. Л. Слободчикова, А. И. Афанасьева и сотрудника горисполкома Левичева. Ей рекомендовано привлекать к работе необходимых специалистов, научных работников, учителей и краеведов [14. Л. 21].

1950 г.

27 февраля на должность научного работника с трёхмесячным испытательным сроком принята В. Н. Гунькова. Как раз через три месяца, 1 июня, она отправилась в декретный отпуск. Из него вышла 8 августа, приступив к своим обязанностям, чтобы 15 сентября уволиться «по семейным обстоятельствам» [7. Л. 66об.—67об.].

Музейные фонды тем временем пополнялись. В сентябре житель Петропавловска строитель Мурашко принёс настоящий «клад» — старые бумажные деньги, найденные им в земле тщательно закупоренными в бутылках. Охотник Милёхин привёз образец гипса, рыбак Тимлин передал редкий экземпляр кальмара, пойманного в бухте Раковой. Ученики школы из села Эссо Быстринского

национального района прислали образцы меховой одежды — кухлянки, чижи, алачики [15. 4 окт.].

В начале ноября в музей пришло написанное 10 октября письмо от жившего в Подмосковье инвалида 1-й группы Б. И. Федосеева. Он, «разбирая свои старые журналы и книги», обнаружил в приложении к широко известному до революции журналу «Нива» статью и поэму В. И. Семёнова, посвящённую Петропавловской обороне 1854 г., общим объёмом 27 страниц. «Сохранность их очень хорошая». Обладатель этих раритетов был готов выслать их за вознаграждение.

12 ноября в его адрес отправлена телеграмма за подписью Ф. Л. Слободчикова: «Шлите материал в Петропавловск наложенным платежом. Оплату произведём по получении». Спустя почти месяц, 7 января 1951 г., музей послал ещё одно письмо с уведомлением, что материалы до сих пор не поступили. Директор высказал опасение, что его телеграмма до адресата не дошла, предложил «ускорить присылку указанного материала» [16. Л. 1—3]. Просимое получено в феврале 1951 г.

3 декабря временно исполняющим обязанности научного работника зачислен Темирбек Тукужаманович Ишакаев. Ему установлен полуторамесячный испытательный срок [7. Л. 68об.].

1951 г.

30 января директор издательства Пушкинского общества из Ленинграда сообщил, что в соответствии с разнарядкой музею выделен один комплект фотовыставки «Пушкин и декабристы», выпускаемой в ознаменование 125-летия восстания декабристов. Над выставкой работала группа сотрудников музея Института русской литературы Академии наук СССР. Она включала 10 разделов, всего 101 фотографию размером 13 на 18 и 18 на 24 см. «Цена в папке 150 руб. ...Ваш ответ просим не задерживать» [16. Л. 6].

В феврале работала выставка, посвящённая обороне Петропавловска в 1854 г. от нападения англо-французской эскадры. Были показаны русское кремнёвое и пистонно-капсюльное оружие, изготовленное Тульским оружейным заводом, штыки фабричного и кустарного производства, сабля; картечь и ядра, использовавшиеся в боях. Выставлялись план расположения русских батарей, медали за Крымскую войну, французские, английские и русские деньги того времени. Здесь же показывались английские кандалы, предназначенные для побеждённых русских воинов. Выставка сопровождалась фотографиями и репродукцией, хроникой событий

Крымской войны, цитатами из произведений К. Маркса и В. И. Ленина. Завершался показ выдержкой из исторического воззвания генерала В. С. Завойко к населению Петропавловска и местному гарнизону перед приближением вражеской эскадры: «Я пребываю в твёрдой решимости: как бы ни многочислен был враг, сделаю для защиты порта и чести русского оружия всё, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови. Убеждён, что флаг Петропавловского порта во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести» [17. № 28].

Выставка предваряла приближавшийся 100-летний юбилей Петропавловской обороны. Музей объявил о начале подготовки к этой славной дате и предстоящем сборе экспонатов и документов, посвящённых событию. Местному художнику заказана картина «Оборона Петропавловска», составлялся библиографический список изданий об обороне, камчатцы извещались, что «скоро будет закончена монография “Город Петропавловск”» [17. № 28].

29 апреля Т. Т. Ишакаев на месяц направлен в первую командировку в Анапкинский рыбокомбинат.

2 мая музей обратился к лесопромышленному тресту Главкамчатрыбпрома с просьбой передать образцы промышленной древесины и изготовить модели морского кунгаса и лодки. 8 мая получен ответ: «Заказ о заготовке древесины... будет выполнен при условии вашего согласия оплатить все затраты по заготовке, упаковке и транспортировке. В отношении изготовления макетов... сообщите, какими средствами располагаете, после чего будет дан заказ мастеру-специалисту Ключевской судоверфи с указанием стоимости изготовления» [16. Л. 10].

24 мая приказом Камчатского областного отдела народного образования (облОНО, теперь музей подчинялся ему) директором музея назначена Ю. М. Иващенко. Передача ей дел от Ф. Л. Слободчикова прошла 6—9 июня. Переданы: 348 этнографических экспонатов общей стоимостью 8 950 руб. 50 коп.; коллекция из 6 827 банкнот (373 руб. 50 коп.); гербарий из 14 065 листов (100 000 руб.); 154 зоологических экспоната (3 879 руб. 15 коп.); 89 историко-революционных документов; 20 церковных книг, 14 церковных металлических предметов и 28 атрибутов (ризы, коврики, иконы). По отделам сельского хозяйства, социалистического хозяйства и рыбной промышленности — 64 предмета и четыре модели.

Геологическая коллекция охватывала 115 экспонатов с этикетками и ещё три ящика, «не имеющих ни этикеток, ни паспортов». Фотографический фонд насчитывал 2 936 изображений, оценённых

в 15 372 руб. 40 коп. Кроме них, имелись ещё 265 фотографий, не включённых в описи. Хозяйственный инвентарь оценён в 15 902 руб. 30 коп. Библиотека состояла из 2 555 книг (13 395 руб. 85 коп.), 13 из них пребывали во временном пользовании обкома ВКП(б) и геологической экспедиции. Газетный фонд, охватывавший 1926—1940 гг., содержал 2 703 номера. Ещё имелись четыре стенда с 49 историко-революционными документами.

Переданы входные билеты: «старого образца» по 1 руб. и 30 коп. — 42 книжки на 4 164 руб.; «нового образца» по 1 руб. — 62 книжки по 250 билетов на 15 500 руб. и по 30 коп. — 44 книжки по 240 билетов на 3 300 руб. [18. Л. 35—38].

К середине августа музей посетили более 23 тыс. чел. Интерес со стороны публики к нему рос, о чём свидетельствовало множество записей, сделанных в книге отзывов и предложений. Ряд замечаний отражал недостатки, в их числе слабый показ развития Петропавловска, скудные сведения о горячих целебных источниках, неполное отражение достижений сельского хозяйства и животноводства. Посетители были недовольны тем, что выставлено мало полезных ископаемых и образцов народного искусства.

Официальные органы словами «Камчатской правды» снова выказывали недовольство давно сложившимся, хотя и подновлённым музейным наполнением:

«И всё же работа музея, содержание его экспозиций до сих пор ещё не полностью отвечают поставленным перед ним задачам. Музей оказался в стороне от той многогранной, кипучей жизни, которая бьёт вокруг нас ключом. Многие экспозиции, помещённые здесь, явно не отражают событий сегодняшнего дня, роста народного хозяйства и культуры нашей области. Отдел, представляющий дореволюционную Камчатку, находится в сравнительно неплохом состоянии, но зато отдел послеоктябрьского периода и особенно раздел о послевоенном строительстве заставляют желать много лучшего. Большинство экспонатов в этом отделе устарели и давно нуждаются в замене. Вот примеры. Стенд сельскохозяйственных культур. Образцы, показанные здесь, относятся к 1946—1947 гг. Неужели за эти годы мастера колхозных полей, камчатские садоводы и полеводы не добились новых успехов, неужели и в 1951 г. сельское хозяйство области осталось на уровне 1947 г.? На эти вопросы ответа нет. Не отображён в музее раздел строительства. Правда, на одном из стендов начертано: “В четвёртой пятилетке в Петропавловске будут построены электростанция, кинотеатр, холодильник; сейчас строится гостиница”. Гостиница

в областном центре давно сдана в эксплуатацию. А где же холодильник, новый кинотеатр? Ведь пятилетний план уже завершён. Если стройки идут, почему же о них не сказано ни слова?»

Отмечено, что не представлены никакие данные о многих промышленных предприятиях, не показаны их лучшие труженики. Зато «перед нами — четыре портрета. Судя по надписи, это представители передовой интеллигенции Петропавловска. Но кто они по профессии, в чём их заслуга — об этом можно лишь догадываться, ибо на стенде указаны только фамилии». По-прежнему слаб раздел, отражающий состояние рыбной промышленности, её новое оснащение. Выставлен водоструйный рыбонасос разработки инженера Н. Ф. Чернигина, единственного на полуострове лауреата Сталинской премии, но в чём заключается его ценность, непосвящённым не разъяснено. «Пора бы знать работникам музея, что рыбаки Камчатки имеют новый штормоустойчивый невод. Нет в музее и модели рыборазделочного автомата изобретателя-самоучки Усова и многого другого».

Перечислены и другие недочёты. В их числе: устаревшие сведения о национальных районах области, мало рассказано об участии военных моряков в освобождении Курил, о бессмертном подвиге Героя Советского Союза боцмана Николая Вилкова, повторившего поступок Александра Матросова, закрывшего грудью амбразуру вражеского дзота. Ни слова о других героях, а также «нет документов, отображающих роль великой большевистской партии в культурном и экономическом развитии Камчатской области».

По части научной и просветительной работы тоже не очень хорошо: слабые связи «работников культурного фронта» с предприятиями, учебными заведениями, совхозами и колхозами, общественными организациями. Сотрудники музея мало читают публичных лекций по истории и о развитии Камчатки. «Научная работа в музее ведётся плохо. И это понятно, ибо научный сотрудник областного краеведческого музея тов. Ишакаев не имеет специального образования и не может справиться с возложенными на него ответственными обязанностями».

Ещё в прошлом году трест «Камчатрыбстрой» начал капитальный ремонт. Его итоги оказались печальны: печи не исправлены, крыша по-прежнему текла. «Недавно во время дождя были залиты водой и испорчены некоторые важные исторические документы». Бывший директор Ф. Л. Слободчиков поспешил подписать акт о приёмке работ и перевести тресту деньги. На неоднократные требования нового директора Ю. М. Иващенко поправить хотя

бы крышу и печи, управляющий трестом отвечал, что вернёт полученную сумму.

Возложенная на заместителя председателя КОИК И. И. Черняка задача предоставления музею нового помещения так и не разрешалась. По-прежнему множество ценных экспонатов и исторических документов хранились на чердаке в ящиках. В них же из-за отсутствия места пребывал и ценнейший гербарий, некогда собранный В. Л. Комаровым [17. № 244].

К гербарию могли бы добавиться и 15 новых экспонатов, отражавших животный мир полуострова, но этого пока не случилось из-за невозможности представителя музея прибыть в селение Кроноки. В это время здесь по решению правительства шла ликвидация одноимённого государственного заповедника.

30 августа научный работник Т. Т. Ишакаев на месяц отправился в поездку по маршруту Козыревск — Ключи — Усть-Камчатск для сбора материалов по лесному хозяйству.

31 сентября Т. Т. Ишакаеву приказано срочно выехать в Мильково для помощи в организации там выставки достижений сельского хозяйства [7. Л. 69об.].

6 ноября директор Кроноцкого заповедника В. А. Котов и начальник Камчатского областного управления лесного хозяйства Г. А. Изотов в присутствии лесника Петропавловского лесничества В. С. Деменьчука составили следующий акт:

«В связи с тем, что представитель Камчатского краеведческого музея не прибыл для принятия музейных экспонатов от ликвидируемого Кроноцкого госзаповедника, Камчатским областным управлением лесного хозяйства приняты на ответственное хранение следующие музейные экспонаты: 1. Чучело зайца-беляка. 2. Чучело горностая летнего. 3. Чучело белой куропатки. 4. Чучело сычика мохноногого. 5. Чучело топорка. 6. Чучело чистика. 7. Чучело поползня. 8. Чучело птенца орлана белоплечего. 9. Шкурка белой куропатки. 10. Шкурка чирка-свистунка. 11. Шкурка утки-каменушки. 12. Шкурка чайки-клуши. 13. Шкурка турпана. 14. Тушка горностая летнего. 15 Тушка полёвки-экономки». Документ завизировал секретарь КОИК Ф. Агапов [19. Л. 243].

27 ноября издан приказ по музею: «В связи с тем, что помещение, где проживают тт. Ботвич и Шевцов, находится в непосредственной близости с музеем, приказываю: топку печей в ночное время не производить. Во время топки печей не оставлять их без присмотра. За нарушение настоящего приказа ответственные будут привлекаться к судебной ответственности» [7. Л. 70]. Поясним:

при топке печей искры из их труб попадали на кровлю соседнего дома, что угрожало пожаром с возможными жертвами.

7 декабря председатель КОИК И. И. Сорокин приказал начальнику управления лесного хозяйства Г. А. Изотову передать КОКМ «для дальнейшего распределения между областным и краевым музеями имущество и библиотеку бывшего Кроноцкого заповедника согласно приложений № 8, 9 и акта от 6 ноября 1951 г.» [19. Л. 220].

Упомянутое приложение № 8 представляло собой список из 454 наименований печатных изданий. Открывали его марксовские «Классовая борьба во Франции» (издана в 1940 г., стоимость 1 руб. 35 коп.), «Коммунистический манифест» (1938, 25 коп.) и «Критика Готской программы» (1937, 50 коп.). Завершали — «Справочник по труду» (1949, 10 руб. 75 коп.) и аж 34 бюллетеня Московского общества испытателей природы скопом за 400 руб. Сюда входили такие разнообразные труды, как «К вопросу об истории большевистской организации Закавказья» под авторством Л. П. Берии (1935, 2 руб.), сборник «Труды Алтайского государственного заповедника» (1938, 7 руб.), «Руководство по изучению рыб» Правдина (1939, 12 руб.).

Значительную часть перечня составляли работы классиков марксизма-ленинизма, но присутствовала и специальная литература, вроде «Почвы тундро-болотной полосы» Ливеровского (1937, 1 руб. 50 коп.), «Структурная геология» Усова (1940, 6 руб.) и «Почвоведение» Глинки (1935, 9 руб. 50 коп.). Самыми «раритетными» являлись ценная «Карта вулканов Камчатки» Келля (1928, 5 руб.), «Государство и революция» Ленина (1919, 7 руб.) и сталинская «Беседа с первой американской рабочей делегацией» (1927, 18 коп.). Вся эта книжная россыпь была оценена в 6 482 руб. 80 коп. [19. Л. 221—239].

14 декабря КОИК решением № 361 на основании постановления Совета Министров РСФСР № 1085 от 10 сентября 1951 г. ликвидировал Кроноцкий заповедник. Его леса, отнесённые к 3-й группе, приняло областное управление лесного хозяйства.

В этот же день решением КОИК № 360 утверждён новый состав музейного совета [20. Л. 12—13]:

— Ю. М. Иващенко, директор музея, председатель;
— Т. Т. Ишакаев, научный работник музея, секретарь;
— И. Д. Шварц, преподаватель географии;
— Г. И. Панкратов, заведующий облкультпросветотделом;
— А. М. Копытин, директор школы № 2;

— Н. Ф. Чернигин, руководитель научной лаборатории Главкамчатрыбпрома;
— Ю. А. Мазурова, работник отдела пропаганды обкома ВКП(б);
— А. М. Плотников, представитель Облрыболовпотребсоюза;
— И. А. Полутов, научный сотрудник КО ТИНРО;
— В. И. Семёнов, работник облфинотдела;
— П. И. Коротченко, художник;
— В. Т. Тетеревятников, главный агроном Облсельхозуправления;
— А. А. Мазурова, экономист Облплана.

В декабре началась перестройка экспозиции всех отделов.

1952 г.

20 января по собственному желанию уволился научный работник Т. Т. Ишакаев. 30 января на эту должность принята Тамара Михайловна Чепрунова.

14 апреля директор музея Ю. М. Иващенко сообщила отделу агитации и пропаганды обкома ВКП(б) о ходе работ по переустройству вверенного ей хозяйства. К концу первого квартала текущего года заново переделана экспозиция дореволюционного прошлого. Переработаны и сверены со свежими публикациями биографии землепроходца С. Дежнева, капитана-командора В. Беринга и исследователя С. Крашенинникова; материалы об открытии Камчатки почерпнуты из последних источников, изданных Академией наук СССР в 1950—1951 гг. Вывешены написанные маслом портреты Дежнева и Беринга.

Отдел, посвящённый Октябрьской революции 1917 г., полностью переработан и «территориально вынесен на ведущее место». Здесь устранены все неточности, «двусмысленные выражения» и убраны имевшиеся в старой экспозиции фамилии лиц, о деятельности которых известно недостаточно. Написан маслом портрет погибшего деятеля партизанского движения И. В. Рябикова. Ранее помещённые «контрреволюционные документы» заменены копиями материалов, «правильно отражающих события революционного периода».

В соответствии с указаниями соответствующих специалистов переделан отдел сельского хозяйства. Он включал три стенда: растениеводство, животноводство и оленеводство. На них — диаграммы, отражающие рост посевных площадей, урожайности, поголовья скота и оленей. Показаны лучшие люди; труд на колхозных полях, в теплицах и парниках, а также оленьи стада на пастбищах и их охрана. «Впервые оформленный стенд оленеводства

показывает, каких огромных успехов добились совхозы и колхозы Камчатки по выращиванию оленьего поголовья, используя последние достижения науки. Показан рост местных национальных кадров специалистов». Кроме этого, отдел пополнился новыми «натуральными экспонатами».

Впервые оформлен стенд «Американский империализм — злейший враг человечества». Здесь в качестве эпиграфа использованы слова директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) П. Н. Поспелова об американской интервенции на Дальнем Востоке. «Материалы, сосредоточенные на стенде, показывают хищничество американских и японских империалистов на Камчатке и Чукотке. Даны цифры количества вывезенной пушнины, моржового клыка, количество уничтоженных морских котиков и морских бобров, хищнические методы охоты, обман американцами и японцами местного населения и его грабёж. Стенд привлекает всеобщее внимание посетителей».

10 тыс. руб., отпущенные Хабаровским краевым культпросветотделом на перестройку экспозиции, использованы полностью. «Все оформленные стенды сделаны культурно, с художественным вкусом, художниками-специалистами, с привлечением богатого оформительского материала».

В середине апреля продолжалась переделка отдела культуры и быта. Предполагалось, что он будет состоять из двух стендов. «Сопоставление прошлого и настоящего даёт возможность посетителю наглядно убедиться в политике партии и правительства по национальному вопросу. Материалы показывают бескультурье, забитость и вымирание народов Севера в прошлом, расцвет культуры в годы советской власти. Яркие диаграммы роста народного образования, здравоохранения, транспорта, торговли и связи...»

Итогом проведённой работы стало значительное увеличение посещаемости: только за первый квартал текущего года посмотреть обновлённый музей прибыло 2 665 посетителей.

Наряду с явными успехами, отмечено, что в отделе рыбной промышленности ещё имеются «большие, существенные недостатки и ошибки». Так, совсем не показаны механизация промысла, новаторские методы труда, лучшие люди. На это музейные сотрудники отвечали, что «наши неоднократные просьбы к управлению Главкамчатрыбпрома остались без внимания. Хотя работники Главка трижды посещали музей, удивлялись бедности отдела рыбной промышленности и обещали помочь в его перестройке, до сих пор никаких сдвигов нет». Для оформления этого отдела, объявленного

самым важным, требовалось не меньше 15–20 тыс. руб. Такими деньгами музей не располагал [16. Л. 13—15].

Ю. М. Иващенко обратилась в КОИК за помощью. Помимо выделения поделочных материалов, вроде плюша, сукна, белил, олифы, клея, стекла и пиломатериала, она просила решить в вышестоящих «инстанциях» ряд вопросов. В их числе: обеспечить музей специальной посудой и предусмотреть в бюджете 1953 г. 20 тыс. руб. на дальнейшее оформление. Кроме этого, «ходатайствовать перед Государственной штатной комиссией об утверждении должности кассира», а также «предоставить возможность научному сотруднику музея выехать в Москву для повышения квалификации и прохождения практикума в одном из музеев». Тут же она привела небольшую историческую справку об учреждении и описала текущее состояние его здания:

«КОКМ был организован в 1910 г. Камчатским краеведческим обществом. После ликвидации общества не имел долгое время ни определённого места, ни штата, и только в 1933 г. ему было предоставлено помещение, в котором до сих пор и находится».

Это помещение — отдельный домик общей площадью 100 кв. м, из которых 80 занимал экспозиционный зал, без служебных помещений и фондохранилища. Здание старое, совершенно непригодное для выполнения поставленных задач. Экспонаты портятся от сырости и холода. Проведённый в 1950 г. капитальный ремонт описанных условий не изменил. «Необходимо решить вопрос о предоставлении музею нового помещения в одном из вновь строящихся зданий города на центральных улицах». Назван и возможный адрес: нижний этаж управления треста «Камчатрыбстрой» площадью «примерно 400 кв. м» [16. Л. 15—15об.].

18 июня научному сотруднику Т. М. Чепруновой поставлены задачи на ближайшее время: завершить инвентаризацию библиотеки, составить списки книг, отобранных к уничтожению; привести в порядок этикетки на экспонатах. Летом — заменить экспонаты в отделе сельского хозяйства и пополнить отдел рыбной промышленности образцами рыб лососёвых пород. Ей следовало «систематически работать с посетителями, для чего проводить экскурсии, консультации, давать ответы на вопросы посетителей». Уточнены и обязанности кассира-уборщицы М. А. Маленковой [7. Л. 72].

Это было связано с тем, что директор музея Ю. М. Иващенко собралась в декретный отпуск. «На хозяйстве» осталась Т. М. Чепрунова. Иващенко вышла из отпуска 1 декабря, а 23-го числа издала такой приказ: «согласно брачного свидетельства... считать фами-

лию Иващенко Ю. М. заменённой на Дутову Ю. М.» [7. Л. 73—73об.]. Да, случается так, что женщины, не обязательно директора, меняют не только причёски и платья/костюмы, но и фамилии. Это, кстати сказать, иногда весьма осложняет жизнь последующим исследователям.

27 июня недавно начавшая выходить рыбацкая газета «За высокие уловы» Управления тралового флота сообщила, что экипаж среднего траулера «Коршун», ловивший краба в Охотском море, при очередном замёте поднял старинный адмиралтейский якорь весом в три тонны. Он «погружён на борт судна, будет доставлен в Петропавловск и сдан в областной краеведческий музей» [21. № 18].

19 декабря Чукотский краеведческий музей в лице его директора В. Нарышкина обратился к камчатским коллегам с просьбой о помощи в оформлении своих экспозиций. Странно, но на Чукотке не имелось домашней утвари чукчей (береговых и тундровых), а также «археологического отдела (неолит Чукотки), связанных с открытием Чукотки». Просил сообщить о наличии подобных материалов и экспонатов и о возможности их получения. «Чукотский музей удовлетворит любая форма передачи вышеперечисленных материалов и экспонатов... Прошу также сообщить возможность пользоваться библиотекой вашего музея и выслать мне каталог книг...» [16. Л. 16].

1953 г.

Продолжен сбор сведений о персоналиях и событиях из истории полуострова, в первую очередь касающихся предстоящего 100-летия Петропавловской обороны, но не только.

29 января Ю. М. Дутова обратилась к редактору газеты «Тихоокеанская вахта»:

«В вашей газете за 30 ноября 1952 г. № 282 на четвёртой странице в подписях под некрологом встречается фамилия Рябиков. Убедительно прошу Вас сообщить имя и отчество тов. Рябикова и его адрес. В годы гражданской войны на Камчатке от рук белогвардейцев погиб участник борьбы за Советы на Камчатке Илларион Васильевич Рябиков, у которого, по имеющимся у нас сведениям, был брат, адрес которого мы не знаем. В связи со сбором материала по периоду гражданской войны на Камчатке нам хотелось бы получить дополнительные сведения о И. В. Рябикове» [16. Л. 17].

А вот её же, чуть более позднее, послание, на сей раз в адрес живописно-выставочного производственного комбината Московского отделения Художественного фонда СССР:

«В связи с приближающимся 100-летием героической обороны г. Петропавловска от англо-французских империалистов наш музей хотел бы приобрести хорошо выполненный маслом портрет командира Петропавловского порта, губернатора Камчатки контр-адмирала Василия Степановича Завойко. Портрет желательно иметь в рост, в форме контр-адмирала русской армии 1854 г. на холсте вышиной 120 см. Также мы могли бы приобрести картину творческого порядка на тему "Оборона г. Петропавловска в 1854 г.". Просим сообщить возможность изготовления нашего заказа, его приблизительную стоимость, условия оформления» [16. Л. 18].

Ответ комбината датирован 27 мая:

«Ваш заказ нами может быть принят по представлению вами необходимого иконографического материала о контр-адмирале Завойко В. С. и материалов по обороне г. Петропавловска... Ориентировочная стоимость портрета (размер 120 см по вертикали) — 12 500 руб. без стоимости рамы. Ориентировочная стоимость картины (размер вы не указываете — 25 000 руб. без стоимости рамы. Если размер портрета, намеченный вами, является предельным, то мы рекомендуем делать портрет поясным, композиционным или сидящим в кресле или за столом. Подтвердите ваше согласие, после чего комбинат приступит к выполнению. Одновременно перечислите аванс в размере 25 % от указанной нами стоимости» [16. Л. 24].

9 мая отправлено письмо в Москву, директору Центрального музея Советской Армии:

«В связи с приближающимся 100-летием героической обороны г. Петропавловска-на-Камчатке (вообще-то наш город уже почти тридцать лет был Петропавловском-Камчатским. — *С. Г.*) от англо-французской эскадры в августе 1854 г., КОКМ ведёт работу по сбору материала, характеризующего это событие. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы крайне бедны. Обращаемся к вам с просьбой помочь нашему музею. Просим вас выслать список литературы по обороне Петропавловска, а также фотографии вещественных экспонатов, относящихся к этому периоду. Со своей стороны можем вам взаимно выслать фотографии экспонатов и памятников, а ядра и картечь можем выслать в натуре...» [16. Л. 23].

Ответ подготовлен 12 июня: «...сообщаю, что Центральный музей Советской Армии не имеет материалов об обороне г. Петропавловска-на-Камчатке в 1854 г. Ваше письмо переслано для ответа Государственному историческому музею (г. Москва, Красная площадь, д. 1 (2)» [16. Л. 26].

Переписка шла и с другими музеями страны. Так, в марте с просьбой «не отказать выслать фотографии пушки, принадлежавшей судну “Св. Пётр” экспедиции Беринга, найденной в 1941 г. на Командорах и находящейся в настоящее время в вашем музее (согласно сведениям, помещённым в газете “Камчатская правда” от 18 января 1953 г., статья тов. Чепруновой)...» обратился музей Арктики. Обещал, что присланные фотографии пушки будут размещены в его экспозиции [16. Л. 19].

16 июля начальнику Камчатского обллита (то есть цензуры) К. М. Кузнецовой доложено, что в отделе революционного периода выставлена новая фотография партизанского деятеля Г. М. Елизова, сделанная в его в школьные годы. «Размер фотографии 9 на 12 см, инвентарный номер 3629... (сейчас — другой. — *С. Г.*). Фотография поступила от братьев Елизовых 16/VII-53» [16. Л. 28].

А вот письмо некоему «уважаемому товарищу Запорину», видимо, одному из материковских коллег (похоже, что из Владивостока), написанное в середине года. Из него мы тоже можем узнать о состоянии КОКМ в это время:

«Наш музей очень маленький — здание 100 кв. м, из них под экспозицией — 80 кв. м. Поэтому наша экспозиция не отвечает требованиям, предъявляемым музеям. У нас скорее выставка по отдельным вопросам истории и советского периода.

Интересующая вас героическая оборона Петропавловска размещена на одном стенде размером 1,5 на 1,75 м, что, конечно, ни в коей мере не может вместить весь материал по этому периоду. На стенде размещён портрет Завойко В. С., сделанный маслом местным художником Ванеевым, биографическая справка, краткая хронология событий с мая 1849 по март 1855 г., карта размещения батарей при обороне города, копия воззвания В. С. Завойко, две маленькие заметки из газеты “Камчатская правда”, повествующие о героизме русских воинов, фотографии памятников “Слава” и “Часовня” и вольный текст о ходе событий.

Из вещественных материалов музей располагает большим количеством ядер различного калибра, есть каменное ядро, картечь, осколки разрывных бомб, морской тесак (русский), найденные на Никольской сопке летом 1952 г., русское кремнёвое ружьё, штык, русская медаль за Крымскую войну и несколько монет 1854—1855 гг.

У памятника “Часовня” лежат шесть пушек, участниц обороны Петропавловска (это не так. Пушки более позднего времени. — *С. Г.*). Из литературных источников большой интерес представляет книга Ю. Завойко (жены В. С.) “Воспоминания о Камчатке и Амуре”

(издание журнала “Русский вестник”, № 6, 1876) и книга лейтенанта Фесуна “Из дневников офицера, служившего на фрегате «Аврора»” (СПб., 1860)...

Ежегодно 24 августа газета “Камчатская правда” печатает статьи, посвящённые годовщине обороны Петропавловска. Артист областного драматического театра Диканский пишет пьесу “Передовой редут”, которая обсуждается общественностью, сейчас исправляются некоторые погрешности.

Материалы и издания первых организаций РСДРП у нас имеются в очень ограниченном количестве. Материалов о связи с партийными организациями Владивостока, кроме знамени экспедиционного отряда, направленного в Анадырь, у нас нет» [16. Л. 29—30].

(Премьера пьесы Е. Диканского и Г. Панкратова, названной «За землю русскую», состоялась на сцене Камчатского областного драматического театра в июне 1958 г. [22. № 147].)

24 июля приказом облкультпросветотдела назначен новый директор музея — Клавдия Васильевна Мечтанова. С 24 по 30 июля проходила передача дел. В частности, архива «за прошлые годы в количестве 36 папок», новой книги приказов, начатой 2 января текущего года, 3 433 билетов на 2 826 руб. 80 коп.

Фрагмент акта приёма-передачи:

«...Принято фотографий не заинвентаризированных 294 шт. Принята сохранная расписка начальника Камчатского областного управления лесного хозяйства Изотова Г. А., гарантирующая сохранность переданного музею имущества после ликвидации Кроноцкого заповедника с приложением описи всего имущества. Представителя музея при приёмке имущества в Кроноках не было.

Принята библиотека по инвентарной книге на общую сумму 12 356 руб. 84 коп. Недостача при сдаче книг обнаружена в количестве 27 книг на сумму 48 руб. Недостача подлежит возмещению.

Принят гербарий без просчёта в количестве 9 000 гербарных листов.

Настоящий акт составлен в трёх экземплярах на четырёх листах: один для хранения в делах облкультпросветотдела, второй для хранения в делах областного музея и третий для Дутовой Ю. М.» [18. Л. 40—43].

26 сентября за подписью К. В. Мечтановой областному сельхозуправлению направлена просьба о помощи в приобретении экспонатов для отдела сельского хозяйства и природы:

«Музею необходимы для этого: 1) все виды зерновых, как в снопах, так и зерном, 2) кормовые травы, 3) овощи всех видов. Хоро-

шо было бы подобрать экспонаты из разных районов... так как все годы в музее экспонировалось сельское хозяйство только Елизовского района.

Для отдела природы необходимо изготовить новые чучела зверей, так как имеющиеся пришли в негодность. Поэтому просьба — дать указание через райисполкомы произвести отстрел всех видов зверей Камчатки, при этом необходимо шкурки снять с сохранением когтей, челюстей...

Кроме того, музей просит выделить двух человек, опытных агрономов, для оказания помощи в разработке тематики экспозиции отдела сельского хозяйства, чтобы полностью закончить оформление... в соответствии с постановлением пленума ЦК КПСС от 3 сентября 1953 г.» [16. Л. 31].

15 октября направлена просьба в областной архив: дать сведения о росте сельского хозяйства области для оформления соответствующей экспозиции. «Данные нужны с дореволюционного периода по 1953 г. включительно» [16. Л. 32].

В октябре КОКМ заказал Хабаровскому отделению Художественного фонда СССР диораму «Оборона Петропавловска от англо-французских интервентов в 1854 г.». Её обещали изготовить и прислать не позднее 1 июня 1954 г., предварительно представив эскизы на утверждение. Этот заказ вовремя выполнен не был [23. Л. 3].

27 ноября в Ленинград, на Васильевский остров, в Центральный военно-морской музей отправился следующий запрос: «КОКМ просит вас выслать наложенным платежом фотокопии подлинных документов выдающегося землепроходца С. Дежнева — его челобитные, отписку и приезжую грамоту» [16. Л. 34].

4 декабря началась переписка, переросшая в тесное многолетнее сотрудничество, с мастером-моделистом Сергеем Никифоровичем Ерошенко, жившем в южном городе Баку на улице Низами:

«КОКМ просит изготовить макеты военных судов “Аврора” и “Двина”, находившихся на защите Петропавловска в 1854 г.; макет крейсера “Адмирал Завойко”, который теперь переименован в “Красный вымпел”; макеты промыслового флота Камчатки — катера, траулеры, сейнеры и кунгасы разных типов, а также парусные суда “Св. Пётр” и “Св. Павел”, в честь которых назван Петропавловск (большинство моделей этих судов представлены в современной экспозиции. — *С. Г.*). Просьба, по возможности, быстрее ответить, согласны ли Вы выполнить эту работу, что Вам для этого нужно, а также стоимость макетов, учитывая, что размеры военных

кораблей желательно иметь не более 70 см в длину, а макеты промысловых судов — 35–40 см в длину» [16. Л. 37].

Одновременно направлен запрос на фабрику агрономических пособий с просьбой изготовить для отдела сельского хозяйства макеты тракторов С-80 и ТД (длиной 35 см); плуга болотно-кустарного, картофелеуборочного комбайна, отдельных станков, а также муляжи — капусты, сорта № 1 и “Слава”, свёклы “Бордо” и редиса “Розовая с белым кончиком”, огурцов сорта “Дальневосточный”, картофеля “Имандра” и “Берлихенген”, коровы холмогорской породы (две штуки, 35 см в длину), телят, быка и свиней [16. Л. 38—40].

22 декабря датировано письмо, пришедшее из Ботанического института Академии наук СССР за подписью двух членов-корреспондентов. Оно адресовано «директору Краеведческого музея в Петропавловске-на-Камчатке Прокопию Тимофеевичу Новограбленову». Крупные учёные мужи только в этом обращении совершили три ошибки: Прокопий Трифонович (а не Тимофеевич) Новограбленов был расстрелян в самом начале аж 1934 г., а наш славный город, как уже указывалось, уже почти тридцать лет именовался “Петропавловском-Камчатским”. Ну, и музей тоже назывался немножко по-другому. Видимо, членкоры в последний раз о Камчатке читали что-то лишь из начала 1930-х...

Текст письма: «Ботанический институт им. В. Л. Комарова Академии наук СССР сообщает вам, что с большой благодарностью примет от вас гербарий камчатских растений в свои хранилища и просит вас срочно сообщить о количестве этого гербария, сообразно чему будет срочно вам выслана тара для упаковки гербарных посылок (складные ящики, мешковина, верёвки, гвозди); посылки могут быть высланы в адрес института наложенным платежом». Письмо получено в музее 24 января 1954 г. [16. Л. 39].

Ответ на него не сохранился. В работе Е. Е. Володарской [3. С. 20] указывается, что гербарии и Комарова, и Новограбленова в 1950-х гг. были переданы в Музей землеведения Московского госуниверситета по просьбе его директора Н. Е. Ермакова. Ныне же они, возможно, утрачены...

1954 г.

15 января, после повторного запроса, фабрика агрономических пособий ответила, что муляжи капусты не выпускает. «Для сведения направляем вам справочник цен на пособия... Ориентировочная стоимость изготовления уникальных моделей животных — от 2 до 3 тыс. руб., моделей тракторов — 10–12 тыс. руб.» [24. Л. 2].

Вскоре С. Н. Ерошенко ответил, что «согласен принять предлагаемую работу». Просил выслать материалы, особенно по «Адмиралу Завойко», ибо не располагал никакими сведениями [24. Л. 3]. Для помощи ему решено, в частности, обратиться в Камчатский филиал института «Гипрорыбпром» с просьбой снять десяток копий чертежей самоходного и несамоходного промыслового флота с альбома, подготовленного головным институтом [24. Л. 10]. Чертежи «Завойко» намеревались получить из Военно-исторического музея Тихоокеанского флота во Владивостоке.

Уже 9 февраля Ерошенко сообщил: «Работа выполняется... четыре парусных макета отправлены авиапочтой» [24. Л. 7].

2 марта он же телеграфировал: «Макет "Авроры" отправил наложенным платежом». Свою работу оценивал в среднем в 1 000 руб. за макет. За «быстроту» ему «гарантированы премиальные — тысячу сверх платы» [24. Л. 11—12].

12 апреля — снова сообщение от С. Н. Ерошенко: «Сегодня отправил авиапочтой "Двину". Прошу ускорить высылку [чертежей] промысловых. "Пётр" и "Павел" будут отправлены вместе 25 апреля» [24. Л. 14].

Переписка с ним продолжалась до конца года. 19 ноября мастер известил: «Посылаю фото сейнера, отправленного 22/9, а также квитанцию № 619 на эту отправку на сумму 204 руб. и прошу сообщить, как быть с остальными тремя моделями (кунгас, дрифтер и рыболовный бот), выполненными по вашим чертежам? Очевидно, вы не располагаете деньгами. Если то так, я подожду, хотя бы до будущего года. Эти три модели выслал вам без претензии на немедленную оплату, но отправка авиапосылки дорого стоит, и я не располагаю лишними деньгами. Я полагаю, что только эта причина задерживает завершение ваших заказов...» Телеграмма от 20 декабря: «Последние три промысловых [судна] закончены, упакованы для отправки. Жду вашего ответа» [24. Л. 41—43].

Помогали музею и земляки. 4 февраля в посёлок Индустриальный, на улицу Садовую, 13 отправлено письмо В. Г. Молибогу: «Уважаемый Виктор Георгиевич! Сообщаем, что переданные Вами в дар музею пять фотографий могилы и памятника В. Беринга получены. Выражаем Вам большую благодарность за них. Одновременно просим Вас при возможности зайти в музей и подробнее рассказать об этих исторических памятниках» [24. Л. 5].

Основной заботой КОКМ в этом году стала подготовка к достойной встрече 100-летнего юбилея обороны.

В апреле руководству Хабаровского отделения художественного фонда СССР была послана телеграмма, в которой музей просил считать расторгнутым прошлогоднее октябрьское соглашение на изготовление диорамы «Петропавловская оборона». К этому времени стало ясно, что к сроку она готова не будет. «Одновременно возникало опасение за качество диорамы, так как установленные сроки окончания работ подходили к концу, никто из исполнителей в Петропавловск не приезжал, тогда как ясно, что исполнить диораму исторического значения без изучения местности исторических событий невозможно. Тем более что и эскиза диорамы музею выслано не было».

На эту телеграмму последовал ответ из Хабаровска: «Договор остаётся в силе, эскиз утверждён отделом культуры, обязательства выполняются срочно, тревога не обоснована». Но опасения работников музея оказались не беспочвенными. Приближались юбилейные дни, а заказ всё ещё не был готов.

Материалы об обороне собирались по всей стране. 8 мая подготовлено письмо музея в ленинградскую Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, отдел изобразительного искусства: «КОКМ просит, по возможности, срочно выслать рисунок на бумаге боевого английского флага, взятого при обороне Петропавловска, с описанием цветов и размера. Оплату гарантируем наложенным платежом, высылайте авиа».

Библиотека ответила, что в фондах отдела хранятся четыре рукописи, относящиеся к Камчатке, которые могут быть сфотографированы по спецзаказу. В частности, имелись «Письма о Камчатке» К. Т. Хлебникова, продолжение морского журнала, или поденника, капитана И. И. Биллингса 1790—1791 гг., а также «бумаги, относящиеся до путешествия по Сибири (Камчатская экспедиция) 1733—1742 гг.» [24. Л. 20—21]. Их фотокопии были готовы к 3 июня.

8 августа пришло письмо из Пулково от внука участника событий 1854 г. лейтенанта Д. П. Максутова — профессора Д. Д. Максутова, известного учёного-астронома, изобретателя нового типа линзово-зеркального телескопа:

«Уважаемый товарищ директор! Я не располагаю никакими вещами моего деда, за исключением фотографии, копию которой вам высылаю. Оригинальных писем деда у меня также нет. Есть только точная копия письма деда с описанием событий 1854 г. Копию с этого письма я снял и переслал А. М. Борщаговскому (писателю, автору вышедшего в 1953 г. исторического романа «Русский

флаг» об обороне Камчатки в 1854—1855 гг. — *С. Г.*). Вы можете попросить её у А. М. Борщаговского и отпечатать на машинке музея. Она представляет несомненный исторический интерес.

Меня, признаюсь, удивила ваша фраза о высылке вещей “за плату, какую Вы назначите...” Неужели вы могли подумать, что я могу торговать славой моего деда? Я отлично обеспечен материально и меньше всего нуждаюсь в деньгах; но если бы я был гол и нищ, то и тогда бы не позволил себе запачкать материальными расчётами светлую память моего деда. Вы меня поняли — и вопрос исчерпан.

У меня есть просьба к вам или А. М. Борщаговскому, которому вы передайте: если появятся интересные для меня статьи в местных газетах или брошюрах о 1854 г. и о моих дедах, то пришлите их в мой адрес авиапочтой. Вот это и будет та “плата”, которую назначаю...» [24. Л. 35—37].

По случаю предстоящего юбилея стала очевидна необходимость хорошо потратиться на реэкспозицию. «Перечень необходимых расходов по переоборудованию музея», подписанный К. В. Мечтановой, насчитывал 88 тыс. руб.

В начале апреля начальник областного управления культуры, выросшего из культпросветотдела, Я. Е. Авербах сообщил заместителю председателя КОИК С. Я. Ягодинцу, что «Положение о работе музеев», утверждённое в 1950 г., предусматривает приобретение экспонатов и музейного оборудования как за счёт средств, ассигнованных по бюджету, так и за счёт специальных средств музея. Но областной финотдел не утверждает на 1954 г. ассигнований по спецсредствам на приобретение экспонатов и зачитывает все доходы музея в государственный бюджет. Управление культуры просило КОИК разрешить музею израсходовать на обустройство экспозиции 5 600 руб. из спецсредств, предусмотренных по смете на 1954 г. [25. Л. 206].

Эта сумма была, конечно, совсем незначительной. Поэтому вскоре Я. Е. Авербах и К. В. Мечтанова, вновь обращаясь к С. Я. Ягодинцу, просили «оказать содействие в выделении дополнительно» хотя бы 50–60 тыс. в апреле, так как новую экспозицию предположено открыть к 1 мая.

Намеченное на эту дату открытие не состоялось. Только 22 мая С. Я. Ягодинец подписал распоряжение: «Для создания в областном краеведческом музее панорамы, посвящённой 100-летию обороны гор. Петропавловска, изготовления макетов, а также диаграмм,

отражающих развитие народного хозяйства и культуры области: 1. Обязать облфинотдел выдать областному управлению культуры 50 тыс. руб. 2. Расходы в сумме 50 тыс. руб. отнести за счёт уменьшения ассигнований по Петропавловскому городскому бюджету...» [25. Л. 204].

Вот как выглядел музей в это время. Он «в течение тридцати лет находился в крайне жалком состоянии: полуразрушенное оборудование, отсутствие необходимых макетов, портретов, фотографий и прочего не позволяли создать в музее полноценные отделы, которые могли бы отражать прошлую и современную действительность края.

В отделе дореволюционного прошлого экспонировался только текстовый плоскостной материал, почти отсутствовали объёмные экспонаты; оформление было крайне бедным и даже безграмотным. Отдел революционного периода был представлен несколькими текстами и двумя плохо исполненными портретами Рябикова и Елизова. Такое оформление, безусловно, не отражало великой героической эпохи нашей родины и в частности Камчатки.

Сельское хозяйство было представлено несколькими фотокарточками и снопами.

Можно сказать, что почти полностью отсутствовал отдел природы, так как все звери, птицы, промысловые и непромысловые морские рыбы и животные помещались в одном шкафу, грубо выражаясь — навалом. Такое смешение экспонатов не могло дать правильного представления о фауне области, и никак не была представлена флора.

Целиком отсутствовал отдел советского периода — промышленность Камчатки, состояние здравоохранения, образования, культуры и прочее.

В 1954 г. работники музея с привлечением художников города начали работу полного переоборудования экспозиций музея. В этих целях проведена следующая работа:

1. Произведена покраска всего помещения.

2. Поделаны новые подставки под витрины, сделаны шкафы и прочее оборудование.

3. Заканчивается оформление диорамы природы, в которой ярко, в привлекательной форме, представлена флора и фауна Камчатки.

4. Заканчивается оформление отдела, который правдиво и красиво отражает сельское хозяйство Камчатки и задачи, поставленные сентябрьским пленумом ЦК КПСС. За эти работы музей должен выплатить 32 тыс. руб.

Для оформления отдела рыбной промышленности заканчивается изготовление макета 5-го Микояновского рыбозавода с изображением всех построек, техники и рельефа местности. Этот макет стоит 10 тыс. руб., может быть оплачен за счёт средств Главка (Главкамчатрыбпрома. — *С. Г.*). В этот же отдел заказаны макеты промыслового самоходного и несамоходного флота, 10 единиц, по чертежам Гипрорыбпрома. Через управление моторно-рыболовных станций заказаны макеты всех видов средств лова.

В связи с наступающим 100-летием обороны Петропавловска необходимо заново и хорошо оформить отдел дореволюционного прошлого Камчатки. В этих целях заказаны:

1. Макеты пакетботов "Св. Пётр" и "Св. Павел" к периоду открытия Петропавловска, по 1,5 тыс. руб. = 3 тыс. руб.

2. Горельеф с изображением установления креста Атласовым в знак присоединения Камчатки к русскому государству. Этот горельеф особенно необходим, так как в музее нет ничего об Атласове, крайне необходимого текста, тогда как из всех землепроходцев память об Атласове для Камчатки имеет наибольшее значение (стоимость — 3 тыс. руб.).

3. Макеты "Аврора" и "Двина" по 1,5 тыс. руб. = 3 тыс. руб.

4. Акварель с изображением боя с англофранцузами, размер 30 на 40 см = 1,5 тыс. руб.

5. Диорама "Оборона Петропавловска" — 20 тыс. руб.

6. Изготовление и цветная растушировка фотографий: а) учёных сельского хозяйства к отделу сельского хозяйства, б) учёных — исследователей и мореплавателей Дальнего Востока, в) Завойко, Рябикова, Елизова, Мавринского и других, г) вулканы, целебные ключи и грязевые источники, всего 70 шт. по 60 руб. = 4,2 тыс. руб.

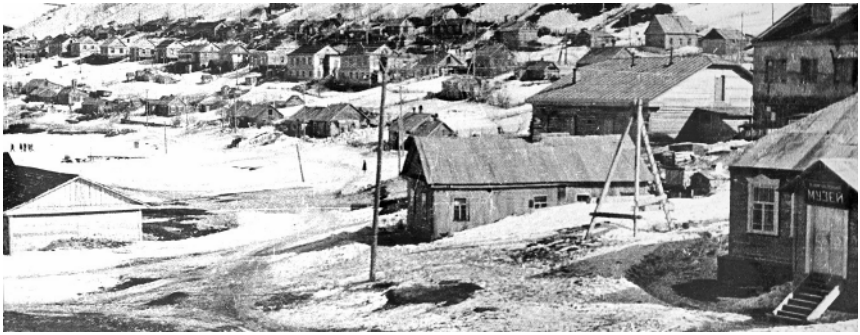
7. Карты и схемы продвижения отрядов Дежнева и Атласова, экспедиции Беринга, Крашенинникова, расположения батареи обороны Петропавловска. Всего шесть карт — 600 руб.

8. Написание и оформление текстов и этикеток, диаграмм. Всего 2 000 шт., 5 тыс. руб.

9. Отливка макетов памятников "Слава", "Братская могила", 4 тыс. руб.

10. Макет военного судна "Адмирал Завойко", теперь "Красный вымпел", к периоду борьбы советских партизан с белогвардейщиной, 1 500 руб.».

Все работы и приобретения стоили не менее 75 тыс. руб., без отдела рыбной промышленности. Музей же располагал всего 21 тыс. [25. Л. 207—209].



Крайнее справа — здание Камчатского областного краеведческого музея в 1940-х гг. (КОКМ, ККМГИ 27408/108)

Резать по кости тов. Гемауге начал с детства, но по настоящему его талант развернулся только после того как в Уэлене была организована костерезная мастерская. Отвечая на заботу большевистской партии и советского правительства о народностях Чукотки, тов. Гемауге создал много художественных произведений из моржового клыка.

Особенно большого мастерства он добился при изготовлении из кости моделей шхун.

На снимке: тов. Гемауге заканчивает очередную модель шхуны.

Старый альбом рассказывает...

В большом альбоме собрано более ста фотографий. Подписей к ним почти нет. Одно только ясно: запечатлены на снимках виды и некоторые события из жизни Камчатско-Охотского края. На отдельных иллюстрациях узнаешь Паратунские горячие источники, чурпанские магазины в Петропавловске, корякские юрты. На одном из снимков — покосившиеся частоколы, вросшие в землю домишки — улица Большая в Петропавловске. Такой была наша Ленинская в 1916 году.

Что изображают остальные снимки? Когда и кем они были сделаны? Кому принадлежал альбом? На эти вопросы сотрудники Камчатского областного краеведческого музея долго не могли найти ответа.

Алексей Васильевич Платонов, работник Госбанка, доставивший альбом в музей, мог рассказать о нем лишь очень коротко. Будучи в отпуске в Лесозаводске, он познакомился с пенсионером Николаем Ананьевичем Каушинским, увидел у него альбом с необычными снимками, заинтересовался им. Как попал альбом к Каушинскому, Алексей Васильевич спросить не догадался. Тогда, по приезде в Петропавловск, он и не думал, что снимки представляют какую-то ценность.

Долго бились над разгадкой тайны альбома научные сотрудники музея. Общими усилиями, путем сравнений, по номерам фотобумаги удалось установить, что целая серия снимков, которыми иллюстрирован альбом, сделана шведским ученым Малесом и в 1920 году издана в Стокгольме.

Выяснилось также, что некоторые снимки принадлежат Ивану Емельяновичу Ларину. Это удалось определить на основании сравнения со снимками Ларина, сохранившимися в музее.

Наконец, на помощь научным сотрудникам пришли старожилы Камчатки, члены художественного совета музея А. М. Копытин, И. Ф. Махоркин, Ф. Л. Слободчиков. И тайна альбома постепенно стала открываться.

На кожаном переплете альбома удалось прочесть с трудом просматриваемую под полосами мазаной краски подпись: Михаил Петрович Вольский. Вольский командовал войсками Камчатско-Охотского края в годы становления Советской власти на Камчатке. Это под его руководством были разгромлены белогвардейские банды Бочкарева на полуострове. Позднее Вольский возглавлял Камчатский губисполком. Ф. Л. Слободчиков лично знал Вольского.

На одной из фотографий А. М. Копытин узнал Герасима Тюменцева — участника партизанской борьбы на Камчатке. На его руках умер легендарный Елизов. Сейчас Г. Тюменцев живет в Паратунке. Альбомные снимки рассказывают о жизни коряков и чукчей до становления Советской власти на Камчатке, дают представление о селах полуострова.

Альбом, подаренный музею т. Платоновым, представляет несомненную ценность. Он наглядно показывает, как неизмеримо вырос наш Петропавловск, как изменилась область, ее хозяйство, культура.

Музей направил письмо т. Каушинскому с просьбой рассказать, когда и где он приобрел альбом.

К. МЕЧТАНОВА.
Научный сотрудник музея.

НА СНИМКЕ: А. М. Копытин рассказывает о снимках.
Фото К. Гердикова.

«Камчатская правда», 8 октября 1950 г. (слева) и 14 октября 1959 г.

Фрагмент экспозиции музея. Отдел природы, 1954 г.
(КОКМ, ОФ 34831/12)

27 мая «Камчатская правда» в заметке «К 100-летию Петропавловской обороны», по сути, повторила изложенные выше положения отчёта: «Областной краеведческий музей... готовит новую экспозицию, отражающую героическую эпопею 1854 г. Отдел, посвящённый обороне Петропавловска, значительно расширяется. Он пополнился новыми экспонатами, представляющими большой интерес. В частности, поступили модели фрегата “Аврора” и транспорта “Двина”, сыгравших огромное значение в отражении атаки англо-французского десанта; фотокопии с портретов адмирала В. С. Завойко, командира “Авроры” капитан-лейтенанта И. И. Изыльметьева, героя обороны, командира 3-й батареи лейтенанта А. П. Максутова; копии документов о защите Петропавловского порта и другие.

Получены также модели пакетботов “Павел” и “Пётр”, на которых капитан А. Чириков и командор В. Беринг совершили плавание к берегам Америки, скульптурная фигура С. Дежнева, горельеф, изображающий момент водружения первооткрывателем Камчатки В. Атласовым деревянного креста на реке Камчатке.

В отделе будут представлены макеты памятников “Слава” и “Часовня”, схематическая карта обороны Петропавловского порта 20—24 августа 1854 г., образцы русского оружия XVIII и XIX столетий и другие реликвии». Заметка иллюстрирована фотографией модели фрегата «Аврора».

13 августа КОИК разрешил музею выплатить «нештатному персоналу за изготовление макетов и оформление новых экспозиций... 50 000 руб.» [26. Л. 45].

Обновлённый музей открылся для посетителей в середине августа, за короткое время его посетили более восьми тысяч человек. Многие оставляли свои впечатления в книге отзывов. Вот некоторые из них. «По профессии я — простой столяр, — писал дважды орденоносец Картушин. — Недавно прочитав книгу А. Борщаговского “Русский флаг” об обороне Петропавловска, я с большим интересом знакомился в музее с экспонатами, рассказывающими о героической битве. Мы глубоко чтим память защитников нашей прекрасной отчизны».

Учитель Тиличикской средней школы Хрюкин: «Когда побываешь в музее, то полнее представляешь себе великое прошлое Камчатки, историю её открытия русскими землепроходцами, героическую оборону Петропавловска».

«Посетили музей и ещё раз убедились, как наша родина сильна и богата, — написала группа экскурсантов-моряков. — От имени коллектива моряков выражаем своё восхищение славным герои-

ческим прошлым великого русского народа. Посетив музей, мы ещё и ещё раз убедились в силе нашей страны. Мы гордимся, что наша родина доверила нам охрану дальневосточных рубежей».

«Наши предки сумели победить врагов и отстоять далёкую, но родную каждому советскому человеку землю», — так высказался некто Дементьев [27. 29 авг.].

В сентябре снова послана телеграмма в Хабаровск, в худфонд. В ней говорилось, что ввиду нарушения сроков выполнения диорамы «Петропавловская оборона» музей считает договор расторгнутым, принимать работу не будет. Ответа не последовало.

6 ноября безо всякого предупреждения самолётом прибыла диорама, причём без каких-либо объяснений и аннотаций. При этом «Хабаровское отделение художественного фонда даже не сочло нужным сообщить хотя бы, какой момент исторических событий они отразили?» Как и предполагалось, диорама оказалась для экспонирования совершено непригодной «ввиду того, что она исполнена исторически совершенно неверно, а художественно — плохо» [23. Л. 3—4].

На волне поднявшегося общественного интереса к музею 26 ноября КОИК принял решение № 299 «О выделении помещения для краеведческого музея». По вопросу докладывал руководитель Облплана И. И. Черняк. «Учитывая, что областной краеведческий музей размещается в неприспособленном помещении, вследствие чего невозможно разместить все имеющиеся экспонаты и организовать новые отделы, исполком областного Совета депутатов трудящихся решил: 1. Обязать горисполком (т. Мельников) выделить первый этаж в одном из вновь строящихся жилых трёхэтажных домов в 1955 г. под областной краеведческий музей в центре города. 2. Обязать управление культуры (т. Авербах) до 10 декабря 1954 г. представить застройщику плановое задание на размещение музея в первом этаже» [28. Л. 139].

Но и это решение так и осталось на бумаге, в новое помещение на улице Набережной музей перебрался только в 1963 г.

27 ноября составлен акт: «Сего числа я, начальник Камчатского обллита Кузнецова К. М., проверила областной краеведческий музей. При проверке было обнаружено, что директор музея тов. Мечтанова К. В. нарушила известные ей правила цензуры. В зале рыбной промышленности выставлены картина “Морской пейзаж Камчатки”, оригинал художника Давыдова В. Т., а также четыре модели рыболовных судов (СРТ-400, РТ-43, морской буксир типа “Якорь”, масштаб 1 : 100; МРС-80, масштаб 1 : 50) без предоставления в обллит

сведений об изменениях в экспозиции, соответствующей справки Главкамчатрыбпрома и разрешения обллита на экспонирование. Предупреждаю директора музея т. Мечтанову К. В., что в случае нового нарушения правил цензуры она будет привлечена к ответственности» [24. Л. 40]. Вот такое повышенное внимание в те времена уделяла власть тому, что будет доведено до сведения простых советских граждан.

2 декабря вышло очередное распоряжение КОИК (№ 448): «Для проведения необходимого ремонта и переоборудования помещения областного музея увеличить ассигнования по статье 16-й по смете на содержание подведомственных учреждений областного управления культуры на 20 тыс. руб. Уменьшить на эту сумму ассигнования на содержание культпросветучреждений по бюджету Корякского округа» [26. Л. 213].

28 декабря датировано письмо старшего научного сотрудника Центрального военно-морского музея Ю. Скотникова. В нём тоже, но уже профессионально, описано состояние музейных дел: «Уважаемая тов. Мечтанова! К сожалению, болезнь не дала мне возможность ещё раз посетить музей и оставить в книге отзывов свои впечатления и пожелания. Прошу поэтому принять данное письмо как отзыв посетителя.

Общее впечатление о музее хорошее, особенно хорош раздел по истории освоения Камчатки в дореволюционные годы. Неплохое впечатление оставляет раздел природы и сельского хозяйства. Чувствуется любовь к своему делу сотрудников музея и их стремление создать хорошую музейную экспозицию.

Но совершенно недопустимо для данного музея отсутствие раздела о Камчатке советского периода, периода невиданного бурного развития экономики края, культуры её населения. Нет, к сожалению, в музее и такой темы, как экономическое и культурное строительство в национальных округах Камчатки.

Не раскрыт в экспозиции и такой важный вопрос, как природные богатства края, которые могут быть использованы для развития местной промышленности.

И последний крупный, на мой взгляд, недостаток — очень мало в экспозиции реликвийного и подлинного (можно и в фотокопиях) документального материала, во имя чего, как известно, и существуют музеи. Сбор этих материалов не считали, вероятно, одной из первейших задач музея.

Устранение этих недостатков не только значительно усилит роль музея как культурно-просветительного учреждения на Кам-

чатке, но и окажет значительную помощь в деле воспитания любви к этому богатому краю и гордости за его замечательных людей.

Вполне понятно, что в существующем помещении музея и без достаточного количества музейных материалов устранить указанные недостатки чрезвычайно трудно» [24. Л. 45—45об.].

Состав музейного совета в 1954 г. [24. Л. 22]:

— Рабига Рамазановна Клявлина, начальник управления культуры КОИК;

— Лидия Ивановна Туреева, заведующая лекторской группой горкома КПСС;

— Виктор Андреевич Ярмолюк, инженер геологоуправления;

— Кира Михайловна Кузнецова, начальник обллита;

— Мария Васильевна Кондратьева, сотрудник обкома КПСС;

— Клавдия Васильевна Мечтанова, директор музея;

— Лидия Александровна Кучерская, научный сотрудник музея;

— Макар Трофимович Костенец, заведующий отделом пропаганды горкома КПСС;

— Михаил Лаврентьевич Балакин, редактор газеты «Камчатская правда».

1955 г.

14 января отправлен запрос к бывшему камчатскому старожилу и руководителю, участнику революционных событий во Владивостоке и на полуострове И. Е. Ларину: «Иван Емельянович! Музей просит убедительно сообщить всё, что Вы знаете о Камчатке за период борьбы за установление советской власти. Может быть, Вы располагаете какими-либо вещами: фотографиями, документами, оружием и прочим.

В настоящее время у нас созданы заново экспозиции всех отделов музея. Трудящиеся Камчатки с большой любовью относятся к музею, в книге отзывов и предложений у нас очень много благодарностей и тёплых отзывов о работе музея, но вот по революционному периоду мы располагаем очень скудными материалами. Я, как директор музея, убедительно Вас прошу помочь нам в сборе материалов, документов и вещей за тот период. Сейчас посылаем Вам тематико-экспозиционный план отдела, в ближайшее время вышлем фотографии этого отдела...» [23. Л. 2].

17 февраля директор музея обратилась к заведующему отделом пропаганды и агитации Хабаровского краевого комитета КПСС А. С. Боковенко. Повод — злополучная диорама. Из Хабаровска «не было выслано... никаких расчётов о стоимости диорамы и даже

простого счёта, зато одновременно с поступлением диорамы в Петропавловск было выставлено в Госбанке на инкассо 20 тыс. руб. на бюджетный счёт музея и снято по инкассо 5 тыс. руб. [Ещё] 5 тыс. руб. художественный фонд получил от музея в 1953 г. в счёт заказа».

Результат: музей оказался и без диорамы, и в «крайне тяжёлом материальном положении». «В настоящее время всякая работа по дальнейшему оформлению экспозиции прекращена, финансирование музея прекращено во избежание списания и без того мизерных средств по инкассо за диораму, которая в музее не экспонируется и экспонироваться не будет...» По поводу возврата средств пришлось обращаться в Госарбитраж... [23. Л. 3—5].

22 августа получена телеграмма из Усть-Камчатска: «В море неводом рыбаками вытащен клык неизвестного животного размером 3 м 40 см при диаметре 114 мм. Клык находится в Усть-Камчатской моторно-рыболовной станции» [23. Л. 8].

В это же время временно исполняющей обязанности директора музея В. М. Хрычевой (директор пребывала в отпуске) подготовлена и отправлена в облит заявка для получения разрешения на экспозицию стенда «Герои-освободители Курильских островов».

На нём располагались:

— портрет Героя Советского Союза коммуниста Николая Вилкова (слева);

— портрет Героя Советского Союза комсомольца Петра Ильичёва (справа);

— текст между портретами: «Выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, 17 августа 1945 г. моряки Тихоокеанского флота совместно с частями Советской Армии начали боевые действия по освобождению Курильских островов. Особенно ожесточённые бои завязались за высоту 171,0 на острове Шумшу, прикрывающую основные силы противника. В первых рядах атакующих был коммунист старшина 1-й статьи Николай Вилков.

Неожиданно на пути советских моряков ожил вражеский дот. Успешная атака могла быть сорвана. В этот решающий момент боя старшина 1-й статьи Николай Вилков поднялся во весь рост, бросившись на стреляющий дот, закрыл амбразуру своей грудью. Последовавший за ним матрос-комсомолец Пётр Ильичёв повторил самоотверженный поступок Николая Вилкова, закрыв собою вторую амбразуру дота»;

— фотография могилы Николая Вилкова (слева) с подписью;

— фотография могилы Петра Ильичёва (справа) с подписью;

— между этими фотографиями — изображение памятника погибшим при освобождении Курильских островов;

— изображение «Взятие Курильских островов» (слева);

— пробитый вражеской пулей и залитый кровью комсомольский билет старшего краснофлотца Николая Михайловича Бушевца (инвентарный № 1355);

— текст: «Стремясь к скорейшей ликвидации очага войны на Востоке, Советский Союз объявил 9 августа войну Японии. В ожесточённом бою с превосходящими силами японцев советские войска прорвали первую линию оборону и взяли к восьми часам утра господствующую высоту (мыс Кокутан). Не менее кровопролитные бои происходили на соседнем Парамушире. Командующий японской армией капитулировал. Акт о капитуляции подписан на Шумшу, где 70 лет назад происходила церемония передачи островов Японии.

После взятия первых островов советские войска стали быстро продвигаться к югу. К 1 сентября вся Курильская гряда была очищена от японцев. Советским воинам, погибшим при освобождении Курил, воздвигнут памятник в Петропавловске на Камчатке. Подпись на нём гласит: “Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины. Память о вас, вернувших Родине Курильские острова, переживёт века. Август, 1945 год”.

Так Советский Союз исправил историческую несправедливость, нанесённую русскому народу. Курильские острова, впервые открытые и освоенные русским народом и ставшие частью русской земли, возвращены ему окончательно. На Курилах, как и на Южном Сахалине, утвердилась советская власть»;

— завершала стенд сталинская цитата: «И отныне они [острова] будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от агрессии».

Содержание экспозиции утверждено, и 28 августа она разрешена к показу [23. Л. 9—10].

1956 г.

23 января Камчатская область указом Президиума Верховного Совета СССР выделена из состава Хабаровского края как особая территориальная единица в составе РСФСР. С одной стороны, при формальном сохранении слова «областной» в названии статус музея повышался, ибо с этого времени он действительно становился

главным на теперь самостоятельной территории. С другой стороны, выделение обостряло все присущие ему сложности и недостатки.

Вот что об этом 23 февраля сообщалось из Петропавловска начальнику управления музеями Министерства культуры РСФСР А. С. Ханукову:

«При распределении бюджета в Хабаровском крае камчатский музей получил всего 11 000 руб. по 5-й статье, и больше ни копейки... Камчатский музей крайне нуждается в материальной помощи. Почти все экспозиции требуют обновления. Например, в отделе природы все чучела до единого необходимо заменить. Они прослужили уже по 20–30 и более лет и, конечно, больше служить не могут. Из-за отсутствия средств в музее не создан до сих пор раздел, посвящённый показу развития корякского народа, никак не отражена лесная промышленность, очень слабо и однобоко представлен раздел рыбной промышленности. Необходимо расширять и обновлять отдел сельского хозяйства. Сейчас надо создавать стенд, посвящённый материалам XX съезда Коммунистической партии.

Одним словом, всего не перечислишь, что надо сделать, а денег всего 11 000 руб. ...Сейчас ещё не поздно, окажите нашему музею в этом 1956 г. обещанную помощь в 70–50 тыс. руб. на оборудование экспозиций, а то поистине камчатский музей влачит нищенское существование. Всё, что до сих пор удалось сделать по обновлению и новому оформлению экспозиций, так это путём вымаливания средств у различных хозяйственных организаций, но без конца просить невозможно стыдно, да и хозяйственные руководители не могут отпускать средства, сейчас финансовая дисциплина не та, что прежде...» [23. Л. 14].

9 февраля К. В. Мечтанова отправила редактору центрального журнала «Советский моряк» П. И. Мусьякову вот такое послание:

«В журнале... № 24 за декабрь 1955 г. помещена статья “Скульптурный портрет А. И. Чирикова”. В этой статье говорится, что в КОКМ помещён скульптурный портрет А. И. Чирикова.

Считаю своим долгом сообщить, что никакой скульптуры Чирикова в камчатском музее нет и никогда не было, а неверные сведения, помещённые в вашем журнале, безусловно, являются результатом несерьёзного, если не говорить больше, отношения к своим корреспондентским обязанностям подполковника Николаева. Кстати, ни со мной, ни с кем другим из сотрудников камчатского музея тов. Николаев на эту тему не беседовал, и откуда он взял такие сведения, неизвестно.

Могу сказать несколько слов о Боброве В. Т. (самодеятельном скульпторе. — *С. Г.*). Бобров ни в какой творческой командировке не был, документов об образовании художника не имеет, на Камчатке Бобров был по вербовке строительного треста № 6, где и работал промрабочим месяца два-три. Затем Бобров расторгнул с трестом договор и нигде больше на Камчатке не работал, а занимался выполнением заказов по художественному оформлению витрин, вывесок, стендов и т. д. В частности, такую же работу по трудовому соглашению выполнял и в камчатском музее.

Скульптуру Чирикова, действительно, Бобров сделал, но музей этой скульптуры не заказывал и не приобретал, так как образ Алексея Ильича Чирикова ни в скульптуре, ни в портрете пока ещё никем не создан, и принять скульптуру Боброва за правильно созданный образ нет никакого основания.

Следует также сказать, что сделанную скульптуру Чирикова Бобров перед отъездом с Камчатки умышленно расколотил на мелкие части, а осколки уборщица музея вынесла на помойку. Вам теперь, видимо, будет понятно законное возмущение сотрудников музея появлением в официальном печатном органе такой неправдоподобной информации.

Видимо, подполковник Николаев построил свою информацию со слов Боброва и фотографии несуществующей скульптуры Чирикова, поэтому вдвойне становится неприятно, что некоторые корреспонденты пользуются материалами для статей от людей случайных и не внушающих доверия. В заключение прошу в следующем номере журнала дать опровержение указанной статьи» [23. Л. 13].

14 марта о готовности выполнить макет консервного завода для предусмотренного расширения отдела рыбной промышленности сообщил С. Н. Ерошенко. Теперь этот макет должен был изображать конкретное предприятие — Петропавловский рыбозавод, как раз сейчас серьёзно перестраивавшийся. План, предполагавшийся положить в основу будущего макета, должен был составить филиал Гипрорыбпрома. Это обещано сделать к 5—8 июля. Будущий макет предполагал использование подсветки с помощью недавно появившихся «микролампочек» накаливания. Заботы по их приобретению тоже возложены на Ерошенко: на Камчатке добыть их было невозможно.

Мастер был готов взяться за дело основательно, он уже запасся некоторыми материалами и начал знакомиться с рыбообрабатывающим производством по специальной литературе, вроде книг Чупахина «Рыбоконсервное оборудование и его эксплуатация»,

Терентьева «Комплексная механизация рыбозаводов» и прочими подобными [23. Л. 16—16об.].

Схему оплаты его трудов решили изменить: провести её за счёт средств Министерства культуры РСФСР через его закупочную комиссию. В письме в министерство директор просила попутно выслать документы, позволяющие приобретать или заказывать экспонаты у частных лиц. «У нас здесь никаких художественных мастерских нет, частного художника и то с трудом можно найти, а областной финотдел поставил нас в такие условия, что мы не можем даже этикетки или вывески обновить частным образом, не говоря уже о более капитальных работах, которых у нас много» [23. Л. 18].

В июле, 23-го числа С. Н. Ерошенко сообщил, что сейчас вовсю трудится над большим макетом рыболовного сейнера типа МРС-80 в масштабе 1 : 15. Детали крупные, поэтому «требуют значительной проработки. Корпус (120 на 30 см) пришлось сделать из набора и обшивки (он уже готов), так как такой способ хотя и сложный, но зато и лучше выглядит. Все металлические части (гребной винт, ярусная машина, брашпиль, кнехты, леера, лебёдка и якоря) уже готовы и отданы в никелировку». Обещал завершить работы к 15 августа. Макет он намеревался доставить в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ) к 20 августа. Его предполагалось разместить в павильоне Дальнего Востока, что и было сделано. При этом для администрации выставки прибытие макета стало полной неожиданностью, несмотря на вроде бы имевшуюся договорённость с Камчатским областным управлением культуры [23. Л. 23, 30].

12 июля исполком Петропавловского горсовета решил выделить 6 тыс. руб. на проведение работ по благоустройству музейной территории. Сделать это следовало «за счёт отчислений от прибылей, поступающих на культурно-бытовое строительство и благоустройство города... в июле месяце» [29. Л. 49].

28 августа КОИК установил цены на музейные билеты: для школьников и учащихся — 50 коп.; для срочнослужащих солдат, сержантов и старшин — бесплатно; прочим посетителям — 1 руб. Определена и оплата экскурсовода: для учащихся и срочнослужащих — 15 руб.; для групп посетителей, требующих специальной подготовки экскурсоводов (преподаватели, специалисты, армейские и флотские командиры) — 25 руб.; для прочих посетителей — 20 руб. [30. Л. 189—190].

8 декабря КОИК увеличил ассигнования областному управлению культуры на оборудование музея на 20 тыс. руб. На эту же сумму

сокращены расходы на содержание школьных интернатов по бюджету на 1956 г. Корякского национального округа [31. Л. 691].

Вполне возможно, что итогом именно этого решения стало обращение директора музея к секретарю Олюторского райкома КПСС И. Н. Сафронову: «Иван Николаевич! КОКМ в своей экспозиции почти не отражает громадных богатств пушного хозяйства Камчатки из-за отсутствия экспонатов. Поэтому я убедительно прошу Вас оказать всяческое содействие в приобретении шкурок пушных зверей для экспонирования их в музее, как в виде пушнины, так и в виде чучел. Иван Николаевич! Вас, безусловно, не нужно убеждать, какое имеет значение пропаганда через музей всех неисчислимых природных богатств Камчатки, а пушнина — одно из её основных богатств... Я со своей стороны, как директор, гарантирую немедленную оплату шкурок и тушек по заготовительной цене» [23. Л. 37].

А московскому отделению Художественного фонда СССР предложено изготовить светящуюся карту Камчатки размером 1,2 на 3,6 м с указанием размещения предприятий, запасов рыбы и морского зверя, лесов. Кроме этого, «монтажи» под названиями «Прошлое и настоящее корякского народа» (1,6 на 0,55 м) и «Техника лова рыбы на Камчатке» (0,8 на 2,4 м). Их надо сделать цветными по типу, как «на ВСХВ в Украинском павильоне». Правда, оговорено, что «может быть, ваша стоимость нам окажется не по средствам, вы уж постарайтесь для Камчатки сделать подешевле, мы тут бедные...» [23. Л. 15].

К 1956 г. относится один из первых примеров послевоенного международного, правда, в рамках так называемого «социалистического лагеря», сотрудничества. 6 июля (ещё до начала «антикоммунистического контрреволюционного мятежа» 23 сентября — 4 ноября) научный сотрудник Музея этнографии Венгрии из Будапешта В. Диосеги сообщал: «...Я изучаю шаманизм народов Сибири, и так хотел бы узнать, какие материалы, связанные с шаманизмом, находятся в вашем музее? Я бы очень благодарен был вам, если бы вы послали мне каталог музея о данных, связанных с шаманизмом. Если такого нет, составили бы список предметов в отношении шаманизма. В этом списке я нуждаюсь в трёх данных: 1) наименование предмета, например, бубен, 2) народ, от которого взят этот предмет (например, эвенки), 3) каталожный номер этого предмета» [23. Л. 3]. Свидетельств о дальнейших связях с Венгрией пока не обнаружено.

Продолжилось и взаимодействие с самодеятельными музеями. В мае школа № 25 из города Салаир Кемеровской области просила «выделить для пополнения коллекций... бумажных денег, имевших хождение на Дальнем Востоке в период гражданской войны». Ответ послан 21 июня, но его содержание нам неведомо [23. Л. 21].

10 сентября о сложностях в создании комнаты-музея сообщило командование войсковой части 10969. По его мысли, наполнение комнаты должно было отражать ход открытия и освоения Курильских островов, в частности Шумшу и Парамушира, а также героические дела советских воинов по освобождению островов от японских империалистов. Этими событиями и соответствующими документами «интересуются и наш личный состав, и население Северо-Курильского района, а мы им помочь почти ничем не можем» [23. Л. 31].

18 декабря основанный в 1936 г. народный политехнический и художественный музей Кыштымской городской станции юных техников обратился с просьбой «принять посильное участие — помочь в пополнении экспонатами». Конкретно желали заполучить несколько образцов вулканических горных пород, «о которых мы на Урале не имеем представления», а также что-нибудь из фауны океана, о чём «учащиеся знают только по этикеткам консервных банок». Просили к каждому экспонату приложить письменное пояснение [23. Л. 35].

В 1956 г. музей посетили 36 тыс. чел. Сотрудники музея прочитали 48 лекций [32. Л. 1].

1957 г.

В феврале случился настоящий «мамонтопад». Главный инженер Козыревского леспромхоза Белобров известил телеграммой: «В посёлке Козыревск при копке ямы на глубине трёх метров обнаружен клык мамонта или другого древнего животного. Если это представляет интерес музею, можем выслать авиатранспортом». 20-го числа «Камчатская правда» сообщила о находке неким Филиновым ещё одного бивня. Музеем ему сообщено: «Находка ваша очень заинтересовала нас. Если это действительно окажутся бивни мамонта (у нас есть специалисты, которые смогут определить), то они очень пополнят экспозицию музея. Поэтому большая просьба к вам, не напишите ли нам, каким образом мы можем у себя иметь эту находку...» [23. Л. 43, 44]. Сейчас все эти бивни представлены в постоянной экспозиции.

30 марта начальник владивостокского Военно-исторического музея Тихоокеанского флота подполковник Б. Сушков отправил «просимую вами медаль в память Севастопольской обороны с передачей в фонды вашего музея (инв. № 1966)». В обмен ожидал обещанные книги по гражданской войне [23. Л. 38].

Участие подполковника в музейных делах вскоре получило неожиданное развитие. Из Анадыря от секретаря Чукотского обкома КПСС Жихарева пришла телеграмма: «По заверенным сведениям начальника владивостокского Военно-исторического музея Сушкова, такие материалы у вас хранятся на чердаке музея» [23. Л. 48]. Речь шла о документах, отражавших революционные события на далёком полуострове. Интерес к ним подогревался приближавшимся 40-летием советской власти.

Ответ был таков: «Товарищ Жихарев! В камчатском музее материалов о работе партийных организаций Анадыря и Чукотки нет и не было, в областном нашем архиве также почти ничего нет. Небольшие материалы имеются в личном пользовании Слободчикова Фёдора Лукича — работника Камчатского отделения ТИНРО. Видимо, Вам следует обратиться в Томский архив, куда в своё время были переданы архивы с Камчатки.

Бо́льшая часть материалов, находящихся в Камчатском областном архиве, погибла во время пожара в 1939 г. В связи с подготовкой к 40-летию Октябрьской революции с Камчатки был командирован в Томский архив товарищ Махоркин, сотрудник газеты “Камчатская правда”. По его рассказам, там очень много материалов по всему Дальнему Востоку. Вот всё, чем я могу Вам помочь.

Что касается заявления товарища Сушкова, то оно ни на чём не основано. Впрочем, я лично этим не удивлена, так как мне уже не раз привелось убедиться, что товарищ Сушков может высказывать соображения, ничем не подтверждаемые. Видимо, у него такой стиль работы» [23. Л. 49].

Кстати о чердаке. Упомянут он неслучайно. Как мы знаем, музей не располагал фондохранилищем, его роль выполнял как раз этот пыльный и холодный чердак.

20 августа обллит утвердил содержание тематико-экспозиционного плана «40 лет советской власти на Камчатке». В нём предусмотрено множество фотографий и диаграмм, снабжённых пояснениями. Вот некоторые из них:

«Последняя юрта в селе Седанка-Кочевая, Тигильский район»; «Формой религии у народов Севера был шаманизм»; «Шаманы являлись выразителями интересов зажиточной верхушки и, одурманивая

сознание людей, способствовали ограблению и жестокой эксплуатации местных народов»; «Жестоко эксплуатируемые, забитые, полудикие народы питались решительно всем доступным — травами, листьями, мышами, разваренными оленьими рогами, личинками овода»; «До крайности нищенской была одежда местных народов. Одежду они носили прямо на голое тело, без нижнего белья, никогда её не мыли, не чистили, не меняли до полного износа».

Это о тяжкой жизни коренных народов полуострова в прошлом. А вот и благотворные перемены, случившиеся с аборигенами после очистительных революционных бурь:

«Новые дома в селе Эссо, Быстринский район»; «Пастухи-оленеводы в красной яранге»; «Слушатели Паланской сельскохозяйственной школы готовятся к занятиям»; «Наборщица типографии районной газеты. Село Эссо, Быстринский район»; «В квартире оленевода. Село Тигиль, Быстринский район».

Диаграммы показывали рост выработки рыбных консервов (в миллионах условных банок): в 1928 г. — 0,024, в 1955 г. — 69,0, в 1957 г. (по плану) — 81,6; рост посевных площадей (в гектарах): в 1916 г. — 14, в 1931 г. — 310, в 1940 г. — 4 000, а в 1956 г. — уже 9 000; рост поголовья крупного рогатого скота: в 1915 г. — 1 500, в 1957 г. — 25 000 животных [33. Л. 1, 17].

Кроме фотографий и диаграмм, предусмотрены: репродукция «Провозглашение советской власти на II Всероссийском съезде Советов»; барельеф В. И. Ленина и его изречение: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали у богатых для бедных, у эксплуататоров — для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять». Ещё одно: «...Теперь мы на расчищенном от исторического хлама пути будем строить мощное, светлое здание социалистического общества».

Далее поясняющий текст:

«Трудящиеся Камчатки под руководством Коммунистической партии и при помощи всего нашего великого народа в ноябре 1922 г. освободили свой край от интервентов и белогвардейцев.

Камчатка из некогда отсталой окраины царской России превратилась ныне в крупную промышленную область.

Выдающуюся главу в истории Советского государства занимает национальное строительство у малых народов Севера. Коряки, чукчи, эвены, ительмены, ламуты, алеуты, населяющие Камчатскую область, в прошлом полудикие, кочевые, бесправные народности, угнетаемые русскими и иностранными предпринимателями, влачи-

ли жалкое существование и были обречены на вымирание. Только в условиях советского общественного строя могла быть поставлена и разрешена труднейшая задача спасения и возрождения этих народов. За годы советской власти, на основе ленинской национальной политики, народности Камчатской области при братской помощи всех народов Советского Союза достигли громадных успехов в своём экономическом и культурном строительстве.

Основными отраслями хозяйства местных жителей Камчатки являются рыболовство, оленеводство и пушной промысел.

Денежные доходы рыболовецких колхозов в Корякском национальном округе в 1956 г. составили 24 млн руб., а в 1957 г. они составят не менее 40 млн.

В колхозах и совхозах национальных районов области насчитывается 140 тыс. голов оленей. Эта отрасль хозяйства составляет основную часть денежного и натурального дохода колхозов.

С ростом доходов колхозов повышается культурный уровень местного населения, растут его запросы: новые светлые квартиры, хорошая мебель, радиоприёмники — вот новый облик домашнего обихода многих жителей национальных районов.

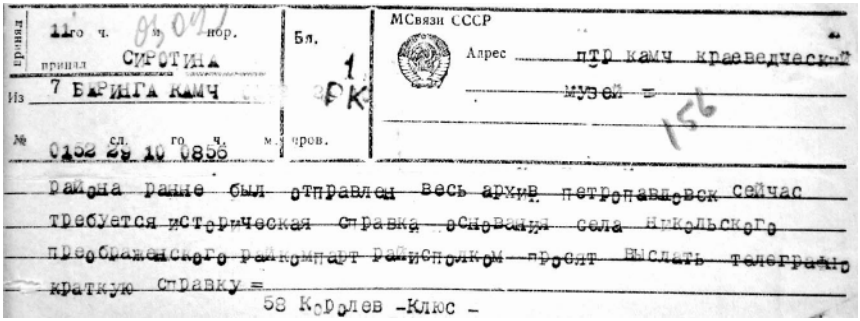
В национальных районах области из года в год растёт сеть школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений. Растут кадры местной интеллигенции, имеющей высшее и среднее образование.

Возрождение народов Севера — замечательный пример торжества национальной политики Коммунистической партии.

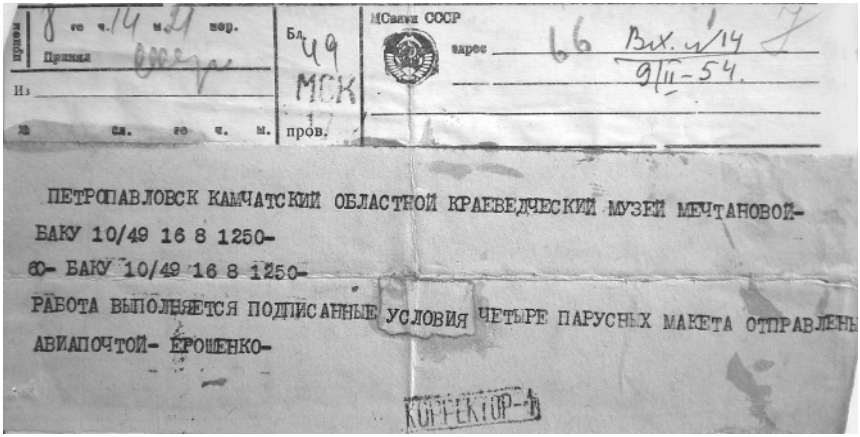
До установления советской власти на Камчатке не было почти никакой отечественной промышленности, сельское хозяйство вовсе не развивалось. Неисчислимые рыбные, пушные и другие природные богатства безнаказанно расхищались иностранными империалистами — японскими и американскими.

Только с установлением советской власти был положен конец хищничеству иностранного капитала. Советская власть создала все условия для быстрого развития народного хозяйства Камчатки, использования её неисчислимых природных богатств.

За годы советской власти в области сильно выросла материально-техническая база рыбной промышленности. Введены в эксплуатацию современные промысловые суда, способные вести лов в открытых морях, создано семь моторно-рыболовных станций. Освоены высокоуловистые орудия лова. Всё это позволило несоизмеримо увеличить добычу рыбы и перейти от сезонного лова к круглогодичному.

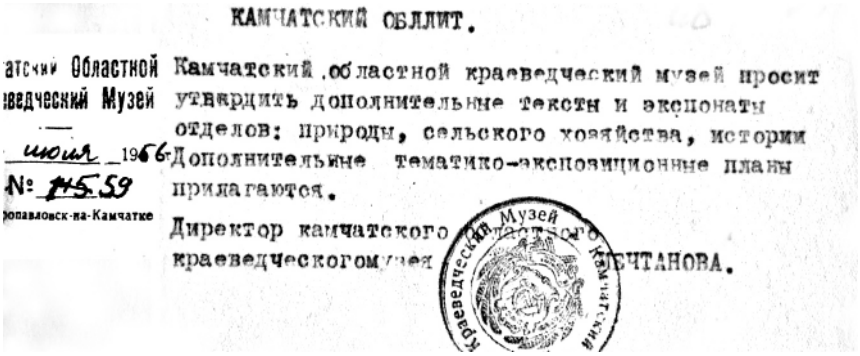


Запрос в музей с Командорских островов, 1953 г.
(ГАКК. Ф. Р-57. Д. 7. Л. 7)



ПЕТРОПАВЛОВСК КАМЧАТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МЕЧТАНОВОЙ-
БАКУ 10/49 16 8 1250-
60- БАКУ 10/49 16 8 1250-
РАБОТА ВЫПОЛНЯЕТСЯ ПОДПИСАННЫЕ УСЛОВИЯ ЧЕТЫРЕ ПАРУСНЫХ МАКЕТА ОТПРАВЛЕНЫ
АВИАПОЧТОЙ- ЕРОШЕНКО-

Телеграмма С. Н. Ерошенко, 8 февраля 1954 г. (ГАКК. Ф. Р-57. Д. 7. Л. 7)



КАМЧАТСКИЙ ОБЛЛИТ.

Камчатский областной краеведческий музей просит утвердить дополнительные тексты и экспонаты отделов: природы, сельского хозяйства, истории. Дополнительные тематико-экспозиционные планы прилагаются.

Директор камчатского областного краеведческого музея К. МЕЧТАНОВА.

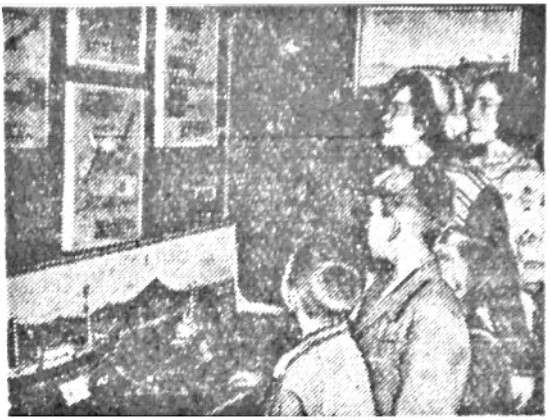
Обращение директора музея К. В. Мечтановой в обллит (цензуру) за разрешением показа экспозиции
(ГАКК. Ф. Р-57. Д. 8. Л. 28)

В музее

Камчатский областной краеведческий музей за последнее время подготовил несколько новых экспозиций, отражающих успехи развития народного хозяйства Камчатки за 40 лет Советской власти.

В парке культуры и отдыха на Никольской сопке выставлен стенд «Знай и люби свой край». Здесь отображены природные богатства Камчатки — рыбные, пушные, показаны лесные массивы, хорошие урожаи зерновых и овощных культур.

В здании музея оборудован стенд, посвященный знаменательному событию — награждению рыбаков Камчатки орденами и медалями и присвоению шести лучшим рыбакам полуострова звания Героя Социалистического Труда.



Недавно закончен монтаж стенда «Камчатка в шестой пятилетке». Здесь на голубом фоне, как бы омываемая морями, укреплена искусно исполненная художником т. Гордиковым рельефная географическая карта Камчатки. Светящиеся разноцветными огоньками контурные значки показывают посетителю густую сеть рыбопромышленных предприятий и рыболовецких колхозов, выросших в области за годы Советской власти, леспромхозы, деревообрабатывающий комбинат, рыборазводный завод, морские порты, населенные пункты, административные центры.

Расположенные рядом светящиеся диаграммы показывают рост народного хозяйства Камчатки за годы шестой пятилетки по расширению активного лова рыбы,

время в музее будут установлены две дополнительные витрины, где экспонируются документы периода 1918—1923 годов, воззвание тайного военно-революционного комитета к гражданам Камчатки, дневник председателя военно-революционного комитета Ивана Емельяновича Ларина и другие документы.

Иван Емельянович Ларин был одним из главных руководителей борьбы за установление Советской власти на Камчатке. В настоящее время т. Ларин живет в Красноярске, но и вдали от Камчатки он не забывает родных мест, где в давно минувшие годы с оружием в руках в числе других завоевывал Советскую власть

И. Е. Ларин сейчас пишет свои воспоминания, которые в ближайшие дни вышлет музею. Воспоминания т. Ларина позволят обновить экспозицию революционного периода музея.

В плане работы музея намечено создание фотоальбома, выставки цветных фотографий, в которых будут показаны народное хозяйство Камчатки, культура, быт и природные богатства.

Фрагмент статьи директора музея К. В. Мечтановой в газете «Камчатская правда» за 23 августа 1957 г.

Добыча рыбы, крабов и морского зверя возросла с 230 тыс. ц в 1928 г. до 2 230 тыс. ц в 1955 г. В 1957 г. рыбаки Камчатки взяли обязательство выловить 2,5 млн ц рыбы, то есть более чем в десять раз по сравнению с 1928 г.

Для обслуживания рыбодобывающей и рыбообрабатывающей промышленности были построены десятки вспомогательных предприятий — Петропавловская и Ключевская судоверфи, жестянобаночные фабрики и другие предприятия. Выросла лесная, деревообрабатывающая и строительная промышленность.

Ко времени установления советской власти на Камчатке было всего лишь 15 гектаров посевов и незначительное количество скота. За годы советской власти были разработаны научные основы земледелия и создано сельское хозяйство. В области теперь насчитывается 11 совхозов, из них четыре оленеводческих и один птицеводческий, 24 сельскохозяйственных колхоза и 260 подсобных хозяйств.

Для обслуживания сельского хозяйства в области созданы две моторно-тракторные станции, оленеводческий опорный пункт, окружная сельскохозяйственная школа, два сортоиспытательных участка и областная государственная опытная станция по полеводству и животноводству.

До Великой Октябрьской социалистической революции население Камчатки было почти неграмотным. В 1923 г. в области было всего 44 школы. В настоящее время в области работают 273 школы, медицинское, педагогическое, мореходное и ремесленное училища, школы фабрично-заводского обучения, музыкальная школа, университет марксизма-ленинизма и другие учебные заведения.

Почти во всех населённых пунктах открыты избы-читальни, клубы, дома культуры, библиотеки, киноустановки...» [33. Л. 18—21].

На основе этого тематико-экспозиционного плана фотомастер и художник Константин Сергеевич Гордиков подготовил более узкую тематическую фотовыставку «Петропавловск за 40 лет советской власти». Она включала почти три сотни изображений, разделённые на десять частей, показывающих состояние города в прошлом и его развитие за истекшие после революции десятилетия. Нашли отражение также состояние культуры, образования, здравоохранения, торговли и общественного питания, а также работа строителей, морского и воздушного транспорта. Не забыли и о лучших людях города.

Выставка вызвала большой интерес у жителей Петропавловска и Камчатки. Видимо, поэтому она была предложена Телеграф-

ному агентству Советского Союза в лице его ответственного редактора Н. Г. Пальгунова.

«Очень хотелось, чтобы о росте Петропавловска, самого восточного города нашей страны, знали жители и центральных областей нашей Родины». ТАСС просили «выкроить в ваших московских витринах хоть небольшой уголок для показа далёкой, но чудесной и богатой Камчатской области, где живут и трудятся замечательные советские люди». Для солидности в текст директорского письма включено упоминание, что оно подготовлено «с ведома и согласия секретарей Камчатского обкома КПСС... Ваше согласие для всех жителей Камчатки будет ценнейшим подарком» [23. Л. 39—40].

К середине августа были готовы несколько новых экспозиций, показывавших успехи в развитии народного хозяйства Камчатки за четыре десятка лет советской власти.

Знаменательному событию — небывало массовому награждению рыбаков орденами и медалями и присвоению шести лучшим из них звания Героя Социалистического Труда посвящён отдельный стенд. Завершилась сборка стенда «Камчатка в шестой пятилетке». На голубом фоне, «как бы омываемая морями, укреплена искусно исполненная художником тов. Гордиковым рельефная географическая карта Камчатки». Разноцветные огоньки показывали густую сеть предприятий и колхозов, леспромхозы, деревообрабатывающий комбинат, рыборазводный завод, морские порты, населённые пункты, административные центры (вот для чего требовались ранее упоминавшиеся «микролампочки»). Расположенные рядом светящиеся диаграммы показывали рост народного хозяйства области за годы шестой пятилетки по расширению активного лова рыбы, выпуску готовой продукции, механизации производства.

В 20-х числах августа началось оформление раздела, посвящённого борьбе за советскую власть. Приближалось 7 Ноября — главный праздник Страны Советов. В ближайшее время намечали установить две дополнительные витрины, где показать документы 1918—1923 гг. В их числе: воззвание к гражданам Камчатки военно-революционного комитета и дневник его былого председателя И. Е. Ларина. Сам Иван Емельянович, персональный пенсионер союзного значения, жил в Красноярске и сейчас завершал свои воспоминания, намереваясь в ближайшие дни выслать их на Камчатку.

Это в самом музее. А в парке культуры и отдыха на Никольской сопке на всеобщее обозрение уже был выставлен стенд «Знай

и люби свой край», отражавший природные богатства полуострова [34. 24 авг.].

Благоустраивался и небольшой участок земли перед музейным зданием. Между прочим, здесь впервые в Петропавловске, а это значит, что, скорее всего, и на всей Камчатке, появилась настоящая цветочная клумба! Следует это из вот такого интересного письма К. В. Мечтановой, отправленного 28 августа на «материк» неведомому нам адресату, именовавшемуся Кронидом Тимофеевичем.

«Прошлый год брала у вас в саду семена цветов для КОКМ. Весной цветы мы высадили в парники и часть прямо в грунт. Цветы, высаженные из парников, долго болели и очень поздно зацвели, а те цветы, которые были посеяны прямо в грунт, получились гораздо крепче, устойчивее и раньше зацвели.

Хорошо себя чувствуют астры, левкои, анютины глазки, душистый горошек, люпин, хризантемы, маргаритки, бархатцы, ноготки, вьюнки различные, цинки, мальва. Но георгины дали очень мелкие цветы, флоксы только сейчас начали набирать цвет, а пионы набрали бутоны, но не зацвели и почему-то вовсе прекратили рост.

Благодаря вашей помощи, у нас, на Камчатке, в этом году впервые появились садовые цветы. Многие руководители, непосредственно ведающие городским хозяйством и благоустройством, до сих пор авторитетно заявляли, что на Камчатке никакие садовые цветы расти не будут. Поэтому, несмотря на некоторые неудачи, наш небольшой музейный сад вызывает у жителей города восхищение, одобрение, умиление и прочие радостные чувства.

Я думаю, что вам это не безразлично, поэтому я вас убедительно прошу — вышлите нам в адрес музея цветочных семян всяких, и в первую очередь тех, которые я перечислила выше. Ещё очень хочется попробовать — не будут ли расти сирень, жасмин, акации, розы, гладиолусы, канны, нарциссы, тюльпаны. Кроме того, прошу очень — дать хотя бы коротенькие описания величины роста цветов, а то у нас получилось так, что некоторые мелкие по своему росту цветы попали на задний план, и их совершенно не видно за буйно разросшимися в высоту и ширину кустами хризантем и других крупных по росту цветов.

Ещё раз очень прошу... помочь нам в приобретении семян! Мы, жители Камчатки, будем вам бесконечно благодарны... Семена и клубни нам лучше высылать пораньше, с осени, чтобы они не помёрзли в пути — в Сибири рано начинаются сильные морозы. Высылайте наложенным платежом по адресу: Петропавловск-Камчатский, облмузей» [23. Л. 47].

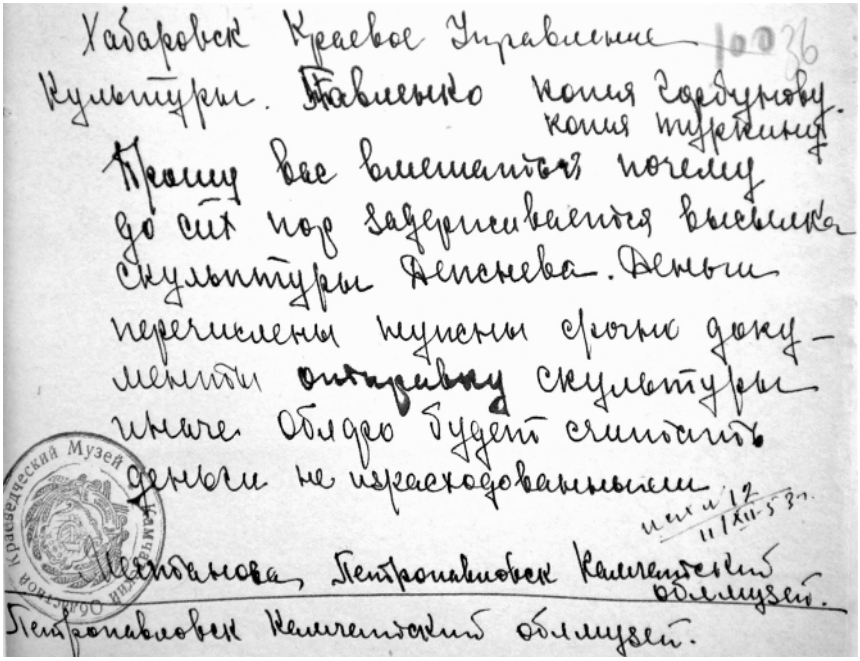
Ближе к завершению юбилейного 1957 г., наполненного множеством забот и волнений, начали выстраиваться новые задумки, могущие принести и новые возможности. Одна из них — открытие при КОКМ небольшой мастерской, где можно было бы изготовлять чучела птиц и зверей, фотооткрытки с видами Камчатки, выпускать репродукции с картин, изготавливать различные фотоэтюды, макеты, диорамы, вести оформительские работы как для музея, так и других организаций и населения. По этому поводу составлено обращение директора музея к начальнику финансового отдела Министерства культуры РСФСР, пока с просьбой дать разъяснения.

«Дело в том, что в Петропавловске, да и во всей области, негде приобрести чучела птиц или зверей и некому заказать. Местные охотники приносят много тушек птиц и зверей, но музей вынужден их выбрасывать, так как нет препаратора, нет даже человека, который хотя бы шкурку мог снять, годную для чучела. Если бы у музея была мастерская, то можно было бы не только создать полную экспозицию животного мира Камчатки в камчатском музее, чего до сих пор нет, но и высылать чучела камчатских птиц и зверей в научные учреждения и музеи других областей Советского Союза, в чём они очень нуждаются, даже в Москве.

Жители Камчатки бесконечно обращаются в музей с вопросом, где можно приобрести фотооткрытки с видами Камчатки. Этим также никто не занимается, и фотоснимка с видами Камчатки нет во всём Советском Союзе. Ввиду того, что в штате музея нет художника, приходится терпеть много затруднений с оформлением экспозиции — привлекать частных лиц. В городе нет никаких художественных мастерских, всё это чрезвычайно затрудняет своевременность выполнения работы, расчёты за работу и т. д.

В Петропавловске есть люди, которые одновременно являются хорошими оформителями и фотографами. Препарировать животных, зверей и птиц также каждый из них сможет быстро научиться. Я убедительно прошу разрешить камчатскому музею создать мастерскую со штатом хотя бы из одного человека, которого музей будет содержать на сдельной оплате... И тогда без особого горя можно будет постоянно обновлять, расширять и улучшать экспозиции и, кроме того, реализовывать хотя бы открытки для пополнения средств спецсчёта музея.

Очень прошу не отказать в моей просьбе, я не сомневаюсь, что создание мастерской поможет улучшению работы музея» [23. Л. 41—42].



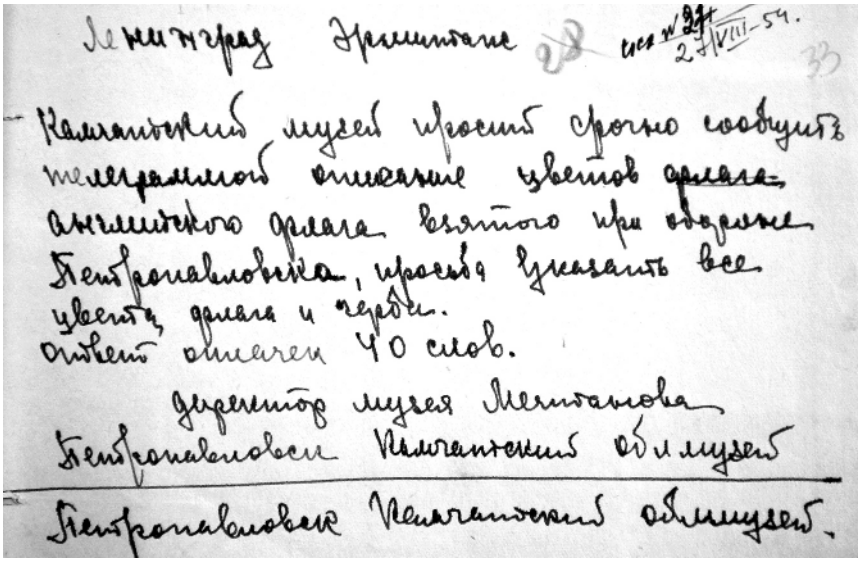
Хабаровск Краевое Управление Культуры. Главному копия Сорбулову копия туркенич

Прошу вас выяснить почему до сих пор задерживается высылка скульптуры Женеева. Деньги перечислены нужны срочно документы отправлены скульптуры нет. Обидно будет списать деньги не израсходованными

исх. № 12 11/XII-53 г.

Шестакова, Петропавловск Камчатский облмузей.

Петропавловск Камчатский облмузей.



Ленинград Эрмитаж исх. № 22 2/VIII-54. 33

Камчатский музей просит срочно сообщить телеграммой описание цветов орлана-белохвостого орлана взятого при отправке Петропавловска, просьба указать все цвета орлана и черепа. Ответ отмечен 40 слов.

Директор музея Шестакова Петропавловск Камчатский облмузей

Петропавловск Камчатский облмузей.

Фрагменты переписки музея, 1953—1954 гг.
(ГАКК. Ф. Р-57. Д. 5. Л. 36; Д. 7. Л. 20)

Ин.1, 28

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ленинград, 164. Университетская набережная, № 1. Тел. 1-89-16; 1-89-10; 1-89-20; 1-89-22.

6 августа 1953 г. № 212-М

ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ
Областной Краеведческий Музей
Директору.

Комитет по изучению мамонтов при Зоологическом Институте Академии Наук СССР благодарит Вас за сообщение о находке остатков мамонта в районе селения Мильково. Данная находка будет взята Комитетом на учет и в дальнейшем нанесена на специальную карту.

Комитет по изучению мамонтов просит Вас выслать фотографии челюсти найденного Вами мамонта (вид сверху, со стороны жевательных поверхностей зубов и сбоку), а также прислать для определения один из зубов. В случае необходимости этот зуб может быть возвращен Вашему музею после того, как будет закончено определение.

Относительно времени существования мамонтов на территории Камчатского полуострова точных данных нет. На территории Восточной Сибири и Аляски мамонты существовали в последниковое время. Сведения об этом Вы можете найти в работе Попова, Портенко и Тихомирова _____, опубликованной в Зоологическом Журнале № 1 за 1951 г.

Зам. ДИРЕКТОРА
ЗООЛОГИЧЕСКОГО ИН-ТА АН СССР
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
по изучению мамонтов В.Б.ДУБИНИН

Ученый Секретарь
Комитета по изуч. мамонтов В.Е.ГАРУТТ

Письмо Зоологического музея Академии наук СССР от 6 августа 1953 г. о находке останков мамонта в районе села Мильково (ГАКК. Ф. Р-57. Д. 5. Л. 28а)

Сложности с деньгами продолжились.

18 ноября управление культуры известило КОИК, что подготовленная выставка документов революционного времени и фотовыставка «Петропавловск за 40 лет советской власти» уже показываются публике в помещении областного драматического театра. Их стоимость — 10 тыс. руб. Музей заплатить их не может, так как ассигнования полностью израсходованы на создание новой постоянной экспозиции. Управление культуры тоже не может покрыть расходы и поэтому просит увеличить музею кредит на названную цифру.

23 ноября дано распоряжение КОИК: покрыть долги за счёт «образовавшейся в областном бюджете экономии в связи с неполным развёртыванием сети социально-культурных учреждений» [35. Л. 156—157].

В декабрь вновь забрезжила надежда в получении нового помещения. Это следует из документа, отправленного начальнику министерского управления музеями А. С. Ханукову:

«В ближайшее время местные партийные и советские органы предоставляют музею новое помещение площадью около 400 кв. м, примерно в пять раз больше существующего. В новом помещении имеется возможность оформить все недостающие экспозиции. Поэтому Камчатское областное управление культуры просит утвердить бюджетные ассигнования музею в сумме 200 000 руб.».

Далее перечислены уже многократно озвучивавшиеся выше музейные сложности:

«В настоящее время в камчатском музее совершенно не представлен отдел народов Севера и археологический отдел. Очень слабо и сжато отражена ведущая отрасль промышленности Камчатки — рыбная, совсем отсутствует показ лесной, деревообрабатывающей, строительной и других отраслей промышленности. Музей не располагает необходимым количеством чучел птиц и зверей, нет шкурок пушных зверей. Оборудование также крайне ветхое, необходимо приобретение новых витрин, шкафов и другого оборудования» [23. Л. 50].

В 1957 г. музей посетили 57 тыс. чел., на 21 тыс. больше, чем в предыдущем. Сотрудники музея прочитали 170 лекций [32. Л. 1].

1958 г.

В конце марта камчатским музейщикам представилась возможность пообщаться с коллегами: в Петропавловске в Доме офицеров флота открылась передвижная выставка «Военно-Морской

Флот Союза ССР», организованная Центральным военно-морским музеем. Из Ленинграда прибыло свыше пяти сотен экспонатов, рассказывавших о героическом пути советских военных моряков. Выставку сопровождал сотрудник ЦВММ Н. Филиппов [22. № 77].

А рядом с Домом офицеров флота по инициативе командующего Камчатской военной флотилией Героя Советского Союза вице-адмирала Г. И. Щедрина уже началось возведение двухэтажного здания будущего Музея боевой славы. Оно шло как народная стройка по проекту офицера Л. Кучерского, ожидалось, что завершится в следующем году [22. № 172]. Так что вскоре в Петропавловске должен был появиться ещё один музей...

11 апреля управление музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР сообщило, что ознакомилось с отчётом КОКМ за 1957 г. и отметило, что в истекшем юбилейном году он улучшил научно-исследовательскую, собирательскую и культурно-массовую работу.

По мнению руководства, «установление связи музея с участниками борьбы за установление советской власти на Камчатке, расширение краеведческого актива, несомненно, помогло как в собирательской работе, так и популяризации музея среди населения». Значительно увеличилось по сравнению с 1956 г. число прочитанных сотрудниками публичных лекций, но в то же время не проведено намеченное количество экскурсий (вместо 200 всего 135). «Важным положительным фактором работы камчатского музея следует признать начало его издательской деятельности». Видимо, под этим подразумевалось изготовление и показ передвижных фотовыставок. Кроме этого, в 1957 г. книжная редакция при газете «Камчатская правда» выпустила десятитысячным тиражом книжку (сборник статей) в твёрдом переплёте «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)» в 134 страницы. Работа стоила 3 руб., её составители — активист музея И. Ф. Махоркин и бывший директор Ф. Л. Слободчиков — в том числе использовали текстовые и фотографические материалы из запасников.

В 1958 г. музею следовало обратить основное внимание на повышение идейного уровня экспозиционной, научно-собирательской, фондовой и массовой культурно-просветительной работы. С учётом того, что ему предполагалось выделить новое помещение, требовалось приступить к созданию постоянной экспозиции по следующим разделам истории советского периода: «Восстановление народного хозяйства края», «Край в период довоенных

пятилеток», «Послевоенные достижения народного хозяйства и культуры края».

Нужно было завершить инвентаризацию фондов, а также приступить к научной инвентаризации художественного собрания, то есть к составлению научной картотеки. Вскоре ожидалось поступление специальных инвентарных книг... [32. Л. 1—2].

28 мая сейнер «Спартак» рыболовецкого колхоза «Красная связь» зацепил тралом старинный якорь. Его «опознали» как принадлежность бота «Фортуна». Это судно в октябре 1737 г., следуя из Охотска в Большерецк, не сумело войти в реку Большую, было выброшено бурей на песчаную косу. На боте находился будущий великий исследователь Камчатки, а тогда студент Степан Крашенинников. Находку колхозники решили передать музею.

27 июня частным мастерам отправлен заказ, а вместе с ним шкурки зверей и птиц для изготовления чучел. «Позы зверей мы высылаем, но мне думается, — писала директор, — что вы сами можете придать более лучшие. У нас не нашлось лучших иллюстраций, откуда можно было бы скопировать другие посадки зверей. Например, хотелось бы, чтобы зайчик умывался лапками, медведи были играющими, вроде как у Шишкина...» [32. Л. 3].

28 июня ученики и учителя Быстринской школы прислали вместе с письмом неведомый предмет. «На днях ученики нашей школы, братья Трофимовы, нашли в яме, которую они копали для хозяйственных построек, на глубине одного метра, этот предмет, который мы высылаем вам. Учеников и учителей Быстринской школы эта вещь очень заинтересовала, возможно, она имеет какую-нибудь историческую ценность. Всё, что вам удастся установить о ней, просим сообщить нам, так как интересно узнать о далёком прошлом нашего района».

Ответ последовал нескоро, только 13 февраля следующего года: «...Музей очень благодарит вас за интересную археологическую находку. Что представляет собой данный предмет? Одна сторона его отшлифована так, что в неё можно смотреться. Это и есть бронзовое зеркало, относящееся примерно к XIII—XIV вв. На другой стороне изображён получеловек — полуконь, так называемый кентавр, образ которого широко использовался в мифологии древней Греции, Рима, заимствованный ими в странах Передней Азии.

Русские мастера при изготовлении бронзовых зеркал вложили в них большое искусство, и эти изделия пользовались спросом не только в северной части Европейской России, Приуралье, но и на Колыме, Чукотке и в других местах.

Возможно, что данное зеркало проникло сюда в результате обмена между русскими и коренными жителями Камчатки, в том числе эвенами. Эвенские женщины, вероятно, использовали бронзовые зеркала и как нагрудное украшение» [32. Л. 4—5].

Подобное зеркало имелось и в Корякском окружном краеведческом музее. «...Круглая литая бронзовая бляха. На внешней её стороне изображён крылатый получеловек, полуконь на фоне восточных узоров. В центре бляхи — шаровидный наплыв. На нижней части — два отверстия, расположенных рядом, для ношения или привязывания к одежде. Верхняя часть бляхи отломана вместе с лицом всадника. Оборотная сторона бляхи гладко отшлифована так, что в неё можно смотреться. Собственно, она для этого и приспособлена. Это — бронзовое зеркало, относящееся примерно к XIII—XIV вв.» [22. № 121]. Откуда оно поступило, не сообщалось.

3 июля КОИК принял распоряжение № 218: «В целях сохранения фондов областного краеведческого музея поручить комиссии в составе тт. Мельникова В. З., Авербаха Я. Е., Хрычевой В. М. внести в десятидневный срок предложение в облисполком о выделении помещения для сохранения фондов музея» [36. Л. 200].

3 декабря Петропавловский горисполком уменьшил на 5 000 руб. бюджетные ассигнования на приобретение инвентаря и оборудования по смете парка культуры и отдыха на Никольской сопке. Горкомхозу получено выплатить музею эту сумму за полученный макет рыболовного траулера, переданный как подарок городу Благовещенску в день его столетия [37. Л. 118].

1959 г.

5 апреля от планово-финансового управления Минкульта РСФСР запрошено разъяснение порядка оплаты читаемых сотрудниками лекций и проводимых ими экскурсий. Ответ датирован 20 апреля:

«...Экскурсии и лекции включаются в план работы научных сотрудников и экскурсоводов в рамках их рабочего времени с учётом всех видов работы, входящих в круг обязанностей музейного работника. При исчислении месячной нормы экскурсий, за экскурсионную единицу принимается музейная экскурсия, проводимая с группой не свыше 25 чел., длительностью 1,5 часа (90 минут). Указанная продолжительность музейной экскурсии является типовой. Обзорная или цикловая экскурсия, ввиду её сложности, приравнивается к 1,5 единицы типовой экскурсии. Для научных сотрудников и экскурсоводов музеев месячная норма экскурсий исчисляется исходя из 75 часов непосредственно экскурсионной

работы в месяц. При этом количество экскурсий в месяц на одного научного сотрудника и экскурсовода при продолжительности в 90 минут не может быть более 36.

Норма экскурсий для научных сотрудников экспозиционных и фондовых отделов в музеях, где имеются массовые отделы или штатные экскурсоводы, устанавливается от четырёх до 12 экскурсий в месяц.

Никакой дополнительной оплаты за проведение экскурсий штатным научным сотрудникам не полагается, за исключением лекций и экскурсий, проводимых по путёвкам Общества по распространению политических и научных знаний» [32. Л. 18—19].

10 апреля КОИК принял решение № 181 «Об охране и реставрации памятников культуры в области». В нём отмечено, что состояние многих из них в Петропавловске, Елизовском, Усть-Большерецком и Алеутском районах является ненадлежащим. Местные власти «не проявляют должной заботы об обеспечении сохранности памятников истории и археологии, а также о надзоре за их содержанием и своевременным проведением ремонтно-реставрационных работ. Слабо ведётся работа по выявлению историко-революционных памятников, характеризующих борьбу трудящихся за установление власти Советов на Камчатке».

В числе прочего решено: обязать КОКМ и Корякский окружной краеведческий музей, местные исполкомы «обеспечить в 1959 г. проведение необходимых работ по выявлению новых памятников культуры и археологии, уточнению мест нахождения бывших острогов (Окланского, Тигильского, Среднекамчатского и Большерецкого), установлению на этих местах мемориальных досок».

КОКМ совместно с облкниготоргом и книжной редакцией газеты «Камчатская правда» должен издать в 1959 г. брошюру, рассказывающую об исторических местах области. Областному управлению культуры вместе с отделами народного образования, комсомольскими и пионерскими организациями нужно наладить краеведческую работу среди школьников и привлечь их к выявлению новых памятных мест культуры и археологии, а также к благоустройству и озеленению имеющихся памятников.

Управлению культуры поставлена задача: создать при музее совет по охране и пропаганде памятников и привлечь к этому делу широкую общественность [38. Л. 190—191].

7 мая приказом по областному управлению культуры директором музея назначен Василий Иванович Ефимов. К. В. Мечтанова перешла на должность научного сотрудника.

В составе переданной при смене руководителей документации числятся шесть дел объёмом по 5–10 листов: «Памятник Витусу Берингу», «Памятник “Часовня” на братской могиле защитников Петропавловска в 1854 г.», «Памятник героям 3-й батареи лейтенанта А. П. Максутова», «Памятник воинам-освободителям Курильских островов в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1945 г.», «Памятник “Слава”», «Памятник Лаперузу».

Имелось и дело о партизанах и участниках борьбы за советскую власть (190 листов), биографические справки на них (18 чел.) и их же выступления, записанные в юбилейном 1957 г. (25 листов) [18. Л. 50—53].

13 июля КОИК принял решение № 293 «Об утверждении совета при Камчатском краеведческом музее» [39. Л. 27—28]:

«В целях усиления научно-исследовательской, собирательской, культурно-массовой, экспозиционной и другой работы музея, исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся решил: утвердить в качестве совещательного органа при директоре КОКМ музейный совет в количестве 15 чел. в следующем составе:

1. Ефимов В. И., директор Камчатского музея.
2. Остроумов А. Г., научный сотрудник КО ТИНРО.
3. Грибков П. Ф., главный госохотинспектор облисполкома.
4. Мечтанова К. В., научный сотрудник музея.
5. Васильев М. А., главный инспектор по животноводству областного управления сельского хозяйства.
6. Вяткин П. В., начальник производственного отдела Камчатского совнархоза.
7. Махоркин И. Ф., ответственный секретарь Камчатского отделения общества по распространению политических и научных знаний.
8. Деревянкина Л. С., заместитель начальника бюро технической информации Камчатского совнархоза.
9. Титовец С. А., учительница географии института усовершенствования учителей.
10. Олейников И. П., заведующий школьным отделом Камчатского областного отдела народного образования.
11. Рассохина Г. Н., старший инспектор контроля рыбоводства Камчатрыбвода.
12. Карбивничий И. Н., главный геолог Камчатского геологоуправления.
13. Слободчиков Ф. Л., научный сотрудник КО ТИНРО.
14. Гордиков К. С., художник музея.

15. Аронова И. А., заведующая методическим кабинетом Камчатского областного управления культуры».

Одним из первых результатов работы нового совета стало рассмотрение плана работы КОКМ на предстоящие семь лет. Вскоре последовало обращение совета к местным властям и отделу музеев Главного управления культпросветучреждений Министерства культуры РСФСР о нетерпимом состоянии этого учреждения:

«Музейный совет Камчатского областного краеведческого музея, рассмотрев семилетний перспективный план работы музея, считает необходимым подчеркнуть следующее.

Камчатский музей размещается в убогом домике общей площадью 100 кв. м, построенном в 1908 г., когда весь город состоял из 300–400 деревянных построек. Покосившееся, с проваливающимся потолком и осевшим фундаментом здание музея выглядит в высшей степени жалко в окружении современных, прекрасных строений, характеризующих лицо нового советского Петропавловска.

В трёх крошечных комнатах музея общей площадью 78 кв. м нет возможности разместить экспозицию, достаточно полно отражающую резкое своеобразие камчатской природы, богатство этнографического материала, насыщенность трудовых будней сегодняшней Камчатки. Поэтому посетитель, будь это старожил или человек, впервые ступивший на камчатскую землю — ведь в Петропавловск заходят суда из всех портов Советского Союза — не может, к сожалению, найти в музее ответы на многие интересующие его вопросы. Так, этнографического и археологического отделов в музее вообще нет; исторический и отдел природы, несмотря на единодушно отмечаемое хорошее оформление, очень неполны; нет никакой возможности разместить раздел “Будущее Камчатки”, хотя посетители проявляют живейший интерес к этой теме.

Музей не располагает помещением для хранения фондов. Для этих целей используется пыльный чердак, где температура точно соответствует температуре наружного воздуха. Это не может не сказаться на сохранности фондовых материалов.

А между тем интерес трудящихся Камчатки к своему краю, а следовательно и к краеведческому музею, огромен. В воскресные дни число посетителей достигает двух тысяч человек. Это значит, что на площади в 78 кв. м одновременно должны располагаться 200–300 человек. Нет нужды говорить, что в этом случае не может быть и речи о внимательном изучении экспозиций.

Всё это приводит членов музейного совета к единодушному выводу, что получение нового помещения является совершенно необходимым условием плодотворной работы музея в предстоящем семилетии» [32. Л. 8—9].

Почему в семилетии, а не в привычной советским людям пятилетке? Да потому что по воле руководителя страны первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва задания последних двух лет шестой пятилетки (1956—1960 гг.) были существенно пересмотрены, решение новых требовало больше времени. Это получило утверждение на внеочередном XXI съезде КПСС, состоявшемся в январе 1959 г. Теперь страна жила по планам своей единственной семилетки (1959—1965 гг.), позже названной «хрущёвской».

Перспективный семилетний план работы КОКМ был рассмотрен и утверждён областным управлением культуры. Вскоре из его недр вышел вот такой документ за подписью начальника управления Л. И. Курганова с уже знакомыми нам мотивами, адресованный председателю Камчатского областного Совета депутатов трудящихся К. Е. Есауленко:

«...Музей размещается в небольшом домике общей площадью в 100 кв. м, построенном в 1908 г. Здание по своему техническому состоянию требует капитального ремонта — потолок провис, фундамент осел, имеющиеся печи по своему расположению не дают равномерного тепла, которое необходимо поддерживать для сохранности экспонатов музея. Так, в отделе “Животный мир Камчатки” температура низкая, вследствие чего от сырости и холода пришли в негодность ряд препаратов, в том числе чучело котика и несколько чучел птиц. В расположенном ближе к печи отделе “Лесное хозяйство” потрескались спилы стволов: даурской лиственницы, аянской ели и других сортов деревьев.

В помещения музея не хватает дневного света для нормальной освещённости экспозиций, а в зимнее время вообще освещение во всём здании достигается лишь с помощью электрического света. Внешний и внутренний вид музея выглядит в высшей степени жалко в окружении современных прекрасных строений, характеризующих лицо нового советского Петропавловска.

В трёх крошечных комнатках музея общей площадью в 78 кв. м нет возможности разместить экспозицию, достаточно полно отражающую резкое своеобразие камчатской природы, богатство этнографического материала, насыщенность трудовых будней сегодняшней Камчатки. Поэтому посетитель не может, к сожалению, найти ответы на многие интересующие его вопросы. Так, этнографического

и археологического отделов в музее вообще нет (хотя экспонаты "хранятся" на чердаке музея), экспонатов исторического отдела, природы дополнительно разместить негде.

Музей не располагает помещением для хранения фондов. Для этих целей используется пыльный и холодный чердак, что не может не отразиться на сохранности фондовых материалов.

В праздничные и воскресные дни число посетителей достигает двух тысяч человек. На площади музея, где находится экспозиция, в 78 кв. м, одновременно должны располагаться 200–300 чел., в результате получается буквальная толкучка, во время экскурсий учащимся трудно пробиться к экспонатам и нет возможности слушать объяснение экскурсовода. Нет возможности спокойно, в индивидуальном порядке, посетителю прочитать и изучать экспонируемый в музее материал.

Вышеперечисленные ненормальные условия, на которые указывает в своём решении и совет музея, и сотрудники, заставляют областное управление культуры обратиться к Камчатскому областному Совету депутатов трудящихся с просьбой о предоставлении для КОКМ нового помещения с площадью не менее 400 кв. м и с приусадебной площадью для ботанического парка. Помещение предоставить в ближайшие один-два года» [32. Л. 10—11].

Тем временем, тоже в июле, обллит разрешил показ диаграмм «Рыбная промышленности Камчатки в седьмой пятилетке» [33. Л. 39].

Как один из примеров исследовательской работы, принёсшей не только новые материалы в музейные фонды и знания сотрудникам, но и помогшей конкретному человеку, можно привести историю с Е. И. Крупениной.

Не позднее 14 октября К. В. Мечтанова писала И. Е. Ларину, что недавно случайно встретилась с Евдокией Ивановной Крупениной, жившей в Сероглазке. Она «сообщила много интересных для истории сведений, в частности:

1. Крупенин Василий Иванович, участник партизанского движения на Камчатке, является её родным братом.

2. На квартире Крупениных в Сероглазке жил некоторое время Георгий Матвеевич Елизов.

3. В их доме Елизов был арестован белогвардейскими властями, но затем освобождён за неимением достаточных улик.

4. Сама Евдокия Ивановна оказывала большую помощь участникам партизанского движения: тайно вынесла Елизову в условное место оружие — японский карабин, передавала партизанам

лекарства и продукты. В 1922 г. была арестована белогвардейцами и посажена на пароход “Свирь” за помощь партизанам. На “Свири” видела поседевшего от зверских истязаний Иллариона Васильевича Рябикова в последние дни его жизни.

На руках у Евдокии Ивановны имеется справка о её участии в партизанском движении, подписанная Филоновичем, но ничем не заверенная. Копию справки прилагаю.

Иван Емельянович, если Вы сумеете подтвердить эти факты, то, по всей вероятности, мы сумеем оказать ей содействие в получении пенсии... Жду от вас ответа — быть может, с вашей помощью удастся к празднику порадовать старушку Крупенину Евдокию Ивановну» [32. Л. 23—25].

Похоже, что подобное же письмо (не сохранилось) было отправлено другому известному деятелю времён гражданского противостояния на Камчатке — Николаю Павловичу Фролову. 22 октября он прислал в музей телеграмму: «Подтверждаю участие в партизанском движении на Камчатке Крупениной Евдокии Ивановны. Она арестовывалась белогвардейцами» [32. Л. 22].

28 октября пришло сообщение и от И. Е. Ларина: «Участие в партизанском движении Камчатки Евдокии Ивановны Крупениной, арест её на “Свири” подтверждаю» [32. Л. 21].

А вот и копия упомянутой выше справки, выданной председателем «партизанской» областной комиссии Филоновичем 31 декабря 1933 г. (стилистика документа сохранена): «Дана настоящая гражданке Крупениной Евдокии Ивановне во время партизанского движения на Камчатки селение Сероглазка 1922 г. имела связь с красным партизанским штабом и передавала продукты для красных партизан и также был передан японский карабин и была арестована белыми бандами на пароход “Свирь” 1922 г. Партизанский билет № 008215». Учёт бывших «красных партизан» на Камчатке проходил на рубеже 1920—1930-х гг., время от времени и позже, завершился в 1935 г. Видимо, по такому случаю и был выдан этот необычный документ.

Итогом изложенного выше стало обращение директора музея к председателю КОИК (исходящий № 52 от 16 ноября 1959 г.):

«В селе Сероглазке проживает Крупенина Евдокия Ивановна, рождения 1893 г. В октябре текущего года сотрудниками камчатского музея было установлено, что Крупенина Е. И. принимала участие в партизанском движении на Камчатке в 1921—1922 гг.

В доме Крупенина Ивана Васильевича, отца Крупениной, в конце 1921 и начале 1922 г. жили революционеры: Елизов Георгий

Матвеевич, Лонгинов Митрофан, Пересвет-Солтан. Отсюда все они вместе с братом Крупениной, Василием Ивановичем Крупениным, ушли в партизанские отряды.

Крупенин Иван Васильевич и его дочь Крупенина Евдокия Ивановна от начала до конца гражданской войны на Камчатке оказывали партизанам всемерную посильную помощь: тайно передавали продукты питания, медикаменты, патроны. Крупенина под большим риском тайно вынесла Елизову в условное место оружие — японский карабин.

За поддержку связи с партизанами и оказание им помощи Крупенина дважды арестовывалась белогвардейскими властями и содержалась в тюремной камере полицейского управления, затем в белогвардейском застенке на пароходе "Свирь". Здесь ей пришлось выдержать немалые испытания, но она осталась верна революционному долгу и не выдала партизан и не признала своей связи с ними.

Тюремное заключение не сломило воли Крупениной, и по выходе на свободу она снова возобновила связь с партизанами и продолжала оказывать им помощь до момента полной победы советской власти на Камчатке.

Позже Крупенина вышла замуж за работника Петропавловской моторно-рыболовной станции Куро (Курро. — *С. Г.*) Ивана Густовича.

В 1938 г. муж Крупениной и брат Крупенин Василий Иванович, бывший партизан, были репрессированы. В настоящее время оба они посмертно реабилитированы, на что у Крупениной имеются соответствующие документы.

Приёмный сын Евдокии Ивановны погиб в бою с немецкими фашистами в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

В настоящее время Крупенина живёт одна и не имеет никаких материальных источников к жизни» [32. Л. 27—28].

Вскоре Е. И. Крупениной была назначена персональная пенсия, а в 1967 г. по случаю 50-летнего юбилея советской власти её наградили медалью «За боевые заслуги».

А теперь вернёмся к цитированному выше письму К. В. Мечтановой, адресованному И. Е. Ларину. Оно имеет отношение и к издательской деятельности музея: «Одновременно сообщаю, что сотрудники музея собирают сведения для издания брошюры "Автобиографический сборник участников установления советской власти на Камчатке". Безусловно, Вы можете оказать музею конкретную помощь воспоминаниями о своей деятельности и деятельности ваших соратников».

И ещё несколько фактов: «Летом этого года музей приобрёл у молодого художника Винокурова Ваш портрет, написанный маслом. Портрет хранится в основном фонде музея и в ближайшее время будет экспонироваться. Благодарим за тёплые пожелания жителям Камчатки, написанные Вами на оборотной стороне портрета.

Иван Емельянович, Вы, кажется, получаете газету "Камчатская правда"? В ней за 14 октября напечатана статья об альбоме Николая Петровича Вольского и о ваших фотографиях, помещённых в этом альбоме. Мне думается, что Вы можете сообщить много ценного дополнительного материала по этому вопросу. Нам дорога каждая крупица давнего прошлого, всё, что связано с Вашей работой на Камчатке и с работой Ваших боевых товарищей» [32. Л. 25].

Так называемый «Альбом Вольского» вот уже много лет является источником уникальных изображений, воспроизведённых во множестве изданий, касающихся истории нашего полуострова конца XIX — первой четверти XX в.

12 ноября В. И. Ефимов сообщил, что КОКМ с одобрения совета музея заказал скульптору Ощепкову бюст А. И. Чирикова. Предполагалось, что он будет установлен у главного фасада при входе в музей. «До сих пор на Камчатке нет ни одного памятника замечательному мореходу-патриоту» [40. № 268].

17 ноября К. В. Мечтанова обратилась к председателю КОИК К. Е. Есауленко, сообщив, что по инициативе сотрудников музея к печати подготовлена рукопись сборника «Основные исторические события на Камчатке», подчеркнув, что «издание такого типа сборников рекомендуется музеям методическими рекомендациями Министерства культуры РСФСР».

Рукопись включала 11 разделов-глав, составленных четырьмя авторами: 1. Введение. 2. Семён Дежнев. 3. Владимир Атласов. 4. Витус Йоансен Беринг и Алексей Ильич Чириков. 5. Степан Петрович Крашенинников. 6. Русские и иностранные мореплаватели конца XVIII и начала XIX вв. 7. Оборона Петропавловска 1854 г. 8. Японская интервенция на Камчатке 1904—1905 гг. (автор К. В. Мечтанова). 9. Под флагом Советов (И. Ф. Махоркин). 10. Камчатка в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (Глускин, преподаватель Камчатского государственного педагогического института, кандидат исторических наук). 11. Курильская операция 1945 г. (Б. С. Бахметьев, капитан 3-го ранга войсковой части 40194).

Обоснование необходимости выпуска такой работы:

«Исторические события на Камчатке изложены в ряде крупных изданий, в основном академических, и даны в общей исторической цепи всего Дальнего Востока и Сибири. Эти издания в основном рассчитаны не на широкий круг читателей, а на специалистов.

Сотрудникам музея приходится ежедневно давать по две-три, а порой и более консультаций на исторические темы Камчатки преподавателям школ, политработникам воинских частей, руководителям пионерских и комсомольских организаций и т. д. Следовательно, можно сделать вывод, что потребность в обобщённом историческом сборнике о Камчатке велика.

Музей и авторы сборника ставили перед собой задачу: отразить исторические события Камчатки, выделив их из общей истории всего Северо-Востока Азии, дать возможность жителям Камчатки ярче познать богатую историю своего края. Сборник будет иллюстрирован картами-схемами, видами исторических памятников, [портретами] участников исторических событий и т. д. В конце каждого раздела сборника даётся описание памятника, имеющего отношение к данному историческому событию».

Помимо изложения сути вопроса, в письме содержится просьба к К. Е. Есауленко разрешить использовать как заключительную его собственную статью, недавно вышедшую в местном журнале «Агитатор». По замыслу создателей сборника, она «была бы прекрасной концовкой этого сборника, сделала бы его полнее и ярче, показав сегодняшний день Камчатки и прекрасные перспективы её экономического и культурного развития в будущем. (Можно предположить, что «участие» такого именитого автора помогло бы и скорейшему опубликованию сборника. — *С. Г.*) Поэтому я от имени книжного издательства и авторов сборника прошу вашего согласия на включение вашей статьи в сборник, издание которого предполагается в текущем году» [32. Л. 12—15].

Статья высокого руководителя в сборник не вошла, а сам он был напечатан книжной редакцией газеты «Камчатская правда» только в 1961 г. под названием «Путеводитель по историческим местам Камчатки». Редактировал работу заместитель председателя Камчатского отдела Географического общества СССР В. И. Воскобойников, трудившийся в многотиражке тралового флота «За высокие уловы». В выходных данных в качестве авторов значатся научный сотрудник КОКМ К. В. Мечтанова, активисты музея И. Ф. Махоркин и скончавшийся к тому времени Б. С. Бахметьев. Оформил путеводитель К. С. Гордиков, он же автор фотографий. Помимо иллюстраций, в издание включены четыре карты: истори-

ческих памятников Камчатки, похода В. Атласова, маршрутов Первой Камчатской экспедиции и похода С. П. Крашенинникова. Работа имела объём 96 страниц, вышла тиражом 5 000 экземпляров и стоила 60 коп.

Она стала одним из первых местных изданий, кратко рассказывающих об истории полуострова до момента окончания советско-японской войны 1945 г. Эта работа уже давно является настоящей библиографической редкостью.

2 декабря, в ответ на сообщение Сахалинского областного краеведческого музея об обнаружении фотографии, изображающей «вход партизанского отряда облнарревкома в город Петропавловск 10 ноября 1922 г.», последовало письмо с сообщением о том, что КОКМ «крайне заинтересован в скорейшем получении этого важного документа». Он «станет ценным дополнением к экспозиции революционного отдела» [32. Л. 31].

15 декабря в значительной мере повторено недавнее обращение начальника управления культуры КОИК Л. И. Курганова к К. Е. Есауленко, но теперь за подписью заместителя начальника управления Г. И. Панкратова. Опять зашла речь о необходимости предоставить музею новое помещение площадью не менее 400 кв. м. На бумагу наложены резолюции, датированные 20 декабря: Панкратову — вынести предложение, где отвести площадку, подготовить проектное задание, Ефимову — войти с ходатайством в горисполком о выделении участка и разработке проектного задания. Есть и ещё одна резолюция, но гораздо более поздняя: «Решено изыскать помещение во вновь строящемся театре. 26.V-60» [32. Л. 32—33].

1960 г.

Смета музейных расходов на 1960 г. (в руб.) включала следующие статьи: аренда помещения — 3 500; электроосвещение — 8 000; плата за телефон — 500; плата за радио — 60; отопление, то есть стоимость дров, — 3 500; ассенизация и очистка снега — 1 500, канцелярские расходы — 2000; текущий мелкий ремонт и прочее — 1 940. Всего 21 000 руб. [41. Л. 15].

11 января музей просил разрешения обллита на подготовку и экспонирование раздела «Строительная промышленность Камчатки». Тематико-экспозиционный план раздела имел заголовок «Камчатка строится». Вот фрагмент пояснительного текста к иллюстрациям, образцам и макетам, вроде 28-квартирного крупноблочного дома, и другим экспонатам:

«Камчатка сегодня — это область новостроек. Возводятся новые предприятия, жилые дома, клубы, больницы, детские сады и ясли, столовые, аптеки, магазины... В строительстве широко используются местные строительные материалы: пемза, туф, андезит, вулканические пески. Различные граниты, плитки яшмовидных туфогенов, диориты и другие облицовочные камни в ближайшие годы будут украшать фасады новых зданий.

В семилетнем плане намечено строительство цементно-помольной установки, известкового завода, завода стеновых материалов и железобетонных изделий в Петропавловске, завода домостроения и цеха древесноволокнистых плит при Усть-Камчатском деревообрабатывающем комбинате, расширение карьерного хозяйства и широкое использование местных строительных материалов.

Петропавловск, основанный в 1740 г., до Великой Октябрьской революции был забытой окраиной царской России и напоминал собой жалкую деревушку. По статистическим данным 1912 г., в нём было всего 156 жилых домов и 1 690 жителей. Неизмеримо вырос и похорошел Петропавловск за годы советской власти. Он стал крупным административным, культурным и промышленным центром Камчатской области, городом прекрасных перспектив. Сейчас в Петропавловске насчитывается 86 тыс. жителей и 7 765 различных зданий. Город занимает 362 кв. км, в нём 209 улиц.

За последнее время крупноблочное сборное строительство получило широкое распространение. Этот способ позволяет значительно ускорить сроки строительства и удешевить его. Подсобные работы при этом способе сокращаются до минимума, по сути дела работает один подъёмный кран. Строительство жилых домов общей площадью (тыс. кв. м): 1952—1958 гг. — 337,0; 1959—1965 гг. — 755,0» [33. Л. 79—82].

19 февраля в музей обратился председатель исполкома Озерновского поселкового Совета, просивший сообщить биографические сведения и описать боевые заслуги павшего в бою с японскими захватчиками ополченца Ксаверия Бирули.

Ему ответили, что подробностями музей не располагает, но «о проявленном геройстве как ополченца, отдавшего свою жизнь за родину, подтверждает надгробный памятник, установленный на его могиле — чугунный крест и чугунная массивная плита с надписью: “Здесь похоронен крестьянин дружинник Ксаверий Бируля, убитый на реке Озерной 17 июля 1904 года”».

Тут же дан совет: «Памятник вместе с прахом Ксаверия Бирули лучше всего перенести в посёлок Озерновский, но разместить не

в самом посёлке, а на окраине — на возвышенном месте, отмеченным крестом на прилагаемой фотографии. На этом отмеченном месте откопайте могилу, в которую перенесите с прежнего места прах Ксаверия Бирули и уложите в таком же порядке, придерживаясь похоронного обряда. Установите чугунный крест и надгробную чугунную плиту с надписью.

Вокруг могилы-памятника... желательно соорудить крепкую металлическую ограду на цементном постаменте. Каждую годовщину — в день 17 июля пионерам, общественным и советским организациям необходимо возлагать на могилу патриота и защитника родины венки с цветами и проводить другие посмертные чествования камчатского народного героя» [32. Л. 34—35].

Чуть позже, 15 марта, в Озерновский отправилась историческая справка о событиях, происходивших в тех местах. Попутно сообщено, что «о подробностях боевых действий русских дружин в 1904 г. на Камчатке против японских захватчиков вы можете узнать, прочитав статью тов. Слободчикова в газете "Камчатская правда" за 6 сентября 1959 г.» [32. Л. 36].

4 апреля областное управление культуры распорядилось передать 34 предмета из основных фондов КОКМ Корякскому окружному музею [32. Л. 37].

5 апреля сотрудник областного Управления внутренних дел майор Н. И. Сусликов передал в музей металлический наконечник копья и человеческий череп. По его словам, они найдены рабочим Эдуардом Ивановичем Глебом в июне 1958 г. «в завалившейся пещере». Это случилось в двенадцати километрах от посёлка Оссора, у подножья сопки Безымянная. Здесь брали камень для строительных работ.

«При осмотре места происшествия было установлено: 1. Скелет человека мужского пола находился под большими камнями. 2. Под скелетом находится металлическое копьё (пика) длиной до 50 см; древко имело длину 1,5 м. Череп сохранился и взят с места происшествия вместе с копьём. Древко в настоящее время не сохранилось. 3. Рядом со скелетом обнаружено несколько костей каких-то животных и две плоские кости с какими-то рисунками (вырезки с одной стороны). В настоящее время эти две косточки не сохранились. По заключению врача установлено, что скелет является останками русского человека, но не местного коренного населения, и относится примерно к периоду 1900—1910 гг.

Если эти данные для музея представляют ценность, то можно выехать на место обнаружения скелета в летнее время и произвести

раскопки, разыскать и поговорить со старожилами расположенного вблизи этой сопки колхоза» [32. Л. 38].

16 апреля директор музея В. И. Ефимов, обращаясь к коллегам в Магадан, разъяснил, как лучше приобрести на Командорах шкурки котика. Если же они хотят сделать это сами, то на командировку придётся потратить не меньше месяца. Сообщал и новости: «В прошлом году нам для музея друзья в подарок привезли готовые препарированные чучела двух котиков: четырёхмесячного и четырёхлетку... Я очень завидую вам в том, что вы имеете своего препаратора по набивке чучел. У нас такого мастера нет вообще. Чучела котиков нам сделали непосредственно научные сотрудники ТИНРО, когда находились на острове... Можно... на ваш музей выслать заказ на приготовление чучел зверей: двух медвежат, лис, голубого песца, соболя, росомахи, горностаев? Я вас прошу, сообщите, как это оформить и имеете ли вы такие возможности.

Сообщаю вам о том, что мы заказали для своего музея памятники — бюсты Крашенинникова и Чирикова, которые находятся в стадии выполнения. Их размер — полтора натурального человеческого роста, материал — белый цемент с белой мраморной крошкой» [32. Л. 42].

А вот директорское письмо секретарю Магаданского обкома КПСС П. Я. Афанасьеву:

«В основных фондах КОКМ находилась ценная рукопись бывшего директора музея Прокопия Трифоновича Новограбленова. В рукописи была частично изложена летопись города Петропавловска начиная с 1896 г., большая часть материала была посвящена летописи школ Петропавловска. Эта рукопись, излагающая в основном историю развития народного образования на Камчатке, хранилась как ценный памятник культуры в лучшей средней школе № 4 города Петропавловска. Учащиеся школы продолжали эту летопись и в наши дни.

Летом текущего года бывший заведующий Камчатским областным отделом народного образования Севильгаев (Георгий Фёдорович. — *С. Г.*) взял эту рукопись для ознакомления и продержал её в личном пользовании около полугода. Несмотря на неоднократные просьбы директора школы Диордиенко Е. В. о возвращении рукописи, Севильгаев, пользуясь своим служебным положением, отказался возвратить рукопись. Более того, Севильгаев не возвратил рукопись даже тогда, когда был освобождён от работы, и с тем уехал с Камчатки.

Рукопись, увезённая Севильгаевым, представляет собой ценный памятник культуры, имеющий прямое отношение к Камчатской области. Присвоение Севильгаевым этого документа нельзя квалифицировать иначе как хищение народного достояния и характеризует его как человека нечистоплотного.

Поэтому КОКМ просит оказать на Севильгаева соответствующее воздействие и потребовать от него возврата рукописи Новограбленова средней школе № 4 города Петропавловска или КОКМ. Севильгаев в настоящее время работает в городе Магадане» [32. Л. 29—30].

«Воздействие», судя по всему, было оказано, и ценный документ вернулся на полуостров. Сейчас он хранится в краевом архиве. Рукопись П. Т. Новограбленова «Школьная летопись. История школы» с пояснениями кандидатов исторических наук Л. А. Геготаулиной и А. В. Пташинского воспроизведена в 2012 г. во втором выпуске историко-краеведческого ежегодника «Камчатский летописец» (с. 483—561).

В середине года управлению культуры облисполкома (начальник Л. И. Курганов) доложен ход выполнения решения КОИК № 181 «Об охране и реставрации памятников культуры в области» от 10 апреля 1959 г.

В Петропавловске и Елизово выявлены места временного жительства участника экспедиции Ф. П. Рябушинского — В. Л. Комарова, впоследствии президента Академии наук СССР, Героя Социалистического Труда. При этом «музей принимал непосредственные попытки и действия к установлению мемориальной доски на месте, где жил в палатке в г. Петропавловске Комаров В. Л., но это мероприятие не доведено до конца ввиду отсутствия средств».

Предложено установить мемориальные доски и на «выявленном месте жительства Елизова Георгия Матвеевича в селе Сероглазка у гражданки Крупениной во время борьбы с белогвардейцами, а также... на месте нахождения избушки — партизанской заставы (Елизовское шоссе, 12-й километр)».

Обнаружены места нахождения старинных Большерецкого и Нижнекамчатского острогов.

Подготовлен сборник статей, рассказывающий об истории открытия и присоединения Камчатки к русскому государству до развития области до настоящих дней (речь идёт об отмеченной ранее работе К. В. Мечтановой с коллегами).

В каком состоянии находятся памятники истории и культуры в районах области, точно не известно, так как научным сотрудникам

не представилась возможность туда выехать. А на все памятники в Петропавловске и прилегающих местах составлены сметы на ремонт в 1960 г. В 1959 г. и пока сейчас не до конца отремонтирован памятник Берингу (не обновлены надписи, в результате невозможно прочитать, что написано). У «Часовни» не покрыт золотом купол, не запираются двери, «в результате туда заходят посторонние лица и загрязняют памятник» [32. Л. 37].

Примерно в это же время цензура одобрила тематико-экспозиционный план по этнографии (!):

«1. Инв. № 614. Стрела из оленьей кости. У одного конца проделано отверстие, другой конец стрелы заострённый, ниже острия идут зазубрины. Найдена на вулкане Камень альпинистом Ивановым Г. Ф. Передана в музей им в 1958 г.

2. Инв. № 615. Тесак каменный, один конец которого заострён и отшлифован. Найден в земле на глубине трёх метров на территории Озерновской косы. Передан Мельниковым В. Н. (Камчатрыбпром) 25 января 1958 г.

3. Инв. № 616. Наконечник стрелы из вулканического стекла почти чёрного цвета. Найден на территории пригородного хозяйства судоверфи, на склоне сопки, на глубине 10 см. Передан 30 декабря 1957 г. модельщиком верфи Виценко А. А.

4. Инв. № 617. Скребок каменный. Место находки: Сельдевая бухта. Передан весной 1957 г. Кругловым Г. Г. (работает в моторно-рыболовной станции).

5. Инв. № 618. Предмет в виде гребня, по всей вероятности, применялся для выделки кож. Найден в Олюторском районе, в посёлке Тиличики. Передан учащимся средней школы Дюковым А. М.

6. Инв. № 620. Наконечник копья из вулканического стекла. Копьё с подобным наконечником — орудие охоты и защиты каменного века. Найден в бухте Сельдевой в 1957 г. Передан в музей Кругловым Г. Г.

7. Инв. № 622. Наконечник гарпуна (каменный век). Один конец заострён, второй конец имеет отверстие для прикрепления к древку и сквозное отверстие для продержки жилы, чтобы с помощью её провернуть в теле животного наконечник в горизонтальное положение и притянуть животное к себе. Найден в Олюторском районе, в посёлке Тиличики, место Земляной холм. Передан учеником Тиличикской школы Дюковым А. М.

8. Инв. № 625. Скребки для выделки кож. Вкладыш скребка изготовлен из прозрачного белого вулканического стекла. Найден на берегу Авачинской губы, передан летом 1958 г. ...» [33. Л. 87—89].

16 сентября последовало обращение к Г. А. Рыбиной, директору Приморского краевого музея имени В. К. Арсеньева, с «убедительной» просьбой передать один из экспонатов — шпагу В. Беринга для временного экспонирования на юбилейной выставке, посвящённой приближающемуся 220-летию со дня основания Петропавловска.

5 октября учёный секретарь арсеньевского музея А. Мандрик ответил: «Шпагу В. Беринга отсылаем вам авиапочтой. Извините за задержку. Надеюсь, что к 17 октября она успеет... Возврат шпаги надо сделать в первых числах января 1961 г., так как мы в это время свернём экспозицию по истории Владивостока и будем восстанавливать зал дореволюционного прошлого. Шпага В. Беринга передана в музей в 1921 г. В. К. Арсеньевым» [32. Л. 43—44].

Тут следует заметить, что просимая шпага, а точнее палаш, Берингу никогда не принадлежал. Его В. К. Арсеньев подобрал неподалёку от могилы командора, когда побывал на острове его имени в 1923 г. В своё время (в 1892 г.) палаш оставили там русские моряки с охранной шхуны «Алеут». Так они почтили память великого мореплавателя, открывшего острова сто пятьдесят лет тому назад и скончавшегося здесь. А «шпагой Беринга» палаш стал из-за прикреплённой к нему таблички с инициалами «В. Б.», стилизованными под латынь. Но всё это окончательно прояснилось только спустя много лет...

Источники

1. Дореволюционный Петропавловск (1740—1916). История города в документах и воспоминаниях / Серия «Из фондов музея». — Петропавловск-Камчатский, 2002. — 512 с.

2. *Соколова С. И.* Из истории Камчатского музея // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 7. — Петропавловск-Камчатский, 1991. — С. 3—15.

3. *Володарская Е. Е.* Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911—1934) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. — Вып. 12. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 17—33.

4. *Ефимова О. В.* Камчатский краевой объединённый музей. 1911—2011 // Краеведческие записки. — Вып. 13. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 4—17.

5. *Гаврилов С. В.* Материалы к истории камчатского краеведческого музея // Материалы XXXVI Крашенинниковских чтений /Камчатская

краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова. — Петропавловск-Камчатский, 2020. — 240 с.
6. Камчатская правда. Комплект за 1946 г.
7. Архивный фонд КОКМ. Книга приказов музея. 1937—1952 гг.
8. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 106.
9. Камчатская правда. Комплект за 1948 г.
10. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 128.
11. Камчатская правда. Комплект за 1949 г.
12. ГАКК. Ф. П-166. Оп. 1. Д. 103.
13. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 148.
14. Там же. Д. 153.
15. Камчатская правда. Комплект за 1950 г.
16. ГАКК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 5.
17. Камчатская правда. Комплект за 1951 г.
18. Архивный фонд КОКМ. Приёмо-сдаточные акты, составленные при смене руководителей музея. 1939—1963 гг.
19. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 249.
20. Там же. Д. 247.
21. За высокие уловы. Комплект за 1952 г.
22. Камчатская правда. Комплект за 1958 г.
23. ГАКК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 8.
24. Там же. Д. 7.
25. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 358.
26. Там же. Д. 359.
27. Камчатская правда. Комплект за 1954 г.
28. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 357.
29. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 313.
30. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 384.
31. Там же. Д. 389.
32. Там же. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 11.
33. Там же. Д. 9.
34. Камчатская правда. Комплект за 1957 г.
35. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 404.
36. Там же. Д. 426.
37. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 362.
38. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 447.
39. Там же. Д. 450.
40. Камчатская правда. Комплект за 1959 г.
41. ГАКК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 10.

ИСТОРИЯ

В. М. Богомолов

Живым здесь не место
(к вопросу о переименованиях, связанных с указом Президиума Верховного Совета СССР от 1957 г.)

Топонимика Камчатки — как живой организм. В ней всё в движении: появляются новые населённые пункты, исчезают старые, меняются названия. Новые имена получают безымянные объекты — хребты, горы, бухты, реки. То же самое происходит и внутри городов и посёлков — появляются новые улицы и площади, уходят в прошлое старые названия...

Микояновский стал Октябрьским. В конце 1957 г. на карте Камчатки появился посёлок Октябрьский. Такое название получил бывший посёлок имени Микояна, который также называли Микояновским или Микояновском, расположенный в Усть-Большерецком районе. Переименование было произведено в соответствии с указом Президиума Верховного Совет СССР и заняло чуть более трёх месяцев. Как же оно происходило и в чём его причина?

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имён государственных и общественных деятелей административно-территориальным единицам, населённым пунктам, предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам» был подписан 11 сентября 1957 г. Вот что говорилось в его преамбуле:

«Президиум Верховного Совета СССР отмечает, что в деле присвоения административным центрам, предприятиям, колхозам, учреждениям, учебным заведениям имён советских государственных и общественных деятелей были допущены крупные недостатки и отступления от ленинских традиций.

Великий Ленин учил советских людей быть скромными и сам был образцом скромности и простоты, непримиримым противником возвеличения его имени... При жизни В. И. Ленина имя его не присваивалось ни одной области, ни одному району или городу.

Впервые имя Ленина было присвоено городам Ленинграду и Ульяновску после его смерти, в 1924 г., в знак огромной любви советского народа к своему вождю и учителю и в целях увековечения его памяти.

В последующие годы по просьбам трудящихся в исключительных случаях некоторым городам, районам, посёлкам, предприятиям, колхозам, учреждениям были посмертно присвоены имена отдельных видных государственных и общественно-политических деятелей, что являлось одной из форм признания народом их выдающихся заслуг и выражения доверия трудящихся Коммунистической партии.

Однако в период распространения культа личности имена государственных и общественных деятелей ещё при их жизни стали присваиваться большому количеству районов, городов, посёлков, предприятий, колхозов, учебных заведений. Такая практика ведёт к неправомерному возвеличению отдельных личностей, умаляя роль партии, как коллективного руководителя и организатора масс, не способствует правильному воспитанию кадров в духе партийной скромности».

Указ для устранения недостатков и наведения порядка предписывал прекратить дальнейшее присвоение регионам, населённым пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям, учебным заведениям и организациям имён государственных, общественно-политических деятелей, деятелей науки и культуры при их жизни. Установлено, что впредь присвоение имён может производиться только посмертно для увековечения памяти особо выдающихся государственных, общественно-политических деятелей, защитников Родины, героев труда, деятелей науки и культуры и лишь в исключительных случаях по ходатайствам государственных и общественных организаций, трудовых коллективов и граждан. Указ установил порядок присвоения имён, определил госорганы, ответственные за это.

И главное — было признано целесообразным переименовать области, районы, города, посёлки, сёла, предприятия, колхозы, учреждения и организации, носившие имена здравствующих государственных и общественных деятелей. Всё это предписывалось произвести в соответствии с новым порядком присвоения.

В те годы решения партии и правительства выполнялись довольно быстро. То, на что в наш век информатизации и цифровизации иногда уходят годы, в середине прошлого века решалось в течение недель и месяцев. Под действие указа сразу попало то, что было, как говорится, на слуху и на виду: один из крупнейших рыболовецких посёлков Камчатки — Микояновский и одноимённый рыбокомбинат. Анастас Микоян, в честь которого они и были названы, был в то время жив и здоров.

Справка: Микоян Анастас Иванович (1895—1978), советский государственный и партийный деятель. С 1937 г. — заместитель, в 1955—1964 гг. — первый заместитель главы правительства СССР. Занимал ряд министерских должностей. Возглавляя Наркомат пищевой промышленности, немало сделал для развития рыбной промышленности. По его настоянию в СССР в общепите были введены так называемые «рыбные дни».

Уже 24 октября 1957 г. исполком Усть-Большерецкого районного Совета депутатов трудящихся принял решение № 328 «О переименовании рыбокомбината имени Микояна и посёлка Микояновск». С таким ходатайством в адрес исполкома райсовета вышла сессия Микояновского поселкового Совета. Райисполком удовлетворил ходатайство поссовета «о переименовании рыбокомбината имени Микояна с присвоением ему в дальнейшем наименования “Октябрьский рыбокомбинат” и о переименовании посёлка Микояновск с присвоением ему в дальнейшем наименования “Октябрьский”. И обратился в исполком Камчатского областного Совета депутатов трудящихся с просьбой переименовать и комбинат, и посёлок [1].

1 ноября 1957 г. исполком Камчатского областного Совета депутатов трудящихся принял решение № 442 «О переименовании посёлка имени Микояна Усть-Большерецкого района». Несмотря на название документа, это было ещё не собственно переименование, а лишь очередное ходатайство, как и предписывал порядок, определённый указом Президиума Верховного Совета СССР. Облисполком обратился в Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой «переименовать рабочий посёлок имени Микояна Усть-Большерецкого района в рабочий посёлок “Октябрьский”, а также Микояновский поселковый Совет депутатов трудящихся Усть-Большерецкого района — в Октябрьский поселковый Совет депутатов трудящихся по названию посёлка Октябрьский, являющегося центром поселкового Совета» [2].

В этих документах есть несколько интересных моментов. Решение облисполкома о переименовании принято 1 ноября, тогда как оригинал решения Усть-Большерецкого райисполкома об этом поступил в канцелярию облисполкома лишь 10 ноября. Прямо-таки завидная спешка. И ещё. Облисполком обратился с ходатайством в Президиум Верховного Совета своей союзной республики. Строго по указу. А вот о переименовании Микояновского комбината речь в решении облисполкома не шла, так как наименование предприятий,

учреждений и организаций по указу производилось Советами Министров союзных республик...

Однако уже в конце ноября — начале декабря решение о переименовании посёлка решили, видимо, легитимировать. Проще сказать, узаконить и придать ему статус народного волеизъявления. Тем более, что в самом указе неоднократно упоминались просьбы трудящихся, а также роль партии, как коллективного руководителя и организатора масс. По просьбам трудящихся назвали посёлок, по просьбам трудящихся и переименуем — решили, видимо, парторганы. И приступили к организации масс...

В соответствии с протоколами, в течение первой декады декабря 1957 г. на предприятиях и в организациях Усть-Большерецкого района были проведены многочисленные собрания рабочих и служащих в поддержку переименования посёлка, в первую очередь, в многочисленных подразделениях рыбокомбината.

Так, 3 декабря 1957 г. в помещении цеха закусочных консервов состоялось общее собрание рабочих и инженерно-технических работников рыбоконсервного завода № 48 (РКЗ-48) комбината имени Микояна. Присутствовало 273 чел. На повестке дня стоял всего один вопрос — о переименовании посёлка и комбината. Было заслушано соответствующее сообщение председателя поссовета И. И. Устинова. В его поддержку выступили директор РКЗ-48 и завскладом завода. Собрание постановило: просить Усть-Большерецкий райсовет ходатайствовать перед Верховным Советом РСФСР о присвоении посёлку и рыбокомбинату наименования «Октябрьский» [3]. Перед этим, 2 декабря, с участием того же Устинова в кунгасном цехе прошло общее собрание работников портового пункта комбината. Присутствовавшие 143 чел. тоже поддержали предложение о переименовании посёлка.

2 декабря собрание прошло также на рыбозаводе № 1, 215 чел., собравшихся в засольном цехе, поддержали предложение о переименовании, внесённое заместителем секретаря парткома комбината И. М. Мальцевым. А 3 декабря это предложение поддержало и собрание инженерно-технических работников и служащих рыбозавода № 2 в числе 190 чел.

После проведения основной части собраний исполком Усть-Большерецкого Совета депутатов трудящихся принял ещё одно решение — № 370 «О переименовании посёлка имени Микояна в посёлок Октябрьский». Документ датирован 6 декабря 1957 г. «Рассмотрев пожелание рабочих и служащих рыбокомбината имени Микояна о переименовании посёлка имени Микояна в посёлок

Октябрьский, исполнительный комитет райсовета решил удовлетворить ходатайство о переименовании и просить исполком Камчатского облсовета войти в Президиум Верховного Совета РСФСР с ходатайством о переименовании посёлка» [4].

Интересно, что собрания комбинатовских коллективов продолжались уже и после принятия решения Усть-Большерецкого райсовета, так сказать, вдогонку. 7 декабря в клубе строительно-монтажного управления (СМУ) № 2 состоялось собрание работников рыбозавода № 3 и СМУ-2. Здесь присутствовали 353 чел. [5].

Но и этого партийным и советским органам, а организаторами всех собраний были именно они, показалось мало. Ведь даже в решении райисполкома № 370 говорилось лишь о «пожеланиях рабочих и служащих рыбокомбината». Вслед за трудовыми коллективами несколько раз собирались жители: 10 декабря — посёлка Микояновского (263 чел.), затем — 3-й речки Микояновского поссовета (140 чел.), потом — ещё раз граждане посёлка Микояновского (275 чел.).

В соответствии с телеграммой, присланной в облисполком 20 декабря, руководство района сообщало, что проведены собрания рабочих и служащих «с дополнительным охватом 2 399 чел.». Итого вопросом переименования посёлка и комбината было «охвачено» 3 405 чел. Все протоколы отправлены в облисполком авиапочтой [6].

Справка: В середине 1950-х гг. рабочий посёлок Микояновский был довольно большим населённым пунктом. Его общая площадь составляла 15 кв. км, численность населения — 5,5 тыс. чел., в том числе около двух с половиной тысяч рабочих и более четырёхсот служащих. Во время весенне-летней путины почти на шесть месяцев завозилось около шести тысяч человек временной рабочей силы. В связи с этим, осенью 1954 г. Усть-Большерецкий райсовет даже ходатайствовал перед Камчатским облисполкомом о преобразовании рабочего посёлка имени Микояна в город районного подчинения Микояновск. Однако ходатайство уже облисполкома по этому поводу Москва не поддержала [7].

В январе 1958 г. посёлок Микояновский был переименован в Октябрьский. Комбинат сменил своё название чуть раньше. В газетах того времени тема переименования посёлка никак не освещалась. В областной «Камчатской правде», Усть-Большерецком районном «Ударнике» и даже в органе партбюро, дирекции и завкома комбината имени Микояна «Микояновец» не удалось

найти ни одного сообщения о проведении общих собраний или смене названия: одно просто пропало, а другое появилось. Причём некоторая путаница, судя по содержанию газет, продолжалась ещё в течение месяца.

Так в заметке, опубликованной в «Ударнике» № 1 от 1 января 1958 г., а также в последующих материалах комбинат уже значится как «Октябрьский». А вот населённый пункт означен как «Микояновск» в номере за 5 января, а также за 12 декабря. Лишь 22 января в восьмом номере «Ударника» появилось краткое сообщение о переименовании посёлка. Всего несколько строк: «В Президиуме Верховного Совета РСФСР. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 января 1958 г. рабочий посёлок имени Микояна Усть-Большерецкого района переименован в рабочий посёлок Октябрьский» [8]. Вместе с рыбокомбинатом переименовали и его газету. Была «Микояновец», стала «Знамя Октября».

А вот самое первое переименование на основании указа Верховного Совета СССР от 11 сентября произошло спустя месяц с небольшим после выхода документа. Это случилось в Соболевском районе. По просьбе общего собрания рыбартели имени Микояна, 14 октября 1957 г. она решением № 185 исполкома Соболевского райсовета была переименована в колхоз «Рассвет» [9].

Переименование коснулось всей страны и продолжалось весь 1958 г. Под «раздачу», помимо Микояна, попали ещё живые Будённый, Ворошилов и многие другие деятели. С новыми названиями власти особо не мудрствовали. К примеру, в Краснодарском крае появились хутора Степной, Дальний, Садовый, Северный. Хотя бывали и исключения. Так, в июле 1958 г. посёлок имени Микояна Шугуровского района Татарской АССР был переименован в посёлок имени Мичурина. «Повезло» Мичурину умереть задолго до выхода указа...

Посёлок Октябрьский, возможно, мог бы так и остаться Микояновским до сих пор, если бы А. И. Микояна в 1957 г. уже не было в живых, но он прожил аж до 1978 г.

Тотальная ревизия. Указ Верховного Совета СССР на местах восприняли как руководство к действию. Была устроена капитальная проверка всех наименований, как населённых пунктов, так и организаций, предприятий, колхозов и даже улиц. Свои маленькие отчёты по этому поводу в Камчатский облисполком на имя секретаря облисполкома И. В. Хомика отправили все районы.

Так, на Камчатке оказалось всего пять посёлков и населённых пунктов, как сказано в документе, «носящих наименование общест-

венных, государственных и политических деятелей» [10]. Это — посёлок имени Микояна и населённый пункт Ленино в Усть-Большерецком районе, посёлок Кировский (Соболевский район), село Елизово (Елизовский район) и населённый пункт имени Лазо (Мильковский район). Среди живых был лишь Микоян — всё названное в его честь и переименовали.

В области насчитали также 23 именных рыболовецких и сельскохозяйственных колхоза. Они носили имена Сталина, Молотова, Калинина, Микояна, Кирова, Черняховского, Ворошилова, Горького, Жданова. В течение всего одного месяца — середина сентября — середина октября 1957 г. — четыре из них сменили названия. Рыболовецкий колхоз имени Молотова в Тигильском районе стал называться «Путь Ильича». Колхоз имени Микояна в Соболевском районе, как мы уже писали, стал «Рассветом». Усть-Камчатский рыболовецкий колхоз имени Ворошилова переименовали в «40 лет Октября», а колхоз имени Молотова в Олюторском районе — в «XX съезд партии» [11].

Через несколько лет придёт время и для Молотова, и для Калинина, и для Жданова. И конечно, для Сталина. Имя Сталина на Камчатке в то время носили четыре рыболовецких и два сельскохозяйственных колхоза. В Олюторском районе был ещё рыбколхоз «Сталинец». Итого — семь хозяйств. Интересно, что имя Ленина в то время не очень «ценилось» среди политдеятелей — на Камчатке в его честь было всего два колхоза в Олюторском и Быстринском районах. Ленин шёл на уровне Кирова — три, Калинина — два, Молотова — тоже два наименования.

Именными были также ряд предприятий и учреждений области и областного центра. Помимо рыбокомбинатов имени Микояна и имени Кирова, в селе Елизово была средняя школа имени Ломоносова, а в селе Паратунка — детский дом имени Макаренко. В Петропавловске-Камчатском четыре средние школы были именными. Правда, они носили имена уже умерших людей и не подлежали переименованию — Толстого, Пушкина, Горького, Маяковского.

Надо учитывать, что власти подошли к этому делу серьёзно, со всей ответственностью. Не пропустили никого. В списки попали все фамилии, даже тех людей, имена которых давно вошли в историю страны и которых уже давно не было в живых — военачальников, великих путешественников, учёных и писателей, героев войны. Так, в Петропавловске-Камчатском насчитали почти 65 именных улиц. От Беринга, Крашенинникова, Толстого и Пушкина до Ватутина, Матросова, Вилкова.

ИСПОЛКОМ УСТЬ БОЛЬШЕРЕЦКОГО РАЙСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ВХОДЯЩИЙ № 2425
10 ноября 1957 г.
Общий отдел Камчатского областного исполкома

82

Р Е Ш Е Н И Е № 328

с, Усть-Большерецк. От 24 октября 1957 года .

О переименовании рыбокомбината имени Микояна и поселка Микояновск

Рассмотрев ходатайство сессии Микояновского поссовета о переименовании рыбокомбинат имени " Микояна с присвоением ему в дальнейшем наименования " Октябрьский " рыбокомбинат а равно о переименовании поселка Микояновск с присвоением ему в дальнейшем наименования поселок " Октярьский "

Исполком Усть- Большерецкого райсовета депутатов трудящихся Р Е Ш И Л :

1. Ходатайство сессии Микояновского поселкового Совета о переименовании рыбокомбината Имени " Микояна " с присвоением ему в дальнейшем наименования " Октябрьский " рыбокомбинат и переименованием поселка Микояновск с присвоением ему в дальнейшем наименования поселок Октябрьск удовлетворить .

2. Просить исполком Камчатского Областного Совета депутатов трудящихся переименовать рыбокомбинат имени " Микояна и поселок Микояновск , присвоив им наименование рыбокомбинат Октябрьский , поселок Октябрьский .

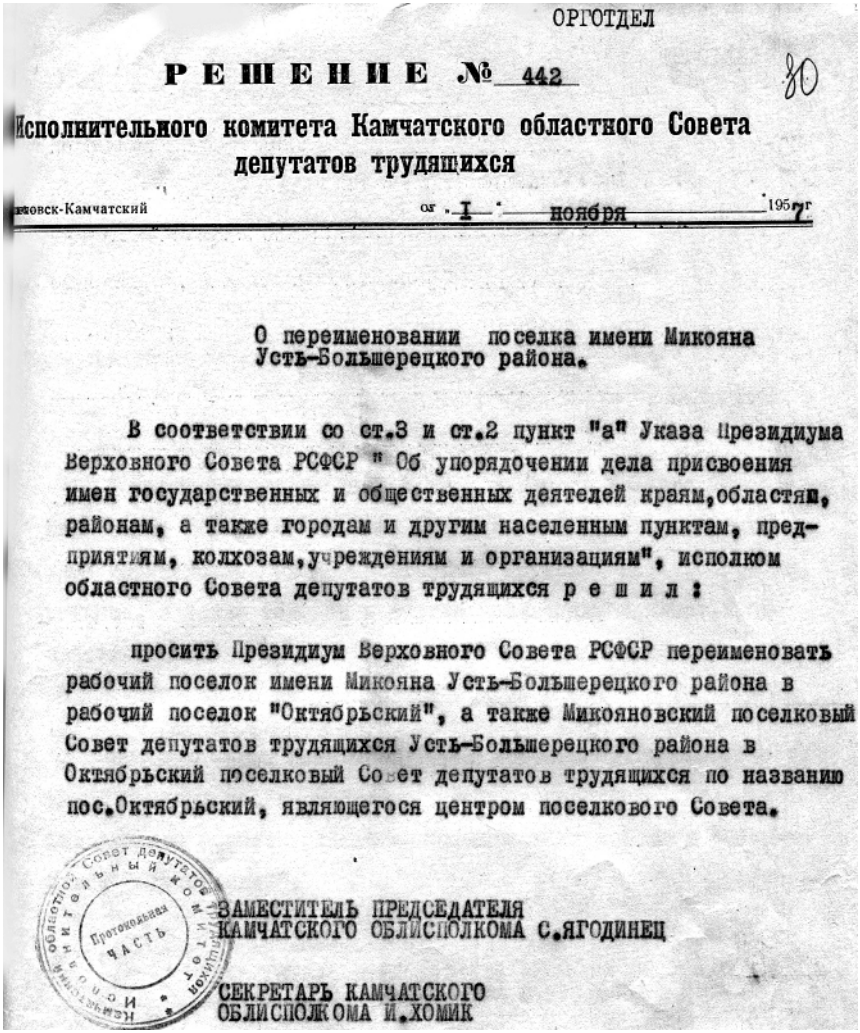
Председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся

/ А. Круппа /

Секретарь исполкома районного Совета депутатов трудящихся

/ Ф. Оборин /

Решение исполнительного комитета Усть-Большерецкого Совета депутатов трудящихся от 24 октября 1957 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 82)



ОРГОТДЕЛ

Р Е Ш Е Н И Е № 442

80

Исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся

ковск-Камчатский от 1 ноября 1957 г.

О переименовании поселка имени Микояна Усть-Большерецкого района.

В соответствии со ст.3 и ст.2 пункт "а" Указа Президиума Верховного Совета РСФСР " Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям", исполком областного Совета депутатов трудящихся р е ш и л :

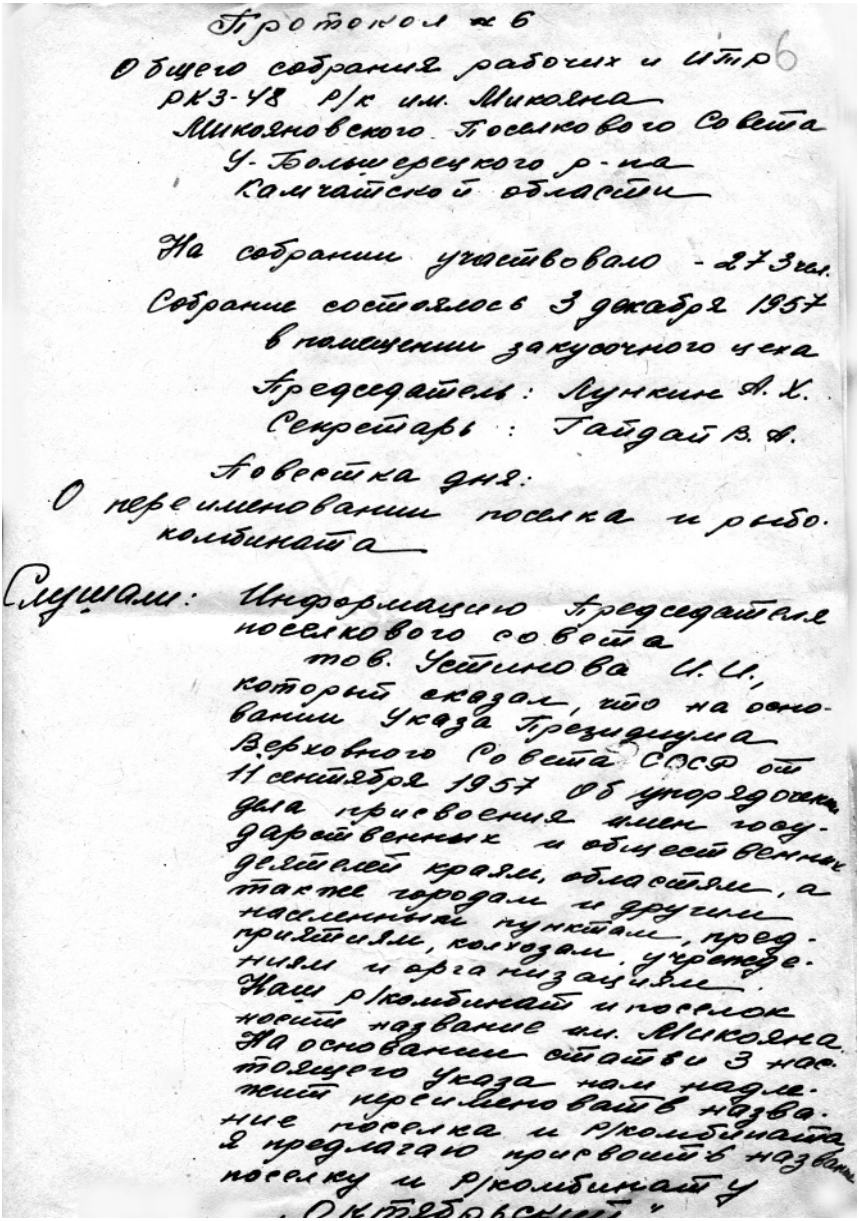
просить Президиум Верховного Совета РСФСР переименовать рабочий поселок имени Микояна Усть-Большерецкого района в рабочий поселок "Октябрьский", а также Микояновский поселковый Совет депутатов трудящихся Усть-Большерецкого района в Октябрьский поселковый Совет депутатов трудящихся по названию пос.Октябрьский, являющегося центром поселкового Совета.

Исполнительный комитет Совет депутатов трудящихся Протокольная часть

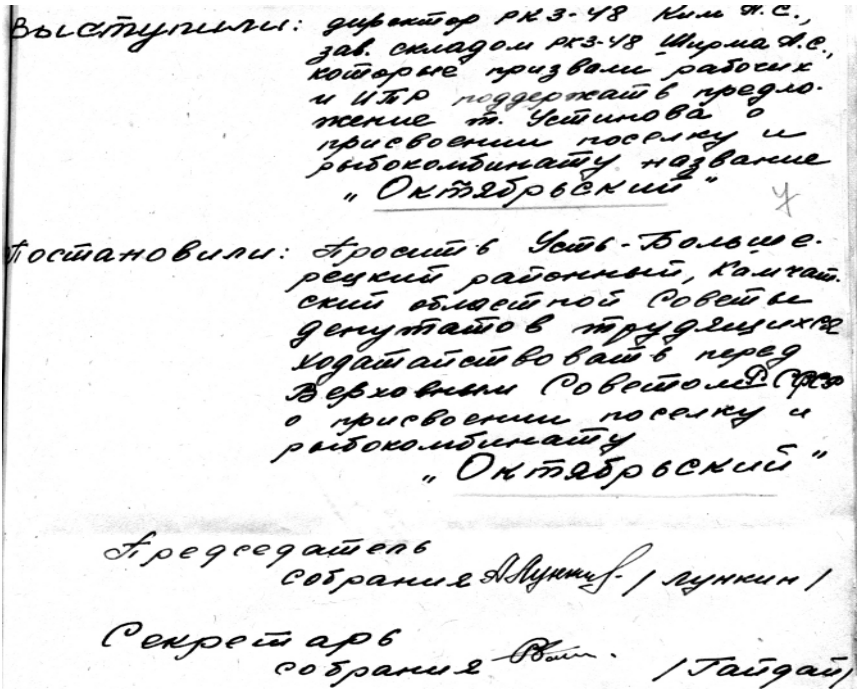
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КАМЧАТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА С.ЯГОДИНЕЦ

СЕКРЕТАРЬ КАМЧАТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА И.ХОМИК

Решение Камчатского областного исполнительного комитета от 1 ноября 1957 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 80)



Протокол собрания коллектива рыбоконсервного завода № 48 Микояновского рыбокомбината от 3 декабря 1957 г. (ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 6)



Выступили: директор рк 3-48 Ким Я.С., зав. складом рк 3-48 Шурма А.С., которые призвали рабочих и ИТР поддержать предложение т. Устинова о присвоении поселку и рыбокомбинату название „Октябрьский".

Постановили: Просить Усть-Большерецкий районный, Камчатский областной Советы депутатов трудящихся ходатайствовать перед Верховным Советом РСФСР о присвоении поселку и рыбокомбинату „Октябрьский".

Председатель собрания /Лункин/

Секретарь собрания /Гайдай/

Продолжение протокола собрания коллектива рыбоконсервного завода № 48 Микояновского рыбокомбината от 3 декабря 1957 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 7)

В Президиуме Верховного Совета РСФСР

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 января 1958 года рабочий поселок имени Микояна Усть-Большерецкого района переименован в рабочий поселок Октябрьский.

О созыве 6 сессии районного Совета депутатов трудящихся

Исполком Усть-Большерецкого райсовета депутатов трудящихся Р Е Ш И Л: созвать шестую сессию Усть-Большерецкого районного Совета депутатов трудящихся шестого созыва 30 января 1958 года в селе Усть-Большерецк с вопросами:

а) о состоянии и мерах улучшения сельского хозяйства в районе (докладчик т. Любцов);

б) оргвопросы.

Сообщение газеты «Ударник» от 22 января 1958 г., № 8

ИСПОЛКОМ УСТЬ БОЛЬШЕРЕЦКОГО РАЙСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Р Е Ш Е Н И Е № 370

с. Усть- Большерецк . От 6 декабря 1957 года .

" О переименовании поселка им. Микояна в поселок Октябрьский . "

Рассмотрев пожелание рабочих и служащих рыбокомбината им. Микояна о переименовании поселка им. Микояна в поселок Октябрьский. Исполком районного Совета депутатов трудящихся руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года / Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям , областям, районам , городам и другим населенным пункта , предприятиям , колхозам , учреждениями организациям / исполнительный комитет Усть- Большерецкого райсовета депутатов трудящихся Р Е Ш И Л :

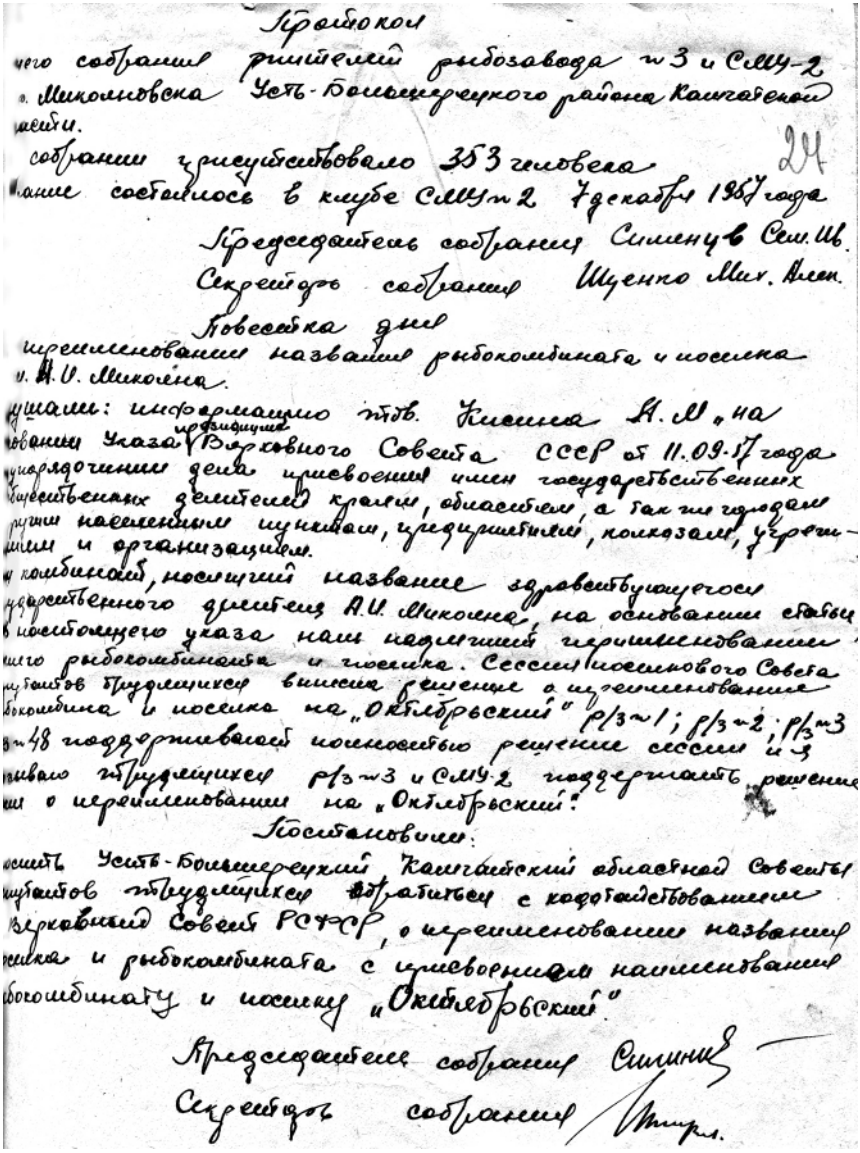
1. Удовлетворить ходатайство рабочих и служащих рыбокомбината им. Микояна о переименовании поселка имени Микояна в поселок"Октябрьский"

2. Просить исполком Камчатского Областного Совета депутатов трудящихся войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР о переименовании поселка им. Микояна в поселок " Октябрьский "

Председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся

Секретарь исполкома районного Совета депутатов трудящихся Сборин /

Решение исполнительного комитета Усть-Большерецкого Совета депутатов трудящихся от 6 декабря 1957 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 3)



Выпиской
чего собрания жителей рыбозавода № 3 и СМУ-2
п. Микояновска Усть-Большерецкого района Камчатской
области.

собрании присутствовало 353 человека 24
шание состоялось в клубе СМУ № 2 7 декабря 1957 года

Председатель собрания Симинцев Сем. Ив.
Секретарь собрания Щуенко Мих. Алек.

Повестка дня

переименовании названия рыбокомбината и поселка
п. А. И. Микояна.

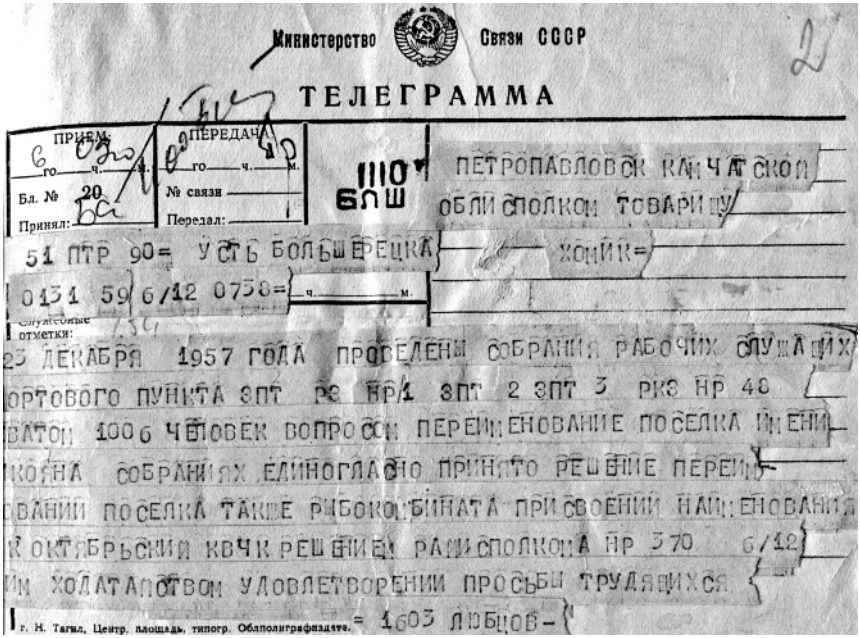
ушали: информацию тов. Кимина А. М. „на
нование Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11.09.57 года
упорядочении дела присвоения имен государственных
ятелей деятелей краям, областям, а так же городам
ругим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреж-
ниям и организациям.
и комбинатам, носящий название здравствующего
ударственного деятеля А. И. Микояна, на основании статьи
з постановления указа наш недостойно переименовать
шего рыбокомбината и поселка. Сессия поселкового Совета
ящихся трудящихся вынесла решение о переименовании
бокомбината и поселка на „Октябрьский" Р/з № 1; Р/з № 2; Р/з № 3
№ 48 поддерживаем полностью решение сессии и з
ываю трудящихся Р/з № 3 и СМУ-2 поддержать решение
ши о переименовании на „Октябрьский".

Постановили:

ссить Усть-Большерецкий Камчатской областной Совет
ящихся трудящихся ходатайством с ходатайствованием
Верховный Совет РСФСР, о переименовании названия
селка и рыбокомбината с присвоением наименования
бокомбинату и поселку „Октябрьский".

Председатель собрания Симинцев
Секретарь собрания Щуенко.

Решение собрания жителей Микояновского рыбозавода № 3
и строительно-монтажного управления № 2
от 7 декабря 1957 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 24)



Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: 6 го 03 ч. 20 м.
Бл. № 20
Принял:
ПЕРЕДАНА: 0 го ч. м.
№ связи
Передал:

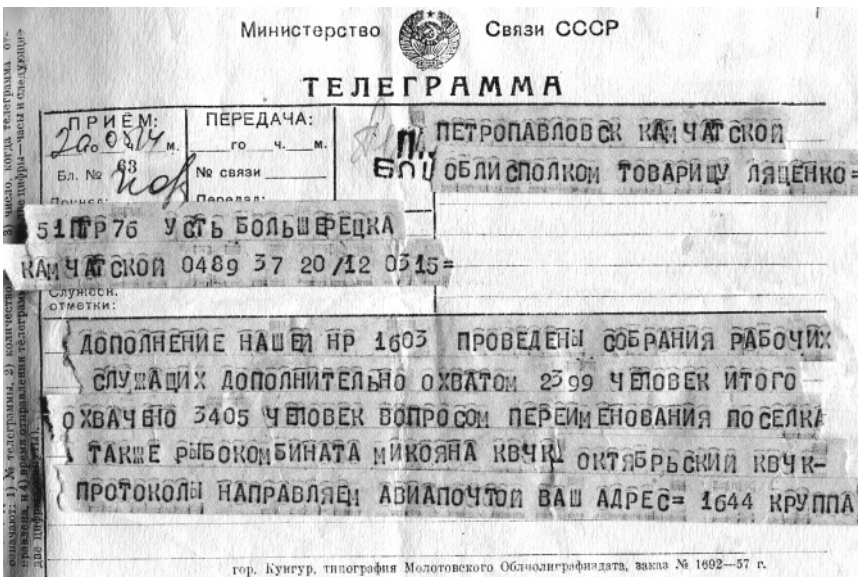
1110 БЛШ ПЕТРОПАВЛОВСК КАМЧАТСКОЙ ОБЛИСПОЛКОМ ТОВАРИЩУ ХОЛИК=

51 ПТР 90= УСТЬ БОЛЬШЕРЕЦКА 0131 59 6/12 0758= ч. м.

Служебные отметки:

23 ДЕКАРЯ 1957 ГОДА ПРОВЕДЕНЫ СОБРАНИЯ РАБОЧИХ СЛУЖАЩИХ ОРТОВОГО ПУНКТА ЗПТ РЗ НР 1 ЗПТ 2 ЗПТ 3 РКЗ НР 48 ВАТОМ 1006 ЧЕЛОВЕК ВОПРОСОМ ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ПОСЕЛКА МИКОЯНА СОБРАНИЯХ ЕДИНОГЛАСНО ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ПОСЕЛКА ТАКЖЕ РЫБОКОМБИНАТА ПРИСВОЕНИЙ НАИМЕНОВАНИЯ К ОКТЯБРЬСКИЙ КВЧК РЕШЕНИЕМ РАЙИСПОЛКОМА НР 370 6/12 ИМ ХОДАТАЙСТВОМ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПРОСЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ = 1603 ЛЮБЦОВ=

г. Н. Тагил, Центр. площадь, типогр. Облполиграфиздата.



Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЁМ: 2а 08 14 м.
Бл. № 63
ПЕРЕДАЧА: го ч. м.
№ связи
Передал:

ПЕТРОПАВЛОВСК КАМЧАТСКОЙ БЛШ ОБЛИСПОЛКОМ ТОВАРИЩУ ЛЯЩЕНКО=

51 ПТР 76 УСТЬ БОЛЬШЕРЕЦКА КАМЧАТСКОЙ 0489 37 20/12 0315=

Служеб. отметки:

ДОПОЛНЕНИЕ НАШЕЙ НР 1603 ПРОВЕДЕНЫ СОБРАНИЯ РАБОЧИХ СЛУЖАЩИХ ДОПОЛНИТЕЛЬНО ОХВАТОМ 2399 ЧЕЛОВЕК ИТОГО ОХВАЧЕНО 3405 ЧЕЛОВЕК ВОПРОСОМ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ПОСЕЛКА ТАКЖЕ РЫБОКОМБИНАТА МИКОЯНА КВЧК К ОКТЯБРЬСКИЙ КВЧК ПРОТОКОЛЫ НАПРАВЛЯЕМ АВИАПОЧТОЙ ВАШ АДРЕС= 1644 КРУППА

Означают: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма отправлена, 4) время отправления телеграммы—часы и следующие две цифры—минуты.

гор. Кунгур, типография Молотовского Облполиграфиздата, заказ № 1692—57 г.

Переписка руководства Усть-Большерецкого района
с Камчатским облисполкомом, декабрь 1957 г.
(ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 1—2)

Решением Петропавловск-Камчатского горисполкома № 328 от 3 декабря 1957 г. в областном центре были переименованы четыре улицы. Микояновская стала Ленинградской, Папанина — Дежнева, Будённого — Шелихова, Ларинская — Чирикова [12]. И Микоян, и Папанин, и Будённый были ещё живы. Больше повезло улице Ширшова, тоже стоявшей в черновом документе на переименование. Как выяснилось, Пётр Ширшов, советский государственный деятель, полярный исследователь, академик, Герой Советского Союза, в 1942—1948 гг. — министр Морского флота СССР, умер в 1953 г. Улица его имени осталась в Петропавловске-Камчатском до сих пор.

А вот улицы Папанина, Будённого и Микояна в областном центре больше так и не появились. До наших дней дожили улицы Кирова и Орджоникидзе. Будь эти люди в 1957 г. живы, улицы тоже попали бы под переименование.

Отдельная история с улицей Вышинского. В 1957 г. её не тронули, так как Андрей Вышинский, бывший прокурор и министр иностранных дел СССР, умер в 1954 г. А вот во время борьбы с культом личности Сталина бывшего прокурора обвинили в организации массовых репрессий. В мае 1962 г. улица Вышинского была переименована в улицу Дзержинского.

Улица Ларинская, расположенная в центре города (выше нынешней городской администрации и Камчатского краевого объединённого музея), в 1957 г. была переименована в улицу Чирикова. Ларин тогда был ещё жив.

Справка: Иван Емельянович Ларин (1890—1980), один из организаторов установления советской власти на Камчатке, председатель первых Советов, в 1920—1922 гг. — председатель Камчатского облисполкома, облнарревкома. Был председателем Петропавловского городского Совета и горисполкома. Уехал с Камчатки в 1931 г.

Интересно, что ещё две улицы, связанные с именем Ивана Ларина, были переименованы решением горисполкома ещё в декабре 1951 г. Их было слишком много для одного человека. 2-я Ларинская стала улицей имени Завойко (сейчас просто улица Завойко), а 3-я Ларинская — улицей Петровской. Это всё там же — выше городской администрации и музея.

В феврале 1987 г. в новом микрорайоне Северо-Восток в Петропавловске-Камчатском снова появилась улица, названная в честь бывшего председателя облисполкома, — улица Ларина. Вот такие зигзаги делает история.

В районах и посёлках полуострова насчитали всего около тридцати именных улиц. Со Сталиным не была связана ни одна, зато Ленинских было аж три. Под переименование попали всего две улицы, связанные с Микояном, — в селе Козыревск Усть-Камчатского района и с Молотовым — в населённом пункте Лазо Мильковского района. В Лазо Молотовскую переименовали в 40 лет Октября. Благо 1957-й был годом юбилейным [13]. До следующего масштабного переименования, связанного с именем Сталина, оставалось всего несколько лет.

Источники

1. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 82.
2. Там же. Л. 80.
3. Там же. Л. 6—7.
4. Там же. Л. 3.
5. Там же. Л. 24.
6. Там же. Л. 1.
7. Там же. Д. 360. Л. 81—86.
8. Ударник. — 1958. — 22 янв., № 8.
9. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 25.
10. Там же. Л. 63.
11. Там же. Л. 64.
12. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 326. Л. 104.
13. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 376. Л. 65—67.

В. Е. Быкасов

Крест Атласова

В истории освоения Камчатки имеются события, которые в силу тех или иных причин трактуются по-разному. Одним из самых наглядных примеров разночтений являются время и место установки В. Атласовым креста в знак присоединения полуострова к России.

В своё время Н. Н. Оглоблин считал, что крест был поставлен *18 июня* (здесь и далее выделено мною. — *В. Б.*) 1697 г. [Оглоблин, 1894]. А спустя век Б. П. Полевой утверждал, что «именно в ознаменование покорения Камчатки он (Атласов. — *В. Б.*) и счёл нужным водрузить на *левом берегу* реки Канучь *у её устья* крест с надписью: «СЕ году, *июля Гі дня,* поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ человек» [Полевой, 1997б, с. 88].

И тут же пояснил: «СЕ» — 205 г., то есть 1697 г., «Гі» — «*13*», а не 18-е, как порою неверно датируют. «НЕ» человек — 55». Следовательно, надпись на кресте показывала, что он был установлен *13 июля* 1697 г.» [Там же, с. 89].

Но в таком случае возникает вполне понятный вопрос — а что об установлении креста говорил С. П. Крашенинников, от сведений которого отталкивались и отталкиваются все исследователи, ибо сам В. Атласов в своих «Скасках» о кресте не сказал ни слова?

Итак, в «Описании земли Камчатки», переизданном в 1949 г., написано: «В верстах 24 $^{1}/_{2}$ от объявленного урочища течёт в Камчатку с левой стороны речка Канучь, которая от российских жителей называется Крестовой, потому что *близ устья* её находится крест, который при первом российском походе на Камчатку поставлен со следующей надписью. «СЕ году, *июля* Гі дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ человек» [Крашенинников, 1949, с. 108]. И ни слова о том, на каком берегу был поставлен крест.

Однако в самостоятельной главе этого же издания под названием «Описание пути от Верхнего до Нижнего Камчатского острога» говорится нечто иное: «Она Крестовою от того называется, что *на устье её на левом берегу* в первую бытность свою Володимер Атласов поставил крест, который ещё и по сие время стоит, а на нём написано: «СЕ году, *июня* Гі дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ человек» [Крашенинников, 2018, с. 662]. Но так как этот текст был написан ещё во время пребывания С. П. Крашенинникова на полуострове, то, скорее всего, в данном случае произошла оговорка с местом и с датой установки креста.

И действительно, в переизданном в 1994 г. факсимильном варианте «Описания земли Камчатки» от 1755 г. говорится: «В верстах 24 $^{1}/_{2}$ от объявленного урочища (протоки Тоткапенем. — *В. Б.*) течет в Камчатку с *левой стороны* речка Канучь, которая от Российских жителей называется Крестовою, потому что *близ устья ея* находится крест, который при первом Российском походе на Камчатку поставлен с следующею надписью: СЕ. году, *июля ГІ. дня,* поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ. человек» [Крашенинников, 1994, с. 17]. А поскольку основной текст этого издания при подготовке к печати прошёл четырёхкратную редакционную правку (в которой непосредственное участие принимал и сам С. П. Крашенинников), то, надо думать,

что именно указанные в нём место и время являются единственно верными.

Тем не менее, многие историки и краеведы, основываясь на данных статьи, не прошедшей редакционную правку, считали, что крест был установлен на левом заболоченном берегу устья реки Канучь, под которой они понимали нынешнюю реку Белую. При этом некоторые из них временем установки называли не 13 июля, а 13 или 18 июня и даже 18 июля. Отчего и возникает необходимость более внимательно разобраться во всей этой запутанной ландшафтно-исторической ситуации. А для этого, как представляется, следует определиться с тем, в каком месте отряд В. Атласова с западной стороны полуострова мог перейти через Срединный хребет и спуститься от него к реке Камчатке.

После вызволения на реке Палана (с помощью отряда Л. Морозко) из осады отряда В. Атласова, казаки в конце апреля или начале мая вышли к реке Тигиль. Здесь В. Атласов «произвёл правёж» — наказание батогами изменивших юкагиров. После чего 30 из них во главе с Омой вместе с соответствующим количеством оленей тайком покинули отряд и вернулись на реку Анадырь.

Правда, А. С. Зуев (2002) считал, что половина юкагиров во главе с Омой сбежала ещё на реке Палане. Однако это не соответствует данным самого В. Атласова, который говорил о правёже на реке Кыгыл.

Вполне понятно, что уход 30 юкагиров с оленями существенно затруднил дальнейшее продвижение казаков и промышленных людей. Тем не менее, казаки решили отправиться к большой реке, располагавшейся по ту сторону Срединного хребта, о существовании которой они узнали из расспросов местных жителей. О чём В. Атласов сказал так: «...взяв вожев дву человек, пошёл с служилыми людьми и остальными ясачными юкагирами, которые не в измене, подле моря на оленях и дошёл на Камчатку реку».

Кстати, поскольку «Скаски» В. Атласова были записаны три и четыре года спустя после выхода его отряда на реку Кыгыл, то, скорее всего, он главной реке полуострова, как и самому полуострову, название «Камчатка» присвоил уже после того, как вернулся в Якутск. Перенёс, как представляется лично мне, это имя с той «З(емли) Камчадальска», которая располагалась на территории Северного Приохотоморья в районе от реки Тауй до реки Тобон.

Но коль скоро казаки от низовья реки Тигиль последовали подле моря, то они явно пошли ни вниз (к морю), ни вверх (от моря) по Тигилю, а на юг от него. И, тем не менее, историки и крае-

веды считали, что казаки направились вверх по реке Тигиль, выдвинув при этом три разных варианта выхода отряда на водораздел Срединного хребта.

Например, Б. П. Полевой (1997) и Г. А. Леонтьева (1997) полагали, что отряд, следуя по долине реки Тигиль, вышел к его большому правому притоку реке Седанка. А затем тропой ительменов поднялся к невысокому (около 1 000 м) перевалу Срединного хребта, расположенному между истоками реки Седанки и реки Левой — левого притока реки Еловки. И, надо думать, полагали так потому, что именно по долинам названных рек пролегал один из основных путей аборигенов по реке Тигиль к реке Камчатке.

Здесь, на водоразделе, казаки якобы оставили своих оленей вместе с юкагирами на обширных горных тундрах западного склона Срединного хребта. А сами пешком по долине реки Левой спустились к реке Еловке. И уже по ней якобы сплавились к реке Камчатке и далее. Оставив тем самым реку Белую достаточно далеко вверх по течению.

Однако в этом варианте маршрута похода отряда В. Атласова к реке Камчатке есть несколько обстоятельств, вызывающих сомнение в возможности его осуществления. Дело в том, что при таковом раскладе событий неизбежно возникала необходимость частых переходов через многочисленные притоки Тигиля в условиях бурного летнего паводка. Что с оленями делать было бы нелегко.

К тому же в средней части долины реки Тигиль располагалось несколько селений и стойбищ весьма воинственных оленных коряков. Так что казакам, которые ещё не полностью оправились от ран, было не с руки лишний раз подвергаться опасности, которая, действительно, была более чем реальна — ибо, напомню, именно в одном из перечисленных острожков (Кохча) был позднее убит Лука Морозко.

Что же касается выхода к реке Еловке и предполагаемого плавания по ней к реке Камчатке и далее к её низовью, то, как считал С. П. Крашенинников, жители (кооч-ай) реки Еловки считались самыми воинственными среди всех камчатских ительменов. Настолько воинственными, что на них, как уточнил Г. Стеллер (1999), не решались нападать даже шандальцы (жители нижней Камчатки), державшие в страхе обитателей всей, кроме бассейна реки Еловки, долины реки Камчатки. Так что еловские ительмены в помощи казаков не нуждались, хотя, конечно же, и могли бы принять участие в покорении нижних ительменов.

Однако при этом предполагаемое плавание до нижних ительменов реки Камчатки длилось бы не три, как утверждал В. Атласов, а один день. Ибо от места выхода на реку Еловку до острожка Камаки (до которого, предположительно, доплыли казаки) надо было бы преодолеть около сотни километров. А ведь, скажу для сравнения, С. П. Крашенинников во время своего летнего плавания по Камчатке в один из дней преодолел 110 вёрст.

К тому же сам В. Атласов по этому поводу высказался так: «И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же Камчатки реки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и что ему Володимеру с ними на тех иноземцов идти в поход и с ними их смирить, чтоб жили они в совете» [Первая скаска... 1989, с. 72]. Но жаловаться на жителей «той же реки» (Камчатки) могли только жители «этой же реки» (Камчатки), но никак не обитатели «другой» (Еловки) реки.

Ну и, наконец, если бы казаки своих оленей с юкагирами оставили бы на водоразделе между истоками рек Седанки, Калгауча и Перевальной, впадающих в Тигиль, и истоками рек Рассошина и Левая, впадающих в реку Еловка, то пуститься в погоню за тигильскими коряками, угнавшими их оленей, они смогли бы лишь после возвращения сюда же по рекам Еловке и Левой. Поскольку только здесь они могли бы обнаружить следы угнанного стада. А потому нагнать угонщиков они могли бы не на реке Иче, как это общепринято считать, а на реке Тигиль. Так что этот вариант продвижения от низовья Тигиля к реке Камчатке явно не соответствует реальной ландшафтно-исторической обстановке.

Другой вариант продвижения казаков от низовья Тигиля до Камчатки предложили Л. С. Берг и Д. М. Лебедев. Согласно им, казаки по реке Тигиль и его левому истоку реке Малый Тигиль вышли к невысокому (около 1 000 м) перевалу Срединного хребта, расположенному между истоками рек Малый Тигиль и Половинной. И, надо полагать, что Берг и Лебедев в этом своём представлении опирались на мнение С. П. Крашенинникова, говорившего, что ительмены, следуя от реки Камчатки к западному побережью полуострова, поднимались к перевалу Срединного хребта по реке Крестовой и уже от перевала выходили к истоку реки Тихой Хайрюзовой и следовали по ней далее. А таковой рекой Крестовой могла быть только и только современная река Половинная, истоки которой сходятся с истоками рек Малый Тигиль и Тихая Хайрюзова. И, тем самым, Берг и Лебедев признали, хотя бы и не сказав этого вслух, что именно вблизи устья реки Половинной

(Крестовой) казаки отряда В. Атласова на обратном пути от низовий реки Камчатки поставили свой крест.

Тем не менее, и этот вариант вызывает сомнение. Ибо по нему казакам пришлось бы несколько раз по большой воде переходить с одной стороны этой большой и многоводной реки на другую, дабы обойти прижимы речного русла к крутым, поросшим лесом горным склонам. Не говоря уже о преодолении его многочисленных притоков, буквально вспухших от таяния снега.

К тому же в этом случае отряд В. Атласова оставил бы своих оленей выпасаться на обширной горной тундре, расположенной в верховьях рек Большой и Малый Тигиль и Тихая Хайрюзова. А потому казаки, прежде чем пуститься в погоню за похитителями оленей, должны были бы выйти к месту угона своих оленей по той же реке Крестовой (Половинной). И, следовательно, нагнать похитителей они могли бы либо на реке Тигиль, либо на Тихой Хайрюзовой, но не Иче.

Ну и, наконец, третий, и уж совсем неприемлемый вариант пересечения Срединного хребта предложили авторы-составители историко-географического атласа Камчатки (1997). Ибо, согласно их представлению, отряд В. Атласова к водоразделу Срединного хребта проследовал не по реке Седанке, а по самому Тигилю. Причём путь через Срединный хребет прорисовывался ими по долине реки Большой Тигиль вплоть до самого его истока и оттуда, напрямую через хребет, к истоку реки Белой.

То есть, говоря иначе, камчатские краеведы, как и некоторые историки до них, считали, что казаки, поднявшись по Большому Тигилю на водораздел Срединного хребта, спустились оттуда к истоку реки Белой и уже по ней вышли к самой реке Камчатке. Отчего, по их мнению, они на обратном пути и поставили на левом берегу её устья свой крест.

Однако они при этом не учли, что на этом «прямом» пути от истока Большого Тигиля к истоку Белой возвышается огромный (высотой до 2 500 м и длиной до 35 км) вулканический массив Алней-Чашаконджа. Его полуторакилометровый западный склон представлен сплошными каменистыми кручами, осыпями и скалами, а также многолетними снежниками в привершинной части. Отчего, кстати, этот вулкан и получил название Алней — Белая или Снежная гора, ибо снег на её вершине лежит всё лето.

Понятно, что названные обстоятельства исключают продвижение перегруженных снаряжением и имуществом казаков этим путём. Особенно если знать, что юго-восточная сторона этого массива

к истоку реки Белой очень крутым и высоким (до 500–600 м) уступом обрывается к днищу кальдеры вулкана Чашаконджа, полностью занятой большим (до 5–6 км в поперечнике) ледником [Быкасов, 1976]. Ледник и даёт начало реке Белой, названной так потому, что талые воды, промывающие светло-жёлтые гидротермальные горные породы этой кальдеры, придают воде белёсый цвет. Он даже в малую воду прослеживается на расстояние до 5–6 км вниз по течению.

Однако историки и краеведы этих природных особенностей не знали. В том числе и потому, что у них не было возможности пользоваться данными засекреченных топографических карт Генерального штаба. Но даже и в XX в., когда материалы топографического толка стали общедоступными, местные краеведы продолжают утверждать, что казаки отряда В. Атласова от истока Большого Тигиля напрямую выходили к истоку реки Белой.

Так что остаётся только сказать, что в 1973 и 1975 гг. мне довелось провести ландшафтные наблюдения и в верховье реки Белой, и в верховьях рек Большой и Малый Тигиль. Самому удостовериться, что большие абсолютные и относительные высоты, а также сложное геоморфологическое строение верхней части этого вулканического массива исключают возможность перехода казаков В. Атласова с их предельно большим грузом за плечами через его полуторакилометровый гребень. И это тем более верно, что к югу от подножия вулкана Чашаконджа располагается очень пологий и невысокий (около 1 000 м над уровнем моря) перевал, ведущий к реке Половинной. Он представляет собой древнее лавовое плато, плоская полого-наклонная поверхность которого покрыта горно-тундровой растительностью. И именно к этому перевалу выходит удобная для продвижения долина реки Малый Тигиль. Причём сам перевал прекрасно виден ещё издалека, да и проводники (вожи) казаков, прекрасно знавшие эти места, явно подвели бы казаков именно к нему.

И, тем не менее, когда я, пытаясь разубедить некоторых из моих оппонентов, говорил, что переход через массив Алней-Чашаконджа можно уподобить переходу от устья реки Авачи к реке Налычевой, расположенной за Авачинской вулканической группой, не через пологий Авачинской перевал высотой 1 220 м, а через острую вершину Авачинского вулкана выстой 2 741 м, они всё равно оставались при своём мнении. Хотя я и подчёркивал при этом, что высоты вулканического массива Алней-Чашаконджа и перевала между Малым Тигилём и рекой Половинной всего

лишь на 250 м ниже высот Авачинского вулкана и Авачинского перевала.

Итак, всё изложенное говорит о том, что отряд В. Атласова передвигаться к перевалам Срединного хребта по долинам реки Тигиль и её притоков не мог. Не мог, тем более, что, по словам самого В. Атласова, казаки от низовьев Тигиля последовали «подле моря» [Скаска... 1989]. То есть они сперва переправились через Тигиль в районе острожка Щипин (современный посёлок Тигиль) или острожка коряка Тынгену, расположенного в 13 км от моря на правом берегу реки, поскольку и там, и там имелись средства для переправы людей и грузов. А затем, следуя долиной реки Напана, сперва вышли к острожку Кыгын (Напана) и оттуда проследовали по долине реки Напаны к реке Тихая Хайрюзова.

Кстати, местные жители, выходя на батах к истоку реки Напаны, переходили оттуда в бассейн реки Тихой Хайрюзовой [Дитмар, 2010], преодолевая при этом волоком несколько километров очень плоского водораздела между Напаной и правым притоком реки Тихая Хайрюзова. Так что попасть из одной долины в другую казакам труда не представляло. Причём именно с этого перевала можно видеть то самое море (Охотское), подле которого шли казаки.

Следуя далее к Срединному хребту долиной реки Тихая Хайрюзова, казаки поднялись на низкое (от 400–500 м на западе до 600–800 м на востоке) и пологое вулканическое плато, расположенное в районе вулкана Анаун. Причём ещё задолго до подхода к водоразделу Срединного хребта можно было увидеть, что вулканическое плато, прилегающее к верховьям Малого Тигиля, ещё не полностью освободилось от снега. И, следовательно, оно тогда было менее подходящим (свежая зелень там ещё не появилась) для выпаса оленей, чем плато, расположенное в верховьях реки Балыгинган (левый исток Тихой Хайрюзовой). Отчего, надо думать, казаки и последовали к реке Камчатке именно по этим рекам.

Обойдя вулкан Анаун с юга, казаки по долине реки Балыгинган вышли к тому месту, где его исток подходит к средней части долины реки Анавгай, относящейся к бассейну реки Камчатки. Здесь на богатом кормом плато они оставили под присмотром юкагиров своих оленей. А затем, преодолев очень низкий и плоский перевал, отделяющий это плато от реки Анавгай, спустились в его долину и по веками набитой тропе, которая проходила вдоль её русла, проследовали к перевалу Иларман Быстринского хребта, откуда начинался спуск к реке Камчатке.

Конечно же, скажу для ясности, от верховьев Тихой Хайрюзовой к хребту можно было выйти и севернее, в районе, как уже говорилось выше, перевала, расположенного между реками Малый Тигиль и Половинная. Однако перевал Иларман не только ближе к среднему течению реки Тихой Хайрюзовой, но и несколько ниже и удобнее для передвижения. Отчего, кстати, он, в отличие от перевала между Малым Тигилём и Половинной, и получил собственное имя.

О достоверности такого расклада свидетельствует и высказывание самого Атласова о временных параметрах основных этапов его похода. Согласно ему казаки от Анадырского острожка до реки Пенжины шли две с половиной недели, от Пенжины до Люторских народов — две недели, «от Лютор до камчадальских первых рек» — около шести недель. А от низовья Кыгыла до реки Камчатки — две недели, тогда как местные жители на переход к реке Камчатке по реке Седанке и Малому Тигилю затрачивали меньше времени, так как казаки от Тигиля к реке Камчатке выходили не наиболее прямым путём, а более длинным.

Таким образом, анализ ландшафтно-исторической обстановки с возможными вариантами маршрутов В. Атласова от низовий Тигиля показывает, что к реке Камчатке его отряд вышел в том месте, где торная ительменская тропа с водораздела между Анавгаем и Камчаткой по реке Идягун выходила к месту, где недалеко друг от друга на берегу реки Камчатки стояли, как говорил В. Атласов, четыре ительменских острожка. И стояли они здесь тесно потому, что река «Идягун особливо достойна примечания потому, что около её устья бывают осенние рыбные промыслы, куда не токмо казаки, но и камчадалы съежжаются для ловли белой рыбы (кижуча. — *В. Б.*), которая там застаивается, чего ради оное место и застоем называют жители. Такие застои есть и выше Идягуна реки, а именно не доежжая вёрст за пять до речки Пименовой, что по-камчатски Сеухли, которая без малого в 12 верстах выше Идягуна течёт в Камчатку с левой стороны» [Крашенинников, 1949, с. 107—108]. То есть, именно по причине столь примечательного природного явления, позволяющего вылавливать рыбу не только в бурную и скоротечную летнюю путину, но и во все осенние и зимние, включительно по декабрь и даже январь месяцы, вблизи этих «застоев» просто «обязаны» были располагаться несколько поселений ительменов.

Но в таком случае остаётся лишь выяснить, каким нынешним рекам соответствуют эти самые Идягун и Пименова. Установить это не так уж и трудно. Ибо если реку Кру-кыг, как указывает сам

Крашенинников, казаки именовали Крюками, реку Ус-кыг — Ушками, а реку Пименова — Сеухли (Сехлун, на современной карте), то Идягуном, может быть только нынешняя река Кахтун, которая и от реки Ус-кыг (Ушки), и от реки Пименовой отстоит на 12 вёрст.

Итак, по моему мнению, именно современная река Кахтун, устье которой расположено в районе былого скопления ительменских острожков, приуроченных к рыбным «застоям» реки Камчатки, наиболее полно соответствует и первому (наличие напротив неё оленьего пастбища), и второму (вышли сразу к четырём ительменским острожкам) обозначенным выше обстоятельствам. Это позволяет уверенно говорить о том, что казаки своё трёхдневное плавание вниз по Камчатке начали именно от этой реки.

Что же касается реки Крестовой (Кануч), мимо которой проплыли казаки, то под ней следует понимать нынешнюю реку Половинную, а не Белую (Ошачь).

Действительно, вот что говорил Крашенинников о реках, расположенных ниже реки Кахтун: «Пыарантынум речка, от Крюков верстах в трёх, вышла верстах десяти из пади и впала в Камчатку по течению с левой стороны. Немного отъехав от устья сей речки взнялись на левую сторону Камчатки и ехали чистым местом (замёрзшим болотом. — *В. Б.*) до нижеописанного острожка.

Греничь речка, от Пыарантынум верстах в восьми, вышла верстах в 60 из хребта и от переезду верстах в... в Камчатку впала, вершиною сошлась она с россошиною Хариузовой речки, Туляган называемой.

Кануч речка, шириною сажен с 15, от Гренича верстах в 12, *вышла из одного места с Греничем речкою* и от того места, где мы на неё спустились, верстах в двух в реку Камчатку впала. Она Крестовою от того называется, что *на устье её на левом берегу* в первую бытность свою Володимер Атласов поставил крест, который ещё и по сие время стоит, а на нём написано: “СЕ году, *июня* (об ошибочности указания на это место и время уже говорилось выше. — *В. Б.*) ГІ дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи НЕ человек”.

Ошачь речка (река Белая. — *В. Б.*), от спуску на Крестовую в версте, вышла с правой стороны верстах в 60 из хребта и впала в Крестовую. Мы вверх по ней поехали» [Крашенинников, 2018, с. 630—631].

Столь обильное цитирование потребовалось для того, чтобы стало понятно, что река Половинная, именуемая во времена Крашенинникова рекой Греничь, впадала в реку Камчатку двумя

руслами. Одно из них — собственно Греничь, располагалось, по данным Крашенинникова, в 12,5 верстах выше по течению от его второго русла — реки Крестовка. И это русло в наше время трассируется ручьём Хламовитым, начало которому дают подземные воды нынешней реки Половинной, просачивающиеся из-под её аллювиальных отложений. Причём сам ручей Хламовитый, протекая по старому руслу реки Крестовки, ещё сосем недавно впадал в реку Белую в одной версте от её прежнего устья. Где и была дважды поставлена копия креста В. Атласова, но где никогда не стоял подлинный крест.

То есть, говоря иначе, и река Греничь, и река Крестовая во времена Атласова и Крашенинникова «выходили из одного места» (русла). Но позднее, как это постоянно бывает с нижними частями горных рек, «блуждающих» по своим конусам выноса от одного его края к другому, русло реки (протоки) Крестовой забило аллювием, а русло реки Греничь стало единственным руслом нынешней реки Половинной. Об этом уверенно позволяет судить пример с рекой Белой, приустьевой участок русла которой в конце 1960-х гг. сместился на несколько километров ниже по течению.

И в самом деле, в 1973 г., выходя в конце августа по реке Белой к реке Камчатке, мы с Ю. Стефановым, следуя тропой, проходящей неподалёку от её левого берега, вдруг уткнулись в реку, которой на карте не было. При этом на всём видимом нами участке её берега полностью отсутствовали галечные косы, обычно обнажающиеся после схода паводка. Сориентировавшись по карте, мы поняли, что отклонились влево от пути к устью реки Белой. А потому, по пояс в воде, перешли на другую её сторону. При этом у нас под ногами были не галечник и песок, а мягкое торфяное дно. Из чего мы и сделали вывод о том, что за несколько лет до этого река Белая образовала то самое новое русло, которое ныне именуется протокой Белой (см. рис). В этом я убедился, когда, возвращаясь назад в лагерь, стоявший в верховье реки Белой, шёл по её старому, но уже безводному галечниковому руслу, почти как по асфальту, ибо оно только-только местами начало зарастать ивняком.

Что же касается места, на котором мог стоять крест Атласова, то вот что об этом говорил С. П. Крашенинников: «Ошачь речка (река Белая. — *В. Б.*), от спуску на Крестовую в версте, вышла с правой стороны верстах в 60 из хребта (из кальдеры вулкана Чашаконджа. — *В. Б.*) и впала в Крестовую. Мы вверх по ней поехали.

Кыратель острожек, на правом берегу речки Ошачь, от устья её в версте. Строения в нём две юрты, восемь балаганов. Ясашных

иноземцев 28 человек, в том числе собольников шесть. Тойон называется Налачь Тынбалов.

В острожек приехали пополудни часах в пяти и ночевали.

Из острожка поехали генваря 12 дня поутру часах в шести, и, переехав Ошачь реку, выехали на Камчатку немного пониже Атласова креста.

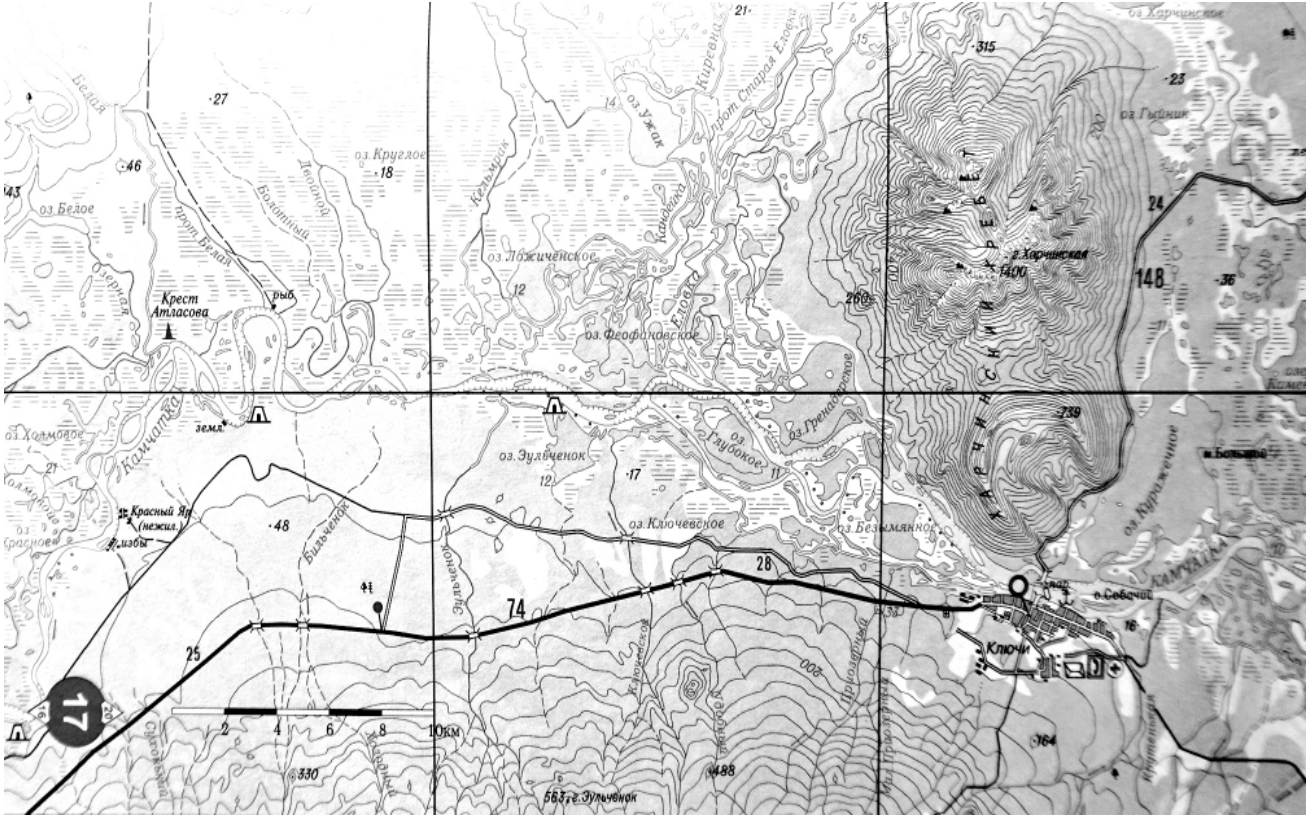
Джокой (Бильченок. — *В. Б.*) речка, от острожка верстах в шести, вышла из-под горелой сопки и впала в Камчатку по течению с правой стороны, в ней только весной вода бывает; отъехав от сей реки версты с четыре по Камчатке реке поднялись на левой её берег...» [Крашенинников, 2018, с. 630—631].

Но коль скоро рекой, впадающей в тогдашнюю реку Крестовку была река Белая, именуемая Крашенинниковым Ошачей, то, получается, что на самом деле крест Атласова располагался между старым руслом реки Белой и устьем реки Бильченок. То есть, скорее всего, на том высоком правом берегу реки Камчатки, где в нижнем основании большой излучины располагается некий археологический объект (см. рис.). К нему подходит тропа, ведущая в обход болот междуречья Камчатки и Еловки к еловским острожкам.

Понятно, что казаки, не хуже аборигенов разбиравшиеся в природных особенностях речных долин, возвращаясь вверх по реке в самом начале спада летнего паводка, узнав при этом от сопровождающих их ительменов о существовании в этом месте названной тропы, именно здесь, на пересечении путей по рекам Камчатке, Крестовке и Еловке поставили свой крест, знаменующий присоединение Камчатки к России. И не исключено, что именно здесь же часть промышленных и гулящих людей разбила первое русское зимовье на полуострове.

В пользу этого предположения говорят следующие факты. Во-первых, левый берег реки Камчатки на протяжении от старого русла реки Белой и до посёлка Ключи включительно представлен низкой (не выше 1–1,5 м над меженным уровнем воды) поймой, занятой либо кочкарной травяной поверхностью, либо зарослями ивы на наиболее возвышенных прибрежных бровках. Во-вторых, по данным Ключевской гидрометеостанции, в летний паводок уровень реки в этих местах повышается в среднем на 2–2,5 м, в результате чего всего вся эта низкая пойма до конца июля залита водой.

Однако в отдельные многоснежные годы интенсивное таяние снега в горах центральной части полуострова приводило к тому, что вода в реке поднималась до трёх и более метров над меженным уровнем.



Участок долины реки Камчатки выше посёлка Ключи

Например, в июне 1936 г. уровень воды в этих местах поднимался до 3,44 м, а в июне 2013 г. этот исторический максимум был превышен на 1,47 м. От этого на 168-м километре трассы Мильково — Козыревск были размыты десятки метров дорожного полотна, а в посёлке Ключи затопило дома на улицах Кирова, Набережной и Октябрьской [«Усть-Камчатский вестник», 10 июля 2013 г., № 54].

Но каковым бы не был паводок по высоте, заметный спад воды в этих местах обычно начинается со второй половины июля. Так что казаки, возвращавшиеся назад в конце июля, никак не могли поставить свой крест на ещё залитом левом берегу рек Камчатки и Белой, даже если в 1697 г. подъём воды и не превышал двух метров.

Ну и, наконец, в-третьих, Г. А. Леонтьева (1997), упоминая о месте установки креста, подчеркнула, что С. П. Крашенинников от замёрзшей реки поднялся к кресту для того, чтобы более внимательно рассмотреть его и скопировать находящуюся на нём надпись. Тогда как к расположенному на низком левом берегу рек Белой и Камчатки кресту необходимости подниматься не было, ибо его современная копия стоит всего лишь на высоте один метр над меженным уровнем реки Камчатки. Единственным же возвышенным над рекой местом в этом районе является правый берег реки Камчатки с расположенным на нём неким археологическим объектом.

Проведённый ландшафтно-ситуационный анализ позволяет говорить о том, что подлинный атласовский крест не мог стоять на самой кромке низменного левого берега устья реки Белой. Скорее всего, он был поставлен казаками ниже по течению реки Камчатки на том её крутом правом берегу, где располагается оный археологический объект. А потому, добавлю, лично я ничуть бы не удивился, если бы вдруг обнаружилось, что этот объект каким-то образом связан с людьми из отряда В. Атласова.

Источники

Быкасов В. Е., Каразия Н. Ф. Ледники вулкана Чашаконджа // Гляциологические исследования. — М.: Наука, 1976. № 25. — С. 51—54.

Быкасов В. Е. Каким маршрутом шли первопроходцы? // Камчатский Ермак / Авт.-сост. М. Я. Жилин. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 95—123.

Зуев А. С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. — 2002.

Камчатка. XVII—XX вв. Историко-географический атлас. — М.: Роскартография, 1997. — 112 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.—Л.: Главсевморпуть, 1949.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I. СПб.: Наука — Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. — 438 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2018. — 922 с.

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец Земли Камчатки. — М.: РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. — 192 с.

Оглоблин И. И. К биографии Владимира Атласова. ЧОИДР. Кн. 1.

Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки: Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский: «Камчатский печатный двор», 1997. — 204 с.

Первая «скаска» Владимира Атласова 1700 года // Колумбы земли Русской / Сост. К. В. Цеханская. — Хабаровск, 1989. — С. 69—76.

С. В. Гаврилов

О чём поведали старые архивные папки

Этот очерк основан на документах, составляющих два дела, недавно поступивших в наш музей из Петропавловск-Камчатского городского военного комиссариата (ПГВК), списанных по истечении положенного срока хранения. Оба называются «Извещения на военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны». На обложках значится: «Хранить 75 лет до 2021 г., ст. 1294, пр. 0215-75». Рассекречены эти бумаги были ещё в 1981 г. Их, в частности, использовали для составления «Книги памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны», последнее издание которой вышло в 2008 г. Дела в музей передал бывший сотрудник военкомата, понимавший их исключительную ценность в части сохранения правдивой истории войны, хотя формально они подлежали уничтожению.

Основное содержание дел — так называемые «похоронки», то есть извещения о гибели военнослужащих на поле боя, смерти от ранений в госпиталях, пропаже без вести, кончине от заболеваний и несчастных случаев. Кроме них имеются сопутствующие документы, касающиеся розыска военнослужащих, назначения пенсий и пособий членам семей павших воинов, переписка военкомата с вышестоящими инстанциями. Всё это позволяет полнее представить, как жили в то уже далёкое время наша страна, полуостров

и люди, принявшие на себя и с честью выдержавшие доселе невиданный по мощи удар враждебных сил. Речь тогда, кстати, как и сейчас, шла не просто о победе в войне, но о самом существовании нашего народа.

Как обозначено на обложках, документы покрывают время с 7 июля 1943 г. по 7 декабря 1945 г. Но запечатлённые на пожелтевших страницах события, а значит и судьбы связанных с ними людей, выбиваются за эти хронологические рамки. Самые ранние события относятся ещё к довоенному 1938 г. и касаются родившегося в знаковом для Страны Советов 1917 г. красноармейца И. А. Почуева и его родителей, живших в Петропавловске на улице Беринга.

И. А. Почуев был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) в октябре 1938 г. Сталиногорским городским военкоматом (ГВК) и 8 октября зачислен в войсковую часть 8966, располагавшуюся в Киевской области в местечке Борисполь. Участвовал в советско-финляндской войне или, как её называли в те годы, «войне с белофиннами», был ранен и 9 апреля 1940 г. «откомандирован в госпиталь на лечение».

Ещё до этого события родители потеряли с ним связь. Последнее письмо от сына они получили в конце 1939 г. Их самостоятельные поиски, судя по всему, ни к чему не привели. 25 марта 1940 г. на просьбы стариков откликнулся Сталиногорский ГВК, где некогда призывался их сын, так ничего о нём и не сообщивший. Зато из присланной им бумаги следовало, что «для выяснения судьбы вашего сына необходимо прислать... 1. Справку домового комитета, подтверждающую ваше родственное отношение и возраст. 2. Справку райвоенкомата о неполучении вами от войсковой части каких-либо документов о судьбе сына. 3. Всю переписку и документы, связанные с розысками вами сына, а также последние его письма (одно или два). Все эти документы срочно шлите... для решения вопроса о судьбе вашего сына...»

В 1940 г. ПГВК отправил запрос об И. А. Почуеве «по инстанции» в Главное управление формирования и укомплектования войск (ГУФУВ) Красной Армии Наркомата обороны (НКО) СССР в Москву, но ответ не пришёл.

В апреле 1941 г. отец, А. И. Почуев, обратился к военному прокурору войск НКВД Камчатской области «с устным заявлением», прося помочь ему в розыске сына. Сам он и мама красноармейца были нетрудоспособны (1880 и 1879 г. р. соответственно) и никакой помощи не получали. В адрес прокурора Киевского военного

округа отправлено заявление прокуратуры, что на неоднократные запросы родителей непосредственно в войсковую часть ответов не приходило. «Поэтому прошу принять меры к установлению места нахождения красноармейца Почуева. Ответ прошу сообщить непосредственно заявителю, копию в военную прокуратуру. Ответ прошу не задерживать».

Был ли он, мы не знаем. Вскоре началась война пострашнее «белофинской», видимо, поэтому и розыски красноармейца Почуева оказались безуспешными. Его судьба была неведома и в январе 1943 г., хотя вопрос о пособии родителям решался. ПГВК сообщал в Хабаровск начальнику финансового отдела Дальневосточного фронта: «Документы на предмет назначения пенсии представляю на ваше рассмотрение», поясняя, что «родители Почуева преклонного возраста, к труду неспособны, другой помощи нет, так как второй сын, 1922 г. р., находится в РККА. В пособии горсобесом матери отказано. Отец получает пенсию, инвалид 3-й группы». Затем последовало обращение в Центральное бюро по персональному учёту потерь личного состава действующей армии ГУФУВ.

Наконец 15 мая 1943 г. бюро ответило: И. А. Почуев по спискам погибших в боях с белофиннами в 1939—1940 гг. не значится. Предложено проверить на месте, действительно ли призвался в РККА и участвовал в боях. «Если будет установлено, что Почуев после войны с белофиннами не вернулся ни к месту жительства семьи, ни к месту призыва и никто из родственников не получал удостоверения о его гибели на фронте, учтите... пропавшим без вести в боях с белофиннами в 1939—1940 гг., выдайте удостоверение на предмет возбуждения ходатайства о пенсии и пособия семье, а в Центральное бюро вышлите о Почуеве И. А. сведения по форме № 2 приказа НКО СССР за № 138-41 г.» [2. Л. 26—31].

Чем точно завершилась эта скорбная история, мы не знаем...

Перед нами самое раннее сохранившееся извещение о смерти военнослужащего в ходе Великой Отечественной войны. В феврале 1942 г. 160-й корпусной госпиталь сообщил, что уроженец Петропавловска Иван Савельевич Бочкарёв скончался от ран. «Похоронен на кладбище деревни Мер...ино (не читается. — *С. Г.*) Новгородского района Ленинградской области» [2. Л. 298].

Это извещение исконное, то есть составленное на месте события. Есть «похоронки» и с более ранними датами смерти, гибели или пропажи без вести, но они выписаны в Москве и значительно позже случившегося. Этим занималось управление НКО СССР, на протяжении 1944—1945 гг. в разных документах именовавшееся:

— Управление по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава;

— то же, но с добавлением — «и пенсионного обеспечения их семей»;

— Управление по персональному учёту потерь сержантского и рядового состава действующей армии;

— то же с продолжением — «и пенсионного обеспечения их семей».

(Далее будем использовать для его обозначения общую аббревиатуру «УУПП».)

Самый первый наш земляк погиб (точнее, пропал без вести) на второй день войны. Но только 27 августа 1945 г. УУПП сообщило его маме — Раисе Митрофановне Прусаковой, жившей в Петропавловске на улице Красинцев, 19б, что командир отделения, сержант Евгений Петрович Прусаков, родившийся в 1916 г. в городе Боброве Воронежской области, пропал без вести ещё 23 июня 1941 г. [1. Л. 282].

Как видно, прояснить судьбу воинов родные иной раз могли лишь с большим опозданием, в этом случае — через четыре года с лишком.

Вот ещё одна из самых ранних «похоронок», к тому же выписанных на самого старшего по воинскому званию нашего земляка. Приведём её содержание полностью:

«НКО СССР. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии. Центральное бюро по персональному учёту личного состава действующей армии, 5 ноября 1942 г.

Петропавловскому ГВК. Известите Чеботину Надежду Степановну, проживающую в г. Петропавловск-Камчатский (управление Акционерного Камчатского общества), что её муж, начальник политотдела бригады, батальонный комиссар Чеботин Александр Яковлевич в бою за социалистическую Родину погиб 18 июня 1942 г.».

Звание батальонного комиссара в военной иерархии до 1943 г. соответствовало майорскому.

В графе «Похоронен» стоит прочерк. На этом бланке пока ещё отсутствует типографская строчка «...верный воинской присяге, проявив геройство и мужество...» Она появилась после изменения формы извещений (форма № 4), что случилось не раньше сентября 1942 г. [2. Л. 9].

Незадолго до начала Великой Отечественной войны было введено в действие «Положение о персональном учёте потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное

время». Его НКО СССР утвердил приказом № 138 от 15 марта 1941 г. Каждый командир, начиная с отделенного, должен был точно учитывать своих бойцов. 2 апреля 1943 г. утверждено «Наставление по учёту личного состава Красной Армии (в военное время)». Оно предусматривало учёт не только убитых в боях, умерших и пропавших без вести воинов (так называемые «безвозвратные потери»), но и сдавшихся в плен, расстрелянных на поле боя или по приговорам военных трибуналов, самоубийц и погибших при чрезвычайных происшествиях.

«Похоронки», отправлявшиеся в военкоматы с мест событий, то есть из районов боевых действий или госпиталей, имели разные формы. Самой распространённой являлась форма № 4. На бумаге размером примерно в половину ныне всем привычного листа формата А4 в левом верхнем углу располагалось место для штампа воинской части, даты заполнения и регистрационного номера. Затем шёл текст [1. Л. 2]:

«Извещение. Ваш (муж, отец, сын, брат, должность, наименование части, воинское звание, фамилия, имя, отчество), уроженец (село, деревня, район, город, область) в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит (время гибели). Похоронен (точный адрес места погребения).

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № __).

Командир части
Начальник штаба
Военный комиссар».

На оборотной стороне листа в его нижней половине типографским способом оттиснуто место для почтового адреса (куда, кому, от кого). На «похоронках», поступавших из частей или госпиталей, вписаны адреса родственников погибшего воина. Но при этом на всех стоит входящий номер военкомата. Видимо, существовал порядок обязательной регистрации подобных отправлений, сначала поступавших с почты в военкомат, а уже потом доставлявшихся родственникам. Делалось это, как представляется, для более точного учёта сведений о погибших. Многие извещения вообще не имеют специально обозначенного места для адреса, но на тех, которые высылало УУПП, прямо указано: «Петропавловск-Камчатскому горвоенкому».

Вот пример заполнения «похоронки». В апреле 1945 г. 1283-й стрелковый полк 160-й стрелковой дивизии сообщил ПГВК [1. Л. 34]:

«Извещение. Ваш муж, наводчик 2-й миномётной роты, красноармеец Фомин Василий Макарович, уроженец Саратовской области, Романовского района, деревни Осиновка, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 1 апреля 1945 г. Похоронен: кладбище № 7, северная окраина г. Вестерплатте, пригорода Данцига, Польша.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № __).

Командир части майор *Бабин*

Начальник штаба майор *Кочнов*».

23 марта 1945 г. командование 5-го отдельного стрелкового батальона (командир капитан Песоцкий, начальник штаба старший лейтенант Дайн) поставило ПГВК в известность о смерти рядового Анатолия Григорьевича Сидорова. Он «заболел и умер 28 февраля 1945 г. Похоронен с отданием воинских почестей на городском кладбище г. Петропавловск-на-Камчатке». Известие об этом следовало передать в Жупановский рыбокомбинат АКО отцу покойного Григорию Васильевичу Сидорову. Что и было сделано, как следует из надписи на обороте, «через сельсовет Жупаново 18.04.45 г.» [1. Л. 17].

«Похоронка», выписанная 3-м отделом УУПП 28 марта 1945 г. [1. Л. 3]:

«Петропавловскому городскому военному комиссару. Известите гр. Канциберова Константина Антоновича, проживающего в г. Петропавловске, Камчатский совхоз им. Сталина, Дальняя база, что его сын, красноармеец Канциберов Фёдор Константинович, уроженец Челябинской области, Лопатинского района, 1913 г., в бою за социалистическую Родину погиб 20 ноября 1943 г. Похоронен д. Кондино Дубенского района Витебской области.

Начальник управления (*подпись*)».

На обороте расписка: «Копию получил отец 14.05.45» и неровная подпись: «*Канциберов*».

Извещение о гибели мог выписать сам военкомат на основе полученных им из УУПП сведений, например: «Ваш муж красноармеец-стрелок Смирнов Фёдор Петрович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 24 ноября 1944 г. Похоронен: Латвийская ССР, Эзерский уезд, восточный хутор Колниски, 200 м, на братском кладбище. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 220-1941 г.)» [1. Л. 1].

Эта бумага составлена в апреле 1945 г. На ней отсутствуют подписи командира части и начальника штаба, она заверена только городским военкомом и военкоматовской печатью.

В районы Камчатской области «похоронки» из Петропавловска отправлялись с сопроводительными документами, вроде такого [1. Л. 4]:

«Секретно. Экземпляр № 2. Мильковскому райвоенкому, село Мильково. 18.1.45.

Направляю вам извещение на рядового Заочного Павла Александровича для вручения его матери Заочной Марии Спиридоновне, проживающей: Мильковский район, село Шаромы. Приложение: извещение на одном листе (приписка: «Только адресату». — *С. Г.*).

Петропавловский н/К горвоенком капитан *Коржаков*.

Начальник 2-й части ГВК ст. лейтенант *Бабенко*».

(В «Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны» указано: Заочный Павел Александрович, рядовой, 1922 г. р. Погиб 19.11.42 г. в Варшавском воеводстве [3. С. 48].)

«Похоронка» формы 4а сообщала о пропаже воина без вести. В ней отсутствовало упоминание, что «настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии» [1. Л. 15]:

«НКО Союза ССР. Управление по персональному учёту потерь сержантского и рядового состава действующей армии и пенсионному обеспечению их семей.

Известите гр. (фамилия, имя, отчество), проживающего __, что (сын, муж, брат, должность, военное звание, фамилия, имя и отчество), уроженец __, __ года рождения, находясь на фронте, пропал без вести __ __ (дата)».

8 сентября 1944 г. УУПП сообщало Петропавловскому ГВК: «Известите гр. Свиридова Е. Ф., проживающего по адресу: АКО-база, пароход “Якут”, что его сын, красноармеец Свиридов Сергей Евгеньевич, уроженец Приморский край, с. Руновка, 1921 г. р., находясь на фронте, пропал без вести в сентябре 1942 г.».

Документ получен в Петропавловске 25 октября 1944 г., в этот же день на нём наложена резолюция: «Нач-2 (то есть начальнику 2-го отделения. — *С. Г.*). Выписать извещение» [1. Л. 15—16].

Это же сделано и в отношении красноармейца Кузьмы Андреевича Плотникова, уроженца Челябинской области, 1924 г. р., пропавшего на фронте без вести 24 мая 1943 г. Его семья, в частности А. Д. Плотникова, видимо, жена, жила в доме на улице Ключевской, 43а. Извещение 22 апреля 1945 г. получил отец бойца А. Плотников.

«Книга памяти...» сообщает нам, что оба воина не пропали без вести, а погибли [3. С. 91, 82—83].

Извещение формы № 5/БП (записывалась и как № 5БП) мало отличалось от формы 4, но в нём тоже отсутствовало упоминание, что оно «является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

«Похоронку» формы № 6 можно условно назвать «партизанской». Вот её пример [1. Л. 57]:

«НКО СССР. Украинский штаб партизанского движения. 3 апреля 1945 г. № 3614.

Гр. Зюков Иосиф Арк., Камчатка, Петропавловский р-н, Индустриальный посёлок.

Извещение. Ваш сын Зюков Пётр Иосифович, боец-партизан, 1921 г. рождения, участник Великой Отечественной войны против немецко-фашистских оккупантов, ранее работавший __ в должности __ с окладом __ в месяц, в бою за социалистическую Родину против немецких захватчиков 4 сентября 1943 г. убит. Похоронен: Волынская область, Вловнянский район, д. Скрипица. Настоящее извещение является основанием для возбуждения ходатайства о назначении пенсии».

Извещение формы № 8/БЛ выписывалось на военнослужащих, скончавшихся от различных заболеваний [1. Л. 14]:

«Секретно (после заполнения). Экз. № __.

__ районному (городскому) военному комиссару __ области (края). Гор. __. Извещение № __.

Прошу известить гр. (фамилия, имя отчество жены, отца, матери, брата), проживающих (точный адрес семьи умершего), о том, что её (его) (муж, сын, брат, отец, должность, звание), находясь на фронте, заболел и умер (число, месяц, год).

Похоронен с отдачей воинских почестей (точный адрес и место погребения).

Начальник госпиталя (подпись)
Зав. делопроизводством (подпись)».

«Похоронки» составлялись не только на специальных типографских бланках, но изготавливались в полевых условиях на печатных машинках или даже писались вручную. Так, командир 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии подполковник Алёхин в октябре 1944 г. подписал заполненный машинописью лист пергаментной бумаги:

«Прошу известить Рогова Анисима Малаховича, проживающего в г. Петропавловске н/Камчатке, ул. Ленинская, д. № 86, о том,

что его сын, командир миномётного взвода лейтенант Рогов Прокофий Анисимович, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 19 октября 1944 г. и похоронен с отданием воинских почестей в Закарпатской Украине, село Вышка, 400 мтр от шоссейной дороги на село Люта, могила № 5» [1. Л. 8].

Рукописное извещение флотской войсковой части полевая почта 30877 от 25 мая 1943 г. [2. Л. 146]:

«Ваш сын, краснофлотец Ярамов Иван Петрович, уроженец Куйбышевской области, Астрадамского района, деревни Перетяжкино, верный воинской присяге, после заболевания крупозным воспалением лёгких умер 12 апреля 1943 г. Похоронен в Каспийском море со всеми морскими почестями».

Приписка: «Копия извещения получена матерью Ярамовой Ан. Гав. 22.03.44. СРВ. Индустриальная, 65».

В «Книге памяти...» запись об И. П. Ярамове отсутствует. Видимо, он призывался в другой области.

Иногда рукописные извещения составлялись неправильно, то есть не по установленной форме. Такое о гибели бойца, уроженца Петропавловска, ПГВК получил от 3-го стрелкового батальона 152-й стрелковой бригады. 11 июня 1943 г. военкомат отправил его в Центральное бюро по персональному учёту потерь личного состава действующей армии, указав, что документ «оформлен неправильно, не по приказу НКО № 138 от 1941 г. и не указано... убит или ранен и умер от ран... Неправильность извещения задерживает оформление родителей красноармейца Мищенко для получения пенсии».

11 августа 1943 г. из Москвы сообщили, что «связист, красноармеец Мищенко Михаил Алексеевич, 1917 г. р., уроженец г. Петропавловска-на-Камчатке, в бою за социалистическую Родину погиб 20 ноября 1942 г. Семье погибшего красноармейца Мищенко М. А. выдайте извещение, установленное приказом НКО СССР № 138-1941 г.» [2. Л. 46—47].

Иногда «похоронки» из-за отсутствия под руками бланка или чистого листа писчей бумаги составлялись на обороте других, случайно подвернувшихся документов. Зато благодаря этому мы теперь имеем возможность ознакомиться и с ними, например, с ещё довоенной повесткой о призыве на воинские сборы [1. Л. 4об.]:

«НКО СССР. Военный комиссариат по __ части

“__” __ 194__ г. № __

Повестка военнообязанному тов. __. Место работы __. Домашний адрес __.

На основании ст. ст. 33 и 36 закона “О всеобщей воинской обязанности” Вы призываетесь на учебные сборы сроком на “__” дней. Приказываю к “__” часам “__” __ 194_ г. явиться в помещение __ по улице __ дом № __. При явке иметь: военный билет, паспорт, для членов и кандидатов ВКП(б) и членов ВЛКСМ соответствующие документы, ложку, кружку, полотенце. Перед явкой вымыться в бане и надеть чистое бельё. По месту работы сдать дела и произвести установленный расчёт. За несвоевременную явку или уклонение будете привлечены к уголовной ответственности по статье 193-10, п. “б” УК РСФСР.

Военный комиссар.
Начальник “__” части

Повестку получил __ час. __ мин. Фамилия __.
“__” 194_ г. Роспись __».

18 апреля управление 350-го гвардейского стрелкового полка сообщило Семёну Романовичу Ланину, жившему в Петропавловске по адресу «контора АКО», о том, что его сын, старшина батареи гвардии старший сержант Ланин Дмитрий *Степанович* (так в документе), погиб 31 марта 1945 г. и похоронен в австрийском селе Пейшет [1. Л. 58—58об.]. Эта «похоронка» написана карандашом, красивым твёрдым почерком, на обороте какого-то счёта или фактуры, напечатанного на венгерском языке в Будапеште ещё в довоенном 1939 г. На трофее, так сказать.

«Книга памяти...» (с. 64) даёт такие сведения: Ланин Дмитрий *Семёнович*, гв. ст. сержант, 1923 г. рождения. Призван Петропавловским ГВК, 69 гв. ПДП. Погиб 28.03.45 г. Захоронен: г. Пейшет, Австрия». Здесь исправлено отчество павшего воина, но искажены название части и статус населённого пункта — места захоронения, а также дата гибели.

Сопровождавшие «похоронки» документы для назначения пенсий и пособий членам семей защитников Родины, с которыми работал ПГВК, позволяют получить дополнительные сведения о жизни военнослужащих и членов их семей той поры.

6 декабря 1941 г. отдел кадров Дальневосточного фронта сообщил ПГВК: «Жене погибшего в боях 5.8.41 г. против немецко-фашистских войск командира взвода 935-го стрелкового полка лейтенанта Кендель Е. В. — гражданке Кендель, проживающей в г. Петропавловске-на-Камчатке, 273-й артполк, выплату денежного содержания немедленно прекратите. Для рассмотрения вопроса о назначении ей пенсии или выдаче единовременного пособия срочно представьте в отдел кадров Дальневосточного фронта полностью

документы согласно директиве отдела кадров фронта за № ОК/3193 от 11.12.41 г. Если погибший на своём иждивении, кроме жены и детей, имел родителей, кроме этого также высылайте полностью документы, указанные в прилагаемом перечне».

А вот и перечень на стандартном бланке с оттиском «НКО СССР. Отдел по командному и начальствующему составу»:

«Для разрешения вопроса о назначении вам пенсии по "Положению о гособеспечении начсостава РККА" за умершего сына Кендель Е. В. прошу выслать в отдел кадров, 5-я полевая почта, военного округа (г. Хабаровск):

1) какие-либо документальные данные о том, что вы постоянно получали от него материальную помощь (талоны почтовых переводов, письма и пр.), о размере этой помощи и о том, что эта его помощь являлась источником вашего существования (справку от сельсовета, домоуправления); если вы в последнее время проживали совместно с покойным сыном, то взамен вышеуказанных документов вышлите справку, сколько времени вы с ним совместно проживали;

2) справку о вашем семейном положении, с указанием материального положения ваших взрослых детей, если у вас таковые имеются, кроме умершего сына;

3) акт врачебно-трудовой экспертной комиссии (при местном райсобесе) с указанием группы вашей инвалидности или, если вам более 60 лет, справку о времени рождения;

4) подробную справку о вашем материальном положении, а также о размере заработка или дохода от сельского хозяйства, если у вас таковой имеется...» [1. Л. 11—12].

12 августа 1943 г. в воздушном бою в районе населённого пункта Леджи (Люджи) Харьковской области был сбит и погиб лётчик 40-го гвардейского истребительного авиаполка Виктор Владимирович Гавриков. Его мама, Мария Васильевна Зиновьева, жила в окрестностях Петропавловска, в посёлке Индустриальном на улице Сахалинской. Командование авиаполка отправило в распоряжение ПГВК личное дело лётчика «для оказания и содействия матери погибшего в получении пенсии». Благодаря этому мы теперь можем восстановить страницы его короткой биографии. В «Книге памяти...» он ошибочно записан как служивший в 40-м стрелковом полку (с. 37).

Жизнеописание В. В. Гаврикова типично для советского юноши, как говорили в то время, «воспитанника Ленинско-Сталинского комсомола», появившегося на свет в посёлке Мятлево Дзержинского

района Смоленской области 2 апреля 1923 г. Считается, что родившихся в этом году в процентном отношении на войне погибло больше всех.

Русский, социальное положение — из рабочих. Как сам записал в одной из бумаг, «до революции отец — рабочий, мать — служащая. После революции — отец — рабочий, мать — служащая». В «Анкете поступающего в аэроклуб» в графе «Какое имущественное положение родителей» отметил: «бедняцкое». Отец — Владимир Андрианович Гавриков, «не знаю, где родился... Отца нет с начала 1934 г., и рассказать ничего не могу». Мать — Мария Васильевна Зиновьева, «сейчас проживает в городе Петропавловске-на-Камчатке». Не судился, избирательных прав не лишался. Холост. Указал: «Репрессиям никто не подвергался. За границей нет никого».

В Петропавловск приехал с мамой в 1938 г., здесь в 1939 г. окончил школу-семилетку, ранее с 1932 г. учился в школах г. Алексина и родного Мятлево. Вернулся на материк, с 1939 по 1941 г. трудился шлифовщиком на Серпуховском моторном заводе. 1 октября 1940 г. вступил в профсоюз, как сам указал, «металлических изделий». Попутно учился в аэроклубе Осоавиахима, куда зачислен 27 ноября 1940 г. 15 сентября 1941 г. поступил, 5 июня 1943 г. окончил Вязниковскую военную авиационную школу пилотов, в ней в 1942 г. вступил в комсомол.

28 июня 1943 г. ему выписан «Листок оценок по выпускным испытаниям окончившего военную авиационную школу Военно-Воздушных Сил Красной Армии». В нём 18 дисциплин, оценки только хорошие и отличные, в том числе по воздушной стрельбе, теории полёта, технике пилотирования.

За время учёбы получил две благодарности командования училища: за отличное содержание оружия (21 января 1942 г.) и материальной части (23 сентября 1942 г.). Правда, 24 февраля 1942 г. заработал два наряда на службу вне очереди от старшины отряда старшего сержанта Грицая за «нарушение порядка в столовой и пререкание с младшим командиром».

В «Выпускной аттестации» записано: «Предан делу партии Ленина — Сталина и социалистической родине. Политически и морально устойчив. Общее и политическое развитие хорошее. Марксистско-ленинская подготовка хорошая. Принимает активное участие в общественной жизни и жизни комсомольской организации. Среди товарищей пользуется деловым авторитетом, помогает товарищам овладевать марксистско-ленинской подготовкой.

Дисциплинирован, но иногда проглядывает в лётной работе нерешительность и безынициативность. Личная лётная подготовка хорошая. Летает на У-2, Ут-2, Ути-4, Ил-16, Ла-5, мотор М-82. Летает хорошо, но требует за собой наблюдения и своевременных замечаний для исправления допущенных ошибок в технике пилотирования. При перерыве свыше пяти дней нуждается в контрольных полётах. Летать на самолёте Ла-5 может хорошо при тщательном контроле со стороны командира. Хорошо работает над собой и быстро повышает свои знания. Может быть использован лётчиком в истребительной авиации ВВС Красной Армии...»

Заключение аттестационной комиссии: «Выпустить военным пилотом. Достоин присвоения звания "младший лейтенант"». Это первое офицерское звание он и получил 28 июня 1943 г., за полтора месяца до гибели.

С 7 июня по 28 июля 1943 г. — лётчик резерва 1-го запасного истребительного авиаполка. Со 2 августа 1943 г. — на Воронежском фронте в составе 40-го гвардейского истребительного авиаполка 8-й гвардейской истребительной авиадивизии. Получается, что провоевал всего десять дней... [2. Л. 92—106].

О месячном денежном содержании офицера можно узнать из справки, приложенной к «похоронке» на лейтенанта Петра Лукича Киселёва, служившего в 428-м гаубичном артполку Резерва Главного Командования, погибшего 18 августа 1945 г. в ходе Курильского десанта и погребённого на острове Шумшу. Его жена жила в Петропавловском районе, в бывшем военном городке, трудилась в леспромхозе.

Лейтенант получал: штатный должностной оклад (675 руб.), процентную надбавку за службу в Дальневосточном крае, надбавку за выслугу лет на командной должности (33 руб. 75 коп.), территориальную надбавку (121 руб.), полевые деньги (168 руб. 75 коп.). Всего 1 059 руб. 50 коп. Денежным содержанием он был «удовлетворён» по 1 сентября 1945 г. Срок выслуги в Красной Армии — три года [2. Л. 246—247].

Вести о смерти воинов иногда доходили до родных, что называется, «окольными путями». 13 июля 1943 г. полевое отделение № 168 Государственного банка СССР известило через ПГВК родителей танкиста младшего сержанта Я. В. Данилова о том, что он «состоял лишь в нашем полевом отделении» и сведениями о его гибели оно не располагает. Просили обратиться к командованию части, в которой служил Данилов. А поводом к такому обращению стало письмо сослуживца, сообщившего, что танкист был убит

12 июня 1942 г. [2. Л. 40—41]. Скорее всего, последней «ниточкой», связывавшей родителей с сыном, был какой-то его денежный документ, выписанный упомянутым полевым отделением Госбанка.

Пенсии и пособии семьям воевавших не только давали, но и отбирали. В апреле 1943 г. войсковая часть полевая почта 32129 извещала ПГВК: «Довожу до вашего сведения, что красноармеец Маркин Дмитрий Фёдорович, призванный вашим РВК для прохождения службы в Красной Армии, был зачислен в войсковую часть полевая почта 32129, откуда дезертировал 4 апреля 1943 г. На основании закона военного времени к семье красноармейца Маркина Д. Ф. ...прошу принять репрессивные меры, как к семье дезертира. О принятых мерах прошу сообщить...»

Этот документ попал на наш полуостров случайно, о чём имеется соответствующая отметка: «Родственники на Камчатке не проживают» [2. Л. 15].

15 сентября 1944 г. военный трибунал 47-й гвардейской стрелковой дивизии сообщил, что бывший рядовой В., 1923 г. р., уроженец Петропавловска, до войны живший на улице Партизанской, 6, призванный в армию ПГВК, «на основании приговора 7 сентября 1944 г. осуждён, а поэтому члены его семьи (мать. — *С. Г.*)... лишаются военных льгот и преимуществ, установленных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26.6.1941 г. Председатель военного трибунала 47 ГСКБХНД (гвардейской стрелковой Краснознамённой ордена Богдан Хмельницкого Нижнеднепровской дивизии. — *С. Г.*) гвардии майор юстиции *Поздеев*» [2. Л. 379].

Как уже указано, извещения о гибели родных могли вручаться адресатам с большим опозданием. Так, 25 октября 1945 г. УУПП сообщило Анне Егоровне Андрохиновой, жившей в Сероглазке на улице Заводской, 3а, что её муж, красноармеец Сергей Денисович Гранкин, 1908 г. р., уроженец Воронежской области, села Борки, «находясь на фронте, пропал без вести в сентябре 1941 г.». В «Книге памяти...» упомянуто, что он «погиб 09.41 г.».

30 января 1945 г. УУПП известило Пелагею Дмитриевну Ионову о гибели 13 июня 1942 г. её мужа — красноармейца Михаила Дмитриевича Ионова, 1906 г. р. Место погребения не указано. Копию извещения жена получила 23 апреля 1945 г. [1, Л. 52, 64].

Отец погибшего в Венгрии 27 января 1945 г. сержанта Владимира Петровича Попова расписался за «похоронку» 31 мая 1945 г.; сотрудница горкома ВКП(б) Пелагея Васильевна Комлева, жившая на улице Ларинской, 2, муж которой, красноармеец Иван Кузьмич

Комлев, пал на поле боя 4 августа 1944 г., узнала об этом более года спустя — лишь 23 августа 1945 г. [1. Л. 22, 24].

8 мая 1945 г. пришло извещение в адрес Михаила Фёдоровича Парамонова, жившего в посёлке Индустриальном, на улице Зелёная роща, строение 21, комната 10. Сообщалось, что его сын, младший сержант Иван Михайлович Парамонов, уроженец села Мерлинка Пензенской области, 1921 г., погиб 15 декабря 1942 г. и погребён в деревне Малая Степановка Ленинградской области. В «Книге памяти...» место его захоронения почему-то обозначено как «д. Новая Деревня Парфинского р-на Новгородской области» [3. С. 81].

6 сентября 1945 г. пришло извещение на погибшего в Сталинграде ещё 27 октября 1942 г. в самый разгар боёв командира отделения сержанта Григория Алексеевича Гончарова. Он служил в 203-м гвардейском Краснознамённом стрелковом полку, был похоронен в Сталинграде в районе знаменитого первенца советской промышленности — тракторного завода [1. Л. 72, 256].

По мере приближения окончания войны сроки вручения «похоронок», как правило, сокращались.

Извещение от 17 января 1945 г. на имя Анастасии Георгиевны Думенко о гибели 15 января 1945 г. в Польше её сына, комсорга стрелкового батальона 303-го стрелкового полка младшего лейтенанта Евгения Артемьевича Думенко на обороте содержит отметку: «Копию извещения получил отец *Думенко* 31.05.45» [1. Л. 26—26об.].

О гибели мужа, красноармейца, наводчика миномётной роты 1293-го Брестского Краснознамённого стрелкового полка 160-й Брестской Краснознамённой стрелковой дивизии Василия Макаровича Фомина, случившейся 1 апреля 1945 г. в Польше, его жена Александра Фёдоровна Перепелицына узнала ровно через два месяца — 1 июня 1945 г. Об этом свидетельствует её подпись на оборотной стороне «похоронки». Адрес вдовы героя — Петропавловск, улица Вилюйская, дом № 69.

В самом конце войны, 2 мая 1945 г. в Германии погиб старший сержант Григорий Кузьмич Чудаев. Его похоронили на южной окраине деревни Кёнигсберг Бранденбургской заставы. Отец, Кузьма Иванович Чудаев, жил в Петропавловске на улице Микояновской, в доме № 27. Сообщение о гибели сына ему вручили 29 июня 1945 г. [1. Л. 58].

Время от времени сотрудники военкомата передавали родным погибших не только «похоронки», но и личные вещи, пересланные

с последних мест службы. В мае 1944 г. 297-й стрелковый полк препроводил ПГВК:

— орден Отечественной войны 1-й степени № 587 и временное удостоверение к нему № 1146736;

— справки о ранении от 18.03.43. и для получения льгот от 20.05.44 за № 0303;

— удостоверение личности № 26 от 26.0643 и от 28.08.43, а также права шофёра 3-го класса;

— шесть листов писем от родных и десять фотокарточек.

«Прошу вручить жене лейтенанта Ломанович Петра Игнатьевича, погибшего в боях за Родину 1.2.44, Ломанович Екатерине Лукиничне, работающей старшим бухгалтером в Радиосвязи АКО, г. Петропавловск-на-Камчатке, проживающей там же по улице Микояновской, дом 46, и сообщить обратной почтой дату вручения». Подписал бумагу помощник начальника штаба по учёту капитан Столяров. Жена героя получила вещи мужа 24 июня 1944 г. [2. Л. 247—248].

В этот же день ПГВК отправил областному военкому документы на право получения правительственных наград (орденов и медалей) на лиц, погибших на фронтах Отечественной войны:

— временное удостоверение А № 700769 от 25 февраля 1944 г., выписанное ефрейтору Виктору Фёдоровичу Фомину, о награждении орденом Красной Звезды № 432281;

— удостоверение № 085 от 1 мая 1944 г., выданное штабом 328-го отдельного инженерного батальона Григорию Николаевичу Кондрашкину о награждении орденом Славы 3-й степени;

— справку № 0426 от 5 апреля 1944 г., выданную управлением 26-й гвардейской танковой бригады гвардии красноармейцу Фёдору Максимовичу Кравцову о награждении медалью «За оборону Сталинграда» [2. Л. 250].

22 февраля 1945 г. командир 6-й отдельной армейской штрафной роты старший лейтенант Зубов направил ПГВК расчётную книжку серии ФВ 434060 убитого старшего лейтенанта Ивана Ивановича Подрезова. «Зарплатой по февраль месяц 1945 г. не удовлетворён». Высылалась и его сберегательная книжка № 6843690 с вкладом в 12 787 руб. 70 коп.

Иван Иванович Подрезов, погибший 18 февраля 1945 г., был похоронен в Восточной Пруссии в районе города Лансберга. Его жена — Марина Васильевна Подрезова, жившая в Петропавловске на улице Вилюйской в доме № 99, получила обе книжки 1 июня 1945 г. [1. Л. 37—37].

13 июня 1945 г. командование 1028-го стрелкового полка выслало в Петропавловск удостоверение о награждении медалью «За отвагу» красноармейца Николая Фёдоровича Багина, «погибшего в боях с немецкими захватчиками». Командование полка просило вручить удостоверение его жене Вере Ивановне Багиной, жившей на улице Вилюйской в доме № 35. Удостоверение № 10128 она получила в военкомате 26 июля 1945 г.

Николай Фёдорович Багин, 1906 г. р., погибший 29 марта 1944 г., был погребён в Волынской области на Украине [1. Л. 84].

ПГВК время от времени отчитывался перед вышестоящими «инстанциями» о текущем количестве обработанных извещений, для чего использовалась типовая форма № 13БВ «Донесение о поступлении и вручении семьям погибшего сержантского и рядового состава и назначении им пенсий». Для УУПП составлялись «Списки военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны, призванных Петропавловским-на-Камчатке горвоенкоматом» с указанием, кому вручена копия извещения и датой вручения. Готовились и списки «пересланных в другие РВК или не по назначению посланных» извещений. Все эти бумаги считались секретными, о чём и напоминала соответствующая надпись в их верхнем правом углу.

Сохранились «Описи извещений военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, пересланных в Центральное бюро по персональному учёту потерь», например, от 30 июня 1944 г., включавшая 18 позиций.

В местные сельские органы власти «похоронки» пересылались в сопровождении вот таких сообщений: «Жупаново, председателю сельисполкома тов. Дорожко. При этом высылаю извещения на военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны для вручения родственникам: 1. Миронов Иван Степанович. 2. Галашин Василий Иванович. 3. Алимов Семён Иванович» [2. Л. 217].

20 декабря 1943 г. городской военком доложил областному о количестве поступивших по состоянию на 15 декабря 1943 г. извещений на погибший личный состав. Всего пришло 107, из них 50 вручено родственникам погибших, 13 переданы в другие военкоматы, 35 не вручено из-за того, что родные не найдены на территории, подведомственной ПГВК. Назначено 15 пенсий, ещё пять оформляются. Сделано два запроса в Центральное бюро по учёту потерь.

21 апреля 1944 г. городской военком направил Петропавловскому горисполкому список, включавший фамилии 33 военнослужащих, погибших на фронте, для рассмотрения вопроса о социальном обеспечении их семей [2. Л. 117, 175].

По состоянию на 1 мая 1944 г. извещений пришло уже 190: 21 на командный и 169 на рядовой и младший, то есть сержантский и старшинской состав [2. Л. 183].

30 июня 1944 г. в Центральное бюро по учёту потерь отправлены 18 извещений на погибших и пропавших без вести воинов, ранее полученные ПГВК, ввиду «непроживания на территории Петропавловского-на-Камчатке горрайона» их родственников [2. Л. 245—247].

Сведения о количестве поступивших извещений по состоянию на 1 августа 1944 г.: начальствующий состав — 28, младший начальствующий и рядовой состав — 263, всего 291. Из них 175 вручено, 20 — нет, 86 переданы в другие военкоматы. При этом в числе 263 извещений 10 учтены на лиц, «которые в настоящее время живы» [2. Л. 305].

К 10 октября 1944 г. вручено уже 353 извещения, из них 32 — на офицерский состав [2. Л. 342].

Вот «Донесение о поступлении и вручении извещений семьям погибшего сержантского и рядового состава и назначении им пенсий по Петропавловскому военкомату за период с 1 января по 1 февраля 1945 г.» [1. Л. 10]: осталось невручённых на 1-е число отчётного месяца — 19; поступило за отчётный месяц — 5; вручено семьям и переслано в другие районы — 24; невручённых извещений на 30-е число отчётного месяца нет. Назначены две пенсии, отказавшихся от пенсии нет, четверо не имеют права на получение пенсий.

21 июня 1945 г. Петропавловский горвоенком капитан Коржаков отправил в УУПП очередное донесение [1. Л. 62]: «При сем направляю извещения на погибших на фронте Отечественной войны, засланные в Петропавловский н/К горвоенкомат для вручения родственникам. Мною проверено и установлено, что родственники, указанные в извещениях на погибших, в Петропавловске н/К не проживают:

1. Извещение на Штапуро Павла Николаевича.

2. Извещение на Забалотникова (в «Книге памяти…» отмечен как Заболотников) Степана Фёдоровича.

3. Извещение на Дерябина Фёдора Дмитриевича.

4. Извещение на Челокова Семёна Ивановича.

5. Извещение на Граблевского Ивана Яковлевича.

6. Извещение на Ахметджанова Хайлина (в «Книге памяти...» значится как Ахметжанов Кайклин).

7. Извещение на Потопеня Андрея Павловича».

А в октябре 1945 г. преобладающее количество скорбных бумаг касалось уже воинов, погибших в ходе скоротечной советско-японской войны. Одна из них: «Направляю извещения на погибших на фронте с японским агрессором для вручения семьям». Перечислено 105 чел. участников Курильского десанта. Извещения адресованы областному военному комиссару (13 чел.); в Удмуртскую АССР, Коми АССР, Крымскую АССР, Винницкую область, Новосибирскую область (5 чел.); в города Сталинск, Тобольск, Омск, Могилёв, Воронеж, Магнитогорск, Челябинск, Минск, Саратов, Знаменск, Чернигов, Томск, Киров (4 чел.), Пензу (5 чел.), Молотов (3 чел.), Хабаровск (3 чел.), Красноярск и Краснодар (по 2 чел.), Свердловск (5 чел.), Сталинград (4 чел.); в Узбекскую ССР, Алтайский край, Калининскую область и Башкирскую АССР (8 чел.) [Л. 99—133].

28 декабря 1945 г. подготовлены к рассылке извещения ПГВК для районных военкоматов области на Иннокентия Порфировича Языкова (Мильково) и Якова Филипповича Новгородцева (Усть-Большерецк). Для «материковских» военкоматов выписаны бумаги на Кузьму Егоровича Батеева (Барнаул); старшего сержанта Ивана Сергеевича Кошубу (Николаевск-на-Амуре); Ивана Егоровича Репина и Михаила Степановича Севастьянова (Тамбов); Андрея Наумовича Бабенко (Ворошилов-Уссурийский); техника-лейтенанта Игоря Михайловича Елагина (Москва); старшего лейтенанта Степана Аверьяновича Савушкина (Запорожье, УССР) и красноармейца Михаила Никифоровича Попова (Благовещенск) [1. Л. 332—340].

Нередко в извещения вкрадывались ошибки, в том числе в написании имён. 7 февраля 1945 г. полевая почта 01249 Наркомата внутренних дел СССР сообщила Агриппине Николаевне Корякиной, жившей в Петропавловске на улице Ленинской, 70а, что её сын Валерий Петрович Корякин убит 18 января 1945 г. при исполнении служебных обязанностей. Его похоронили на станции Киверцы в Ровенской области на Украине. Копия извещения вручена матери 1 июня 1945 г. На его обороте имеется её подпись и приписка работника военкомата: «Исправлено отчество на “Николаевич” на основании трудовой книжки и слов матери» [1. Л. 34, 35—35об.].

(Украина к этому времени уже была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Вероятно, ефрейтор погиб в ходе спецоперации против их местных пособников. Вот она, перекличка времён!)

Случались неточности и в адресах. Так, 1 июня 1945 г. из Петропавловска-Камчатского в Петропавловск же, но Казахстанской области, тамошнему ГВК были пересланы извещения на «погибших в боях при защите СССР» Мухамуджана Мендыбеева и Лукьяна Григорьевича Лапшина [1. Л. 30].

Для уточнения адресов предпринимались дополнительные поиски. Главное управление кадров НКО СССР 17 февраля 1945 г. сообщило ПГВК: «На учёте потерь ГУК НКО значится младший лейтенант Буторин Пётр Александрович, командир взвода 1322-го стрелкового полка. Пропал без вести 20.11.1941, исключён из списков Красной Армии приказом ГУК НКО № 0357-42 г. В донесении части родственники не указаны. Сообщается для выяснения родственности и назначения пенсии. Приложение: письмо».

Это письмо начальнику учётно-статистического управления ГУК НКО СССР отправила жена П. А. Буторина — Мария Лаврентьевна Буторина (отдельные места текста разобрать нам не удалось):

«Товарищ начальник! Убедительно прошу сообщить о моём муже — младший лейтенант Буторин Пётр Александрович, год рождения 1916, русский. Он с г. Спасска Дальневосточного края выехал на фронт 20 октября 1941 г. с 59-й дивизией. С дороги я получила от него одно письмо, и больше ничего нет четвёртый год.

В январе 1942 г. я получила письмо от его друга, младшего лейтенанта, нынче капитана, Героя Советского Союза Иванова Михаила Ивановича, с которым мой муж служил в г. Комсомольске, г. Спасске, вместе на фронт уехав, были в одной роте. Он сказал, что муж погиб в одном из боёв... ноября в 10 часов утра, село Еловое, в 12 км от Тулы в 1941 г. После этого письма я стала писать к Вам для официального сообщения... также писать в штаб Дальневосточного фронта многие письма. Я не получила ответа. И вот в августе 1944 г. я получила от Вас сообщение. Текст таков: “В Учётно-статистическом управлении при ГУК НКО СССР сведений о местопребывании Буторина Петра Александровича не имеется...”

Где же он? Мне просто больно и обидно, что о нём нет никаких сведений, ведь он же был направлен командованием и о нём сведения должны быть. У меня растёт дочь — четвёртый год пошёл. Она спрашивает, где наш папа? Я просто не знаю, что крошке и ответить, так как из сообщения я поняла, что будто бы такого и не было, не существует...

Я убедительно прошу, товарищ начальник, проверьте ещё раз документы и сообщите, а если у вас нет точных данных о муже, то сообщите, куда мне ещё нужно обратиться, чтобы мне сообщили, ведь у нас все граждане Советского Союза на учёте, а он же военнослужащий.

Убедительно прошу, ибо я уже измучилась, четвёртый год нет никакой помощи, ребёнок всё болеет. Справки нет, что я являюсь его женой, так как с г. Спасска он высылал, но я не получила. И так я буду без всяких документов, никакими правами не пользуюсь, даже не числюсь красноармейкой, а отсюда и нет помощи. И куда не пишу, прошу, чтобы мне помогли, — одно молчание. Писала в штаб Дальневосточного фронта, ответа не получаю.

Убедительно прошу, товарищ начальник, понять глубину и тяжесть моего положения, и помогите, и сообщите, чем можете и что можете. Я в большом отчаянии...» [Л. 55—56об.].

Письмо датировано 8 декабря 1944 г. Вот такая тяжёлая жизненная история! Скорее всего, справедливость в отношении семьи павшего героя была восстановлена, хотя точно мы об этом не знаем. В «Книге памяти...» (с. 32) сообщается: «Буторин Пётр Александрович, младший лейтенант, 1916 г. рождения. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 10.11.41 г.».

Бывало и так, что «похоронку» могли получить посторонние лица. 23 апреля 1945 г. 373-я отдельная армейская штрафная рота сообщила Зинаиде Васильевне Мордясовой, жившей в Петропавловске на Микояновской улице в доме № 3, о том, что её муж Василий Валерианович Буевич погиб 16 апреля 1945 г. и похоронен на центральной площади германского города Лебус. На извещении стоит печать 920-го стрелкового полка 347-й стрелковой дивизии. На обороте документа указано: «С извещением Мордясова Зинаида Васильевна ознакомилась. Никаких родственных отношений к Буевичу не имеет. Буевич жил как квартирант у родных» [1. Л. 60—60об.].

В этот же день из этой же части пришло извещение о гибели, и тоже 16 апреля 1945 г., Филиппа Фёдоровича Белозерова. Извещение получила его жена, Агафья Егоровна Белозерова, жившая в Петропавловске, в АКОграде на улице Горной, 48. Оба бойца похоронены в общей могиле, похоже, что братской [1. Л. 61—61об.].

А «Книга памяти...» (с. 109) содержит упоминание и о красноармейце Василии Ивановиче Шевченко, 1916 г. р., тоже служившем в 373-й отдельной штрафной роте, тоже погибшем 16 апреля 1945 г. и похороненном там же — в г. Лебусе.

Его имя включено в сообщение ПГВК от 5 июля 1945 г. в адрес УУПП вместе с почему-то не вошедшими в «Книгу памяти» именами Алексея Ивановича Петрова, Николая Акимовича Демочкина и Николая Ивановича Ладайкина с указанием: «Направляю извещения на погибших на фронтах Отечественной войны... так как родные погибших по приписке в адресном столе города Петропавловска н/К не значатся». Из этого не ясно, были ли трое перечисленных воинов призваны из Петропавловска или нет. Вполне возможно, что во время войны родные, проводившие их на фронт, по каким-то причинам покинули наш полуостров [1. Л. 70].

Для поиска военнослужащих использовался специальный запрос (форма 11):

«НКО СССР. Управление по персональному учёту потерь действующей армии. Наш исх. № __ "__" __ 194_ г.

Ваше письмо получено. Меры к розыску и выяснению судьбы военнослужащего __ приняты. По получении о нём данных вам будет сообщено дополнительно. При повторном запросе обязательно ссылайтесь на наш номер и дату, с обязательным указанием фамилии, имени и отчества разыскиваемого военнослужащего».

На подобный запрос о судьбе Н. П. Губанова, призванного в Петропавловске 18 мая 1944 г., пришло извещение от войсковой части полевая почта 29005: «Ваш муж сержант Губанов Николай Петрович, уроженец г. Ростов-на-Дону, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был тяжело ранен и умер. Похоронен 20 января 1944 г. на кладбище деревни Иваньково Белорусской ССР» [2. Л. 178—179].

С запросами в ПГВК обращались и «органы». Так, 23 июля 1945 г. старший лейтенант госбезопасности Соколов, сотрудник областного управления НКВД, писал: «2 июля с. г. ...вам направлен запрос об установке дезертира Красной Армии В. Прошло уже двадцать дней, а ответа от вас мы до сего времени не получили. Вторично просим... проверить и сообщить нам. В. якобы умер и похоронен на военном кладбище, участок 589, могила № 13. По этому вопросу у вас должны быть подробные данные».

Вскоре судьба красноармейца В. прояснилась. Никаким дезертиром он не был, действительно умер от ран 25 июня 1944 г. в эвакогоспитале. В «Книге памяти...» о нём имеются такие сведения: «захоронен с отданием воинских почестей на военном кладбище», но при этом участок указан как № 9.

Гражданка В., жившая в Петропавловске на улице Советской, обратилась в УУПП с просьбой сообщить о судьбе А. 26 мая 1945 г.

последовал ответ: «Сообщаю, что красноармеец А., 1924 г. р. ...по приговору военного трибунала в апреле месяце 1944 г. осуждён к десяти годам лишения свободы» [1. Л. 78—79].

В апреле 1943 г. штаб 422-й стрелкового полка ошибочно направил в Петропавловск (вместо Приморья) справку о снятии судимости с погибшего красноармейца для вручения его отцу. Вот этот документ, составленный в марте 1943 г.:

«Справка о снятии судимости. Настоящая справка выдана красноармейцу 422-го стрелкового полка 170-й дивизии Гладышенко Григорию Матвеевичу в том, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 14 декабря 1941 г. постановлением Военного совета Северо-Западного фронта за № 054 от 11 марта 1943 г. за проявленное им отличие в боях с немецкими захватчиками судимость по приговору военного трибунала Тихоокеанского флота от 23.09.42 г. по ст. 74 ч. 2 УК с него снята».

Сам же красноармеец Г. М. Гладышенко погиб ещё 16 декабря 1942 г., как это следует из извещения, присланного в Петропавловск. В июне 1943 г. все документы, его касающиеся, переправлены в Приморье [2. Л. 48—52].

Случалось и такое. Одной датой — 20 сентября 1943 г. последовательными входящими номерами — 26-м и 27-м — помечены две «похоронки» на одного и того же человека — уроженца Петропавловска Гайтулу Миндаровича Хананова, до войны жившего на улице Нагорной, 18. По первому документу, выписанному полевой почтой 14845, он значился убитым в районе села Мясоедовка Белогородовского района Курской области и там же похороненным 7 июля 1943 г. По второму, выданному зенитным дивизионом 2-й противовоздушной бригады, Хананов, находясь на фронте, пропал без вести 2 марта 1943 г. возле села Шивковая Харьковской области [2. Л. 42—43]. «Правильной» оказалась первая...

А вот история с бойцом по фамилии Мимоход, извлечённая нами из нескольких документов, датированных 1944—1945 гг. Из них не ясно, идёт ли речь об одном и том же или о двух разных лицах. Объединяет их указанное место рождения — Винницкая область и принадлежность к Петропавловску.

9 ноября 1943 г. на месте событий было выписано извещение о гибели в бою 5 октября 1943 г. красноармейца Мимохода «с указанием места погребения».

22 апреля 1944 г. родители, жившие Петропавловске, получили письмо от сына Ивана Александровича Мимохода из другой войсковой части — полевой почты № 03028.

15 июня 1944 г. командиру первой войсковой части (полевая почта 73413) доложено, что в ПГВК «поступило извещение о смерти на гвардии рядового, миномётчика Мимохода *Ивана Александровича*, уроженца Винницкой области Погребинского района. В извещении сообщено, что Мимоход И. А. в бою был убит 5 октября 1943 г. и похоронен в Днепропетровской области, Верхнеднепровске, лес восточнее деревни Колужино».

Петропавловский военком просил внести «соответствующие изменения в учёт безвозвратных потерь по части красноармейца Мимоход И. А.». 21 июня 1944 г. об этом же было доложено в Москву, в Центральное бюро [2. Л. 246, 251].

А 16 марта 1945 г. УУПП прислало бумагу: «Известите гр. Мимоход А. К., проживающую по ул. Микояновская, 6, что красноармеец Мимоход *Василий Андреевич*, уроженец Винницкой области, с. Морозовка, 1921 г. р., находясь на фронте, пропал без вести 27 сентября 1943 г.». На обороте имеется расписка: «Копию извещения получил отец» [1. Л. 82—82об.]. При этом никаких сообщений о расхождении имени и отчества павшего здесь не приводится.

Фамилии «Мимоход» в «Книге памяти...» тоже нет. Изложенное выше лишний раз подчёркивает те сложности, которые вот уже много десятилетий стоят перед исследователями, занимающимися уточнением судеб погибших.

Бывали ошибки и другого рода — записанные погибшими или пропавшими без вести воины оказывались живыми, но здоровыми — далеко не всегда. Мы имеем тому довольно много примеров.

9 июля 1943 г. в ПГВК поступило извещение о пропаже без вести красноармейца *Аркадия Михайловича* Соловова, в котором не были указаны время выписки документа, номер части и дата пропажи бойца. «Полученное нами извещение не может служить документом, по которому могли бы назначить пенсию его семье, так как извещение написано от руки, не на бланке и не заверено печатью». В запросе в Центральное бюро по персональному учёту потерь действующей армии ПГВК, «после установления о состоянии красноармейца Соловова», просил сообщить ему сведения для составления извещения его родственникам. Вскоре ПГВК выписал извещение № 143 о пропаже А. М. Соловова без вести, изготовленное на печатной машинке, но по установленной форме. (На рукописном извещении позже было указано: «Красинцев, 2. Вернулся инвалидом Отечественной войны». На запросе тоже имеется приписка: «Инвалид Отечественной войны») [2. Л. 339—341].

При этом в «Книге памяти...» (с. 94) указано: «Соловов *Аркадий Семёнович*, красноармеец. 1906 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК, 44 СД. Погиб 24.02.43 г.».

25 декабря 1943 г. пришло извещение на пропавшего без вести 7 декабря 1942 г. сержанта П. И. Перепёлкина. 21 апреля 1943 г. командиру части, приславшему «похоронку», сообщено: «...а его жена получила от Перепёлкина письмо из города Клепки... датированное 14 января 1943 г. Прошу вас точнее установить положение и состояние... и сообщить в ПГВК» [2. Л. 84—85].

20 января 1944 г. Петропавловский городской военком майор Н. И. Берленко сообщал в Москву, Центральному бюро по персональному учёту: «В Петропавловский-на-Камчатке горвоенкомат обратилась жена военнослужащего, гражданка Булгакова Анна Ивановна, проживающая в г. Петропавловске-н/К, Ключевская, 30а, с просьбой установить место нахождения её мужа Неупокоева Григория Игнатьевича, уроженца Челябинской области, Белозерского района, села Памятное. Родился в 1913 г., в Красную Армию призван Петропавловским-на-Камчатке горвоенкоматом в 1943 г., последний его адрес места службы — полевая почта 14894 “С”, связь прервана с августа 1943 г. О результатах прошу сообщить для уведомления его жены».

От командования части пришло извещение № 5233 (входящий номер Н-9 от 9 мая 1944 г.) о том, что рядовой, автоматчик Г. И. Неупокоев пропал без вести 8 января 1944 г. Позже на документ наложена резолюция: «Имеют переписку», о чём снова сообщено в Центральное бюро [2. Л. 227—228]. «Книга памяти...» (с. 76) говорит, что красноармеец Г. И. Неупокоев погиб 10 января 1944 г.

21 июня 1944 г. городской военком докладывал начальнику Центрального бюро по персональному учёту:

«В ПГВК поступил из воинских частей ряд извещений о гибели военнослужащих на фронтах Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками. При вручении извещений на погибших родителям или родственникам выяснялось, что... последние ведут с ними переписку или же они вернулись домой инвалидами Отечественной войны:

1. Сержант Перелякин Павел Иванович, 1908 г. р., вернулся с фронта инвалидом 31 июля 1942 г. Проживает в настоящее время в Петропавловском горрайоне...

3. Красноармеец Бармин Николай Иванович, 1907 г. р., имеет письменную связь с женой... На него было выслано извещение... что пропал без вести 22 ноября 1943 г.

4. Младший лейтенант Козлов Семён Иванович, 1913 г. р., в настоящее время имеет письменную связь с родителями, последнее письмо писано 7 мая 1944 г. из госпиталя г. Ленинграда... Из части полевая почта 86746 получено извещение на старшину Козлова Семёна Ивановича, что он был убит в бою 8 февраля 1944 г. с указанием места погребения. Младший лейтенант Козлов выслал фотокарточку личности в офицерской форме, снимок сделан в апреле 1944 г., ранее Козлов был старшиной.

5. Рядовой Неупокоев Григорий Игнатьевич, 1913 г. р., уроженец Челябинской области, Белозерского района, село Памятное, писал письма жене, проживающей на Камчатке. Письма датированы от февраля 1944 г., а частью ПП 35623 было выслано извещение, что... пропал без вести 8 января 1944 г.» [2. Л. 251].

Через месяц с небольшим, 26 июля 1944 г., перечень ошибочных извещений был продолжен:

«...1. Извещение, полученное из полевой почты 82671 на красноармейца Барац Дануэль Овсеевич. Указано, что Барац, находясь на фронте, пропал без вести 15 августа 1943 г. Родственники от Барац Д. О. из полевой почты 29090 "Г" получили письмо, датированное 3 июня 1944 г., в настоящее время имеет воинское звание "сержант"...» [2. Л. 266—266об.].

Подобное же сообщение от 13 июля 1944 г.:

«1. Извещение, полученное из полевой почты 14087 на младшего сержанта Лутцева Григория Сергеевича. Указано... при выполнении боевого задания был убит 24 сентября 1943 г. и похоронен на хуторе Мокрянский Красноармейского района Запорожской области. 20 марта 1944 г. родственники получили письмо, датированное 20 февраля 1944 г., из частей формирования без указания полевой почты.

2. Извещение, полученное из полевой почты 03590 на красноармейца Кузнецова Павла Фёдоровича... Указано, что... убит 20 марта 1944 г. ...В июне месяце сего года родители... получили два письма, датированные от 20 и 24 мая 1944 г., из города Кирова.

3. Уведомление, полученное от Управления по персональному учёту потерь... от 18 мая 1944 г. о гибели красноармейца Шабанова Владимира Макаровича, 1918 г. р., в том, что он погиб в марте 1943 г. Родственники получили в июне 1944 г. справку из части... о том, что он находится на действительной военной службе при полевой почте 06572, справка датирована 7 марта 1944 г.» [В2. Л. 274].

На извещении о пропаже 18 августа 1945 г. без вести в ходе боёв на острове Шумшу бойца 138-го стрелкового полка Николая

Ивановича Бердышева, мать которого жила в Петропавловске на улице Ключевской, 33, значится: «Жив. Живёт дома. Награждён» и дата — 13.10.45. Есть ещё одна, более поздняя приписка: «Донесено в Москву в декабре 1959 г., что он жив...» (далее неразборчиво).

26 сентября 1945 г. штаб 138-го стрелкового полка сообщил в Петропавловск, в район судоверфи, в Нагорную слободку о пропаже 18 августа без вести на острове Шумшу Фёдора Фёдоровича Сидорова. На этом извещении позже помечено красным карандашом: «Жив, лечится в Хабаровском госпитале» [1. Л. 188, 215].

23 августа 1945 г. УУПП сообщило ПГВК, что некогда живший по адресу улица Красная Сопка, барак 1, кв. 6 младший сержант К. А. Торгашев, 1921 г. р., находясь на фронте, пропал без вести 17 августа 1942 г. На обороте извещения есть вот такая приписка: «Последнее письмо датировано 25 июня 1945 г. с полевой почты 32473. Торгашов Конст. Ал-вич» [1. Л. 317—318].

Документы ПГВК учитывали и случайные, порой нелепые смерти, зачастую происходившие из-за несоблюдения дисциплины и норм безопасности.

19 марта 1943 г. войсковая часть полевая почта 29209 сообщила Прасковье Григорьевне Жагловой, жившей в Жупановском рыбокомбинате: «Ваш муж, красноармеец Гулак Семён Никифорович, уроженец села Ново-Александровка Брестского района Одесской области, погиб при исполнении служебных обязанностей 20 июля 1943 г. Похоронен на берегу реки Правая Жупанова» [2. Л. 23].

5 ноября 1944 г. войсковая часть полевая почта 19951 сообщила: «Прошу известить гражданку Евдокимову Федосью Михайловну, проживающую в городе Петропавловске-Камчатском, Красная слободка, барак № 1, кв. 1, о том, что её муж, Евдокимов Михаил Иванович, находясь в рядах РККА, по своей неосторожности при переходе через реку по тонкому льду утонул 8 ноября 1943 г.» [2. Л. 361].

15 августа 1945 г. «внезапно умер и похоронен на 26-м километре от Петропавловска на кладбище» старший лётчик младший лейтенант Василий Ефимович Залавин. Об этом свидетельствует извещение на имя В. С. Залавиной, жившей в районе Елизовского аэродрома [1. Л. 135].

11 сентября 1945 г. Горьковское танковое училище сообщило родителям, жившим в Петропавловске, в Ближнем совхозе на улице Совхозной, 18, что их сын, курсант Д. А. Марьяновский «при несчастном случае, в результате небрежного обращения с оружием, был смертельно ранен» 29 августа 1945 г., «после чего умер».

23 сентября 1945 г. штаб 279-го артполка известил о смерти рядового шофёра К. «после отравления спиртными напитками 9 сентября 1945 г. Похоронен на острове Шимушу» [1. Л. 257, 236].

2 ноября 1945 г. командование 373-го стрелкового полка выслало ПГВК расчётные документы трёх офицеров: лейтенанта Михаила Ивановича Миргородского, командира миномётного взвода, погибшего 18 августа и похороненного 22 августа на южном скате высоты 171,0 острова Шумшу; пропавшего без вести лейтенанта, командира миномётного взвода Петра Ивановича Лесика; умершего лейтенанта, командира огневого взвода Леонида Дмитриевича Блинова. В извещении на последнего указано, тот скончался «от отравления спиртом-суррогатом», похоронен 6 сентября 1945 г. на мысе Васильева острова Парамушир [1. Л. 342—345].

19 ноября 1945 г. командир 888-го авиаполка капитан Снесарь и начальник штаба майор Спасский подписали вот такой документ: «Петропавловскому горвоенкомату. Прошу известить гражданку Осипову Клавдию Александровну, проживающую в городе Петропавловске, улица Советская, 111, о том, что её муж, стрелок авиавооружения ефрейтор Осипов Марк Фёдорович, погиб при авиационной катастрофе 11 октября 1945 г. Похоронен с отдачей воинских почестей на острове Шимушу» [1. Л. 321].

6 декабря 1945 г. полевая почта 71360 (302-й стрелковый полк) доложила, что 1 октября 1945 г. при исполнении служебных обязанностей погиб курсант-красноармеец И. И. Крупин. Его похоронили на Парамушире [1. Л. 311].

Может показаться, что приведённые выше сведения о делах давно прошедших лет носят исключительно историко-краеведческий характер. Это не так. «Эхо прошедшей войны» слышно и сейчас. Вот тому пример. 10 октября 1945 г. полевая почта 47051 сообщила ПГВК: «Прошу известить гр. Тюменцева, проживающего в гор. Петропавловске н/К, ул. Советская (облпрокуратура), что его сын, музыкант-красноармеец Тюменцев Василий, находясь на фронте, пропал без вести 18 августа 1945 г. Командир части майор *Фёдоров*» [1. Л. 194]. Как известно, в этот день началась высадка десанта на остров Шумшу.

3 августа 2021 г. агентство «Новости» опубликовало весть из Южно-Сахалинска: местные поисковики обнаружили на Шумшу останки шести советских воинов. «Коллективное захоронение нашли в двухстах метрах от мемориала на горе Северной. Сначала на глубине около шестидесяти сантиметров обнаружили человеческий череп и каску, — рассказал... руководитель регионального

отделения “Поискового движения России” Артём Бандура. — Выделяется один из солдат. Как раз он был в стальном шлеме, и его поднимали последним. В том месте, где на галифе были карманы, лежал мундштук для духового инструмента — трубы или горна. А это вещь индивидуальная».

Поисковики выяснили, что в списках погибших управления 101-й стрелковой дивизии значился Василий Тюменцев, 1928 г. р., красноармеец музыкального взвода. Он родился в селе Паратунка Камчатской области, пропал без вести 18 августа 1945 г. «Поисковики уже ищут родственников воина» [4].

В сентябре 2021 г. к автору этого очерка обратилась редактор журнала «Многоликая Камчатка» В. А. Ступникова. Она сообщила, что родственники найдены, живут у нас, на Камчатке, обрисовав дополнительные детали, сказав, что в своё время домашние или не получили «похоронку» на Василия Тюменцева, или со временем она затерялась... После недолгого «перелистывания» страниц оцифрованных к этому времени дел [1, 2] искомое извещение было обнаружено. Действительно, на его обороте отметки о получении родственниками нет. Попутно найдено извещение на ещё одного Тюменцева — Николая Николаевича, бойца 373-го стрелкового полка, также жителя Паратунки, тоже павшего на Шумшу 18 августа 1945 г. [1. Л. 156]. И оно в своё время также не попало в руки родных.

Предполагалось, что останки Василия Тюменцева будут перезахоронены на родине — в Паратунке. Этого пока не случилось. 26 августа 2022 г. троюродный брат В. Тюменцева — уважаемый на полуострове человек, заслуженный учитель Российской Федерации В. Л. Тюменцев рассказал автору, что дело застопорилось неясными результатами экспертизы.

Между прочим, 26 августа в Камчатской краевой научной библиотеке имени С. П. Крашенинникова шли действа фестиваля «Камчатка — Россия — Мир», и здесь (это совпадение мне кажется вовсе не случайным) находились родственники ещё нескольких участников Курильского десанта. Один из них — племянник младшего сержанта 138-го стрелкового полка Серафима Николаевича Каргопольцева, 1915 г. р., призванного ПГВК, награждённого медалью «За боевые заслуги». По воспоминаниям родных, он был ранен на Шумшу, доставлен в Петропавловск, где и умер в госпитале. Эти сведения были переданы волонтёру М. А. Стреляевой, ныне заведующей региональным центром Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина.

1 сентября 1945 г. в Петропавловск, на улицу Советскую, 75 последовало извещение о гибели 31 августа 1945 г. ефрейтора 119-го отдельного сапёрного батальона Ивана Васильевича Ненашева. Место захоронения — «остров Шимушу (Курильские острова), порт Катаока» [1. Л. 140]. Судя по дате извещения, погиб он не в бою. Было предположено, что ефрейтор, с учётом его военной специальности, подорвался при разминировании, но позже выяснилось, что Ненашев погиб от взрыва снаряда при перевозке боеприпасов. Он погребён на месте трагического события, там же, где и бо́льшая часть павших в боях десантников. Ниже приведены разновидности написания мест их захоронений, извлечённые из документов:

— восточный берег острова Шимушу (Курильские острова, Япония) (119-й сапёрный батальон);

— остров Шимушу (279-й артиллерийский полк);

— на острове Шимушу (Курильские острова) на южных скатах высоты 171,0 (373-й стрелковый полк);

— остров Симусю; на острове Шимушу; на острове Шимушу Курильской гряды у высоты 171,0 (штаб Камчатского оборонительного района);

— на острове Шимушу Курильской гряды в братской могиле на северных скатах высоты 171,0 (так обозначены места захоронения 25 чел.); о. Шимушу Курильской гряды у высоты Маячная (3 чел.); на острове Шимушу Курильской гряды в братской могиле на северных скатах высоты 171,0 (20 чел.); на о. Шимушу Курильской гряды у высоты 171,0; на острове Шимушу Курильской гряды в братской могиле на северо-западных скатах высоты 171,0; о. Шумшу, Курильская гряда островов, у выс. 171,0; на острове Шимушу Курильской гряды у выс. Маячная (138-й стрелковый полк);

— остров Шимушу из группы Курильских островов, мыс Кукутан-Саки (полевая почта 47051);

— в братской могиле на острове Симусю; в районе порта Катаока, остров Симусю (отдельный стрелковый батальон 101-й стрелковой дивизии);

— на острове Симусю Курильской гряды (428-й гаубичный артиллерийский полк);

— в братской могиле 20 августа 1945 г. на острове Симусю (Курильские острова) (103-й отдельный батальон связи);

— убит на острове Симусю — Курильская гряда в войне с Японией, мыс Кокутан-Саки (штаб Петропавловской военно-морской базы ТОФ);

— на острове Шумушу (888-й авиационный полк);

— на острове Шумушу, мыс Кукотан; остров Симусю; на острове Парамушир (полевая почта 71360, 302-й стрелковый полк).

Штаб последней части — 302-го стрелкового полка — не утруждал себя обозначением мест захоронений, хотя записывал, что такой-то «погиб 18 августа» (5 чел.). Возможно, что бойцы не сумели при высадке добраться до берега и утонули, а их тела поглотил океан. А в одном извещении — на лейтенанта Морозова — даже не указаны его инициалы и вообще ничего не сообщается о месте гибели и захоронения [1. Л. 243].

В документах 109-го отдельного батальона связи места захоронений погибших 18 августа тоже не указаны, может быть, все они утонули, тела найдены не были. Здесь формулировка одна: «Погиб в боях с японским агрессором при высадке десанта на остров Симусю 18 августа 1945 г.» [2. Л. 146—149].

В делах ПГВК сохранился ряд извещений о пропаже участников Курильского десанта без вести:

— 138-й стрелковый полк — семь случаев (все 18 августа 1945 г.);

— отдельный стрелковый батальон 101-й стрелковой дивизии — три случая;

— 428-й гаубичный артполк — один «с 22 августа 1945 г.»;

— 373-й полк — 10 случаев (18 августа).

Часть десантников, получивших ранения, морем была вывезена в Петропавловск на лечение, некоторые скончались. Об этом, в частности, свидетельствует справка штаба Камчатского оборонительного района (КОР) от 8 октября 1945 г.: «Дана гражданке Бархотовой А. В. в том, что её муж, красноармеец 373 СП Бархотов А. И. (Алексей Иванович. — *С. Г.*) во время боевых действий в войне с Японией на островах Курильской гряды 18 августа был ранен, находился на излечении в городской больнице. 16 сентября 1945 г. умер от ранения, похоронен на городском кладбище. Справка выдана для представления в городской военкомат на получение пособия. Начальник санитарной службы КОР майор медицинской службы *Карева*» [1. Л. 312].

Где похоронены десантники? На нынешнем, давно закрытом и заброшенном городском кладбище, расположенном на 4-м километре Елизовского шоссе. Здесь сохранились, как минимум, четыре могилы периода Великой Отечественной и советско-японской войн. В них погребены:

— *Дорота Александр Аврамович*, старший краснофлотец, машинист 3-го класса плавбазы «Саратов» 3-го отдельного дивизиона

подводных лодок, участник Курильского десанта, ранен 21 августа, скончался от ран в военно-морском госпитале № 20 25 августа 1945 г. (могила взята на учёт);

— старшины и краснофлотцы, погибшие при разминировании Авачинского залива 15 октября 1945 г. (могила взята на учёт);

— *Попов Анатолий Васильевич*, капитан 3-го ранга, командир подводной лодки или дивизиона, умер 22 февраля 1945 г. (могила расположена при стихийно сложившемся входе на кладбище, на месте, очень удобном для осмотра, представляет собой интересный памятник «кладбищенской архитектуры» середины 1940-х гг. Находится в крайне запущенном состоянии);

— *Васильев Сергей Иванович*, 1914 г. р., участник обороны Севастополя в 1942 г., умер 22 декабря 1944 г. (могила заброшена).

Остальные могилы героев-курильчан, к нашему стыду, не сохранены. Вот перечень захороненных в них лиц, составленный в ходе исследований автора и по сведениям, предоставленным М. А. Стреляевой:

— *Агафонов Александр Александрович*, младший лейтенант, умер от ран 24 августа 1945 г.;

— *Аксёнов Василий Павлович*, старший лейтенант 373-го стрелкового полка, умер от ран 6 сентября 1945 г.;

— *Бархотов А. И.*, красноармеец, ранен 18 августа 1945 г., находился на излечении в городской больнице, умер от ран 16 сентября 1945 г.;

— *Бейнарович Николай Степанович*, старший лейтенант, командир сапёрного взвода, умер от огнестрельного ранения 24 октября 1945 г.;

— *Беломестнов Андрей Филиппович*, 1898 г. р., старший сержант 373-го стрелкового полка, умер от ран в госпитале посёлка Индустриальный 26 августа 1945 г.;

— *Варыгин Георгий Михайлович*, 1911 г. р., старший лейтенант 373-го стрелкового полка, умер от ран 19 августа 1945 г.;

— *Воробьёв Михаил Алексеевич*, 1918 г. р., сержант отдельного взвода связи, ранен 23 августа, умер от ран в военно-морском госпитале № 20 30 августа 1945 г.;

— *Каменский Илья Александрович*, 1918 г. р., лейтенант 373-го стрелкового полка, умер от ран 28 августа 1945 г.;

— *Каргопольцев Серафим Николаевич*, 1915 г. р., младший сержант 138-го стрелкового полка, умер от ран;

— *Криворотов Алексей Иванович*, 1924 г. р., краснофлотец 505-й бат. (батарея? батальон?), ранен 21 августа, умер от ран в военно-морском госпитале № 20 30 августа 1945 г.;

— *Лобко Матвей Дмитриевич*, 1912 г. р., сержант, умер от ран 30 августа 1945 г.;

— *Майгатов Александр Перфилович*, 1920 г. р., рядовой войсковой части полевая почта 47051, умер от ран 3 октября 1945 г.;

— *Микушев Фёдор Герасимович*, 1917 г. р., рядовой, стрелок 60-го морского погранотряда, погиб 18 августа 1945 г.;

— *Морозов Александр Петрович*, лейтенант 302-го стрелкового полка, умер от ран 24 августа 1945 г.;

— *Мухин Иван Петрович*, лейтенант медицинской службы, командир санитарного взвода 138-го стрелкового полка, умер от ран 22 августа 1945 г.;

— *Павлов Юрий Васильевич*, 1924 г. р., краснофлотец, рулевой 3-го класса плавбазы «Саратов» 3-го отдельного дивизиона подводных лодок, ранен 21 августа, умер от ран 31 августа 1945 г. в военно-морском госпитале № 20;

— *Потехин Иван Александрович*, 1917 г. р., рядовой 138-го стрелкового полка, умер от ран 24 августа 1945 г.;

— *Синелобов Николай Васильевич*, 1922 г. р., рядовой, погиб в бою в 1945 г.;

— *Трещёткин Николай Иванович*, 1910 г. р., краснофлотец части охраны водного района, ранен 21 августа, умер 25 августа 1945 г.;

— *Трифонов Григорий Парфирьевич*, старший лейтенант, командир миномётной роты 373-го стрелкового полка, ранен 18 августа 1945 г., умер 29 сентября 1945 г.;

— *Толмачёв Василий Сергеевич*, 1918 г. р., рядовой 373-го стрелкового полка, умер от ран 29 августа 1945 г.;

— *Фалалеев Василий Павлович*, рядовой 119-го отдельного стрелкового батальона, ранен 18 августа, умер от ран 26 августа 1945 г.;

— *Широглазов Кузьма Андреевич*, рядовой, умер от ран 23 августа 1945 г.;

— *Шитов Гавриил Васильевич*, рядовой 119-го отдельного стрелкового батальона, умер от ран 22 августа 1945 г.

На кладбище имелись, а ныне также утрачены захоронения военнослужащих времён Великой Отечественной и советско-японской войн:

— *Азначеев Борис Николаевич*, старший краснофлотец, войсковая часть полевая почта 40194, погиб;

— *Ахметов Абунагим Баширович*, 1918 г. р., старший краснофлотец, войсковая часть 2069, умер 2 января 1945 г.;

— *Загрядский Фёдор Лаврентьевич*, 1919 г. р., ефрейтор 60-го морского погранотряда, погиб 29 августа 1945 г.;

— *Лукьяненко Филипп Кондратьевич*, 1912 г. р., рядовой, радист войсковой части полевая почта 47051, погиб при выполнении служебного задания 11 мая 1945 г.;

— *Санеев И. К.*, военнослужащий войсковой части полевая почта 47031, умер 4 июля 1944 г. Похоронен с отданием воинских почестей;

— *Сидоров Анатолий Григорьевич*, рядовой 5-го отдельного стрелкового батальона 101-й стрелковой дивизии, умер 28 февраля 1945 г. Похоронен с отданием воинских почестей.

— *Юдин Виктор Александрович*, 1921 г. р., старший сержант 410-го штурмового авиаполка, погиб 28 марта 1945 г.

Всё изложенное выше говорит о том, что кладбище на 4-м километре должно быть признано воинским или мемориальным. Здесь следует соорудить кенотаф (символическую могилу) с именами наших павших доблестных воинов. Давно пора восстановить историческую справедливость в их отношении и, может быть, хотя бы этим повиниться перед ушедшим поколением победителей...

Правки требует и «Книга памяти...» Выше уже отмечались некоторые её расхождения с исходными документами. Вот ещё несколько нестыковок.

«Усть-Большерецкому райвоенкому, с. Усть-Большерецк. Направляю извещение на погибшего гвардии красноармейца Грибенникова Николая Ивановича для вручения жене Грибенниковой Нине Иосифовне, проживающей в вашем районе, село Усть-Большерецк» [1. Л. 6].

В «Книге памяти...» фамилии «Грибенников» нет, но на 40-й странице находим указание: «Гребенников Николай Иванович, гв. красноармеец, 1918 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК, 13 гв. ВДСП, 1 гв. ВДД. Изв. отправлено Усть-Камчатскому РВК Камчатской области, исх. 2/08 от 23.01.45 г. Погиб 11.10.44 г.». При этом приведённые исходящий номер и дата извещения соответствуют указанным на вышецитированном первоисточнике.

В сентябре 1945 г. 60-й Камчатский ордена Ленина морской пограничный отряд известил родных, что мичман Иван Васильевич Миронов «погиб при взрыве катера в период высадки десанта на о-в Шумшу (Курильской гряды). Труп не найден». Копию извещения 2 октября 1945 г. получила жена, жившая в районе Солёного озера [1. Л. 97—98]. В «Книге памяти...» указано, что он «захоронен: о. Шумшу» (с. 72).

А вот пропавший без вести воин, имя которого почему-то в «Книгу...» не вошло, — автоматчик, гвардии красноармеец Андрей Елисеевич Завгородний. Он, «находясь на фронте, пропал без вести 18 марта 1945 г.». Служил в 332-м гвардейском стрелковом полку [1. Л. 85, 82—82об.].

Возможным объяснением отсутствия его фамилии в «Книге...» является тот факт, что он был призван в армию не с Камчатки...

Источники

1. Петропавловск-Камчатский городской военный комиссариат. Д. 19/1. Извещения на военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны (2 декабря 1944 г. — 7 декабря 1945 г).

2. Петропавловск-Камчатский городской военный комиссариат. Д. 19/2. Извещения о военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны (7 июля 1943 г. — 12 октября 1944 г.)

3. Книга памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны / Предс. ред. коллегии В. П. Пустовит. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — 120 с.

4. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ria.ru/20210803/ostanki-1744092038.html/.

Н. С. Гаврилова

Заметки о соболе и «второстепенной пушнине...» (по материалам газет «Полярная звезда» и «Камчатская правда», 1928—1934 гг.)

Главным объектом пушной охоты на Камчатке долгое время был соболь. Неуклонно год от года снижавшиеся доходы от пушного промысла оценивались как истощение естественных природных богатств полуострова. И уже в 1920-е гг. охоту на соболя стали сравнивать с игрой. «Удачные случаи, как и в картёжной игре, в охоте на соболя являются тем магнитом, который влечёт к себе, они создают азарт охоты, надежду на фарт».

Из-за особенностей промысла этого ценного пушного зверя (большие затраты времени, материальных и моральных ресурсов) местные охотники прозвали это животное «врагом Камчатки». Отмечалось, что среди сдаваемых Дальгосторгу шкурок соболя было очень мало молодых экземпляров, большинство трёхлетних. Предполагали, что молодой зверь был вытеснен «более сильными стариками в другие места».

Соболь стал главным объектом пушной охоты на Камчатке в конце XVII в. В 1697 г. землепроходец Владимир Атласов и его товарищи вышли в путь из Анадырского острога с твёрдым намерением свершить историческую миссию — привести коряков и ительменов в русское подданство. Одной из важнейших задач землепроходцев стал сбор ясака — натурального налога, взимаемого пушниной. Важнейшим стимулом, побудившим русских людей отправиться в столь рискованное путешествие, стал соболь, водившийся в камчатских лесах в исключительном изобилии. Исторически пушной промысел не имел для жителей Камчатки решающего значения и носил, скорее, случайный характер. Более важное место в хозяйственной деятельности занимала охота на оленя, снежного барана, медведя и морских млекопитающих, поскольку именно их добыча покрывала потребность не только в шкурах, но и мясе.

Необходимость уплаты ясака вынудила жителей полуострова сменить направление охотничьего промысла. И уже через несколько десятилетий численность соболя на полуострове значительно снизилась. Натуралист Второй Камчатской экспедиции Георг Стеллер пишет: «Соболей во время покорения этой страны водилось такое множество, что местные народы смеялись над казаками, когда те предлагали им по ножу за полдюжины собольих шкурок, а топор — за полторы дюжины. Мужчина мог без особого для себя труда набрать в течение одной зимы 60–80 и более соболей; ежегодно с Камчатки вывозились соболя и лисицы на огромные суммы…» Но уже к 1740 г. «число соболей настолько поубавилось, что ныне не вывозится и десятой их доли» [13].

О снижении численности соболя в XX в. говорит и весьма необычный факт: «За последнее десятилетие на полуострове стало распространяться новое животное — белка». Исследователи предшествующих эпох отмечали её отсутствие на полуострове. Комиссия по изучению естественных производительных сил при Академии наук в труде «Животный мир Камчатки» (1919) подчеркнула, что белка обитала в пределах всей лесной зоны Европейской и Азиатской России, за исключением Камчатки, Кавказа и Крыма. А несколько лет назад белка мигрировала на Камчатку. «Она появилась в небольшом количестве по долине реки Тигиль, а затем переселилась в долину реки Камчатки, где впервые была замечена около Козыревска. Зимой текущего года белка отмечена уже около Мильково. Таким образом, она заняла хвойные леса Камчатки и будет, вне всякого сомнения, отныне их постоянным обитателем…» [8].

По предположению натуралиста П. Т. Новограбленова, появился этот зверёк из Гижиги. «Распространение белки в хвойных лесах у нас говорит за то, — отмечает он, — что её злейший враг — соболь почти полностью уничтожен человеком в этих лесах». Качество шкурки камчатской белки было очень высоким, так как она принадлежала к особой тёмной разновидности обыкновенной белки.

Постепенно зрела мысль о необходимости создания новой экономики, основанной на устойчивом производстве. Для этого пушной промысел необходимо было превратить в предприятие. Разведение соболя в искусственных условиях — главная возможность сохранить его популяцию. На это указывал Н. А. Пименов в статье «Пушное звероводство». В СССР к 1928 г. насчитывалось не более десятка питомников, а точнее опытных станций, не имевших промышленного значения. «В ближайшем будущем капиталистические страны станут крупнейшими поставщиками лисиц на мировом рынке. А наша страна, занимающая лидирующую позицию по экспорту соболя, должна уделить пристальное внимание восстановлению численности этого пушного зверя» [9].

Попытки разведения соболя в неволе в России уже делались. В 1913 г. по инициативе Шиллингера был организован пушной питомник на озере Байкал. Воплощали в жизнь проект Шиллингера «некий Малам и бывший князь Николай Николаевич». Одно из главных условий для обеспечения размножения животных в неволе — максимальная изоляция от всех внешних раздражителей. Для успешного течения беременности самка должна чувствовать себя в полной безопасности. А место для питомника было выбрано крайне неудачно — около железнодорожной станции, на болоте, по соседству с собачьим хозяйством. Поэтому, конечно же, итог оказался печальным. Положительный исход был получен в питомнике Подороги в Лысино, но этот бесценный опыт оказался утерянным в переломные для нашей страны времена.

С целью сохранения ценного пушного зверя на Камчатке был создан Петропавловский районный песцово-соболиный питомник. Им заведовал Рене Малэс, учёный-энтомолог из Швеции, прибывший на полуостров для научной работы в начале 1920-х гг. К началу 1928 г. питомник ещё создавался, в нём содержались одна самка и пять детёнышей-соболят. Увеличить численность питомцев Малэс планировал в наступающем охотничьем сезоне.

В питомник принимали и взрослых животных хорошего качества, за каждого платили до 200 руб. Предполагалось, что питомник станет источником «снабжения племенным материалом райо-

нов округа». Со временем намечалось увеличить их количество — в одном из северных районов Камчатки создать питомник для разведения песца, а в Усть-Большерецком районе — для выдры. Но были и противники разведения соболя в искусственных условиях. Так, работники кооперации Богомолов и Михалёв в статье «За неизсякаемые пушные богатства Камчатки» (орфография авторов), основываясь на многолетнем личном опыте охоты, отрицали возможность размножения соболя на пространствах заказников и заповедников. Такая ограниченная и безопасная территория привлекает внимание лис, но не соболей. Соболь не имеет постоянного места жительства, он беспрерывно перекочёвывает в поисках пропитания, ищет более свободную территорию, где меньше пищевых конкурентов. «Если бы дело обстояло не так, то в Кроноцком или Укинском заповедниках, за многие годы их существования, образовался бы невероятный запас соболя в несколько десятков тысяч» [1].

Важной мерой для сохранения и восстановления численности авторы считали плановые запуски соболя (то есть запрет добычи) через два года охоты. Первый запуск проводился в 1925/26 г. В этом году по всей Камчатской губернии было упромышлено 14 780 лисиц, что в два с половиной раза превысило ежегодную добычу этого зверя. «Если так пойдёт дальше, то начнёт исчезать не только соболь, но и лисица». Проект резолюции 1-го Окружного съезда Советов, опубликованный 22 августа 1928 г., гласил: «Провести одногодичные запуски: на все виды пушного зверя на территории Камчатского полуострова, начиная с охотничьего сезона 28/29 г. и затем периодически через год» [11].

До сих пор камчатские охотники и специалисты-звероводы считали, что гон соболя происходит весной, беременная самка носит детёнышей не более 52 дней. В январе 1932 г. окружное земельное управление получило телеграмму от Карла Густавовича Туомайнена из соболиного питомника на Соловках. Учёный заявил: «Гон соболя в июне — августе, щенение в марте — мае» [7]. Эту точку зрения поддерживал и профессор Пётр Александрович Мантейфель, утверждавший, что беременность самки соболя длится девять месяцев.

На страницах «Полярной звезды» развернулась бурная дискуссия о возможности расселения соболя на Командорских островах. Эту тему 1 марта 1928 г. в рубрике «В порядке обсуждения» впервые обозначил Ф. Л. Слободчиков. Он предположил, что горный рельеф и обильная кормовая база (морские птицы, рыбы)

Командор дают отличные условия для благополучного размножения этого ценного пушного зверя. Попытка разведения соболя на острове Карагинском в 1898 г. закончилась относительным успехом. Четыре пары животных успешно дали потомство, но были быстро истреблены нетерпеливыми охотниками...

Через две недели Слободчикову заочно ответил П. Т. Новограбленов. В заметке «Быть ли соболю на Командорах?» он указал на невозможность разведения хищника на островах. Причина: отсутствие необходимого лесного покрова (укрытиями для соболя служат дуплистые деревья), а также жёсткая пищевая конкуренция. Исконный обитатель Командор — голубой песец и новосёл соболь станут серьёзными соперниками в борьбе за пищу. Слабая особь не пройдёт естественный отбор, то есть соболь будет уничтожен более сильным песцом.

Слободчиков, не удовлетворившись ответом оппонента, 25 марта настаивал на своём: «Разведение соболя на Командорах вполне возможно, и он должен там быть». Он считал, что каждый хищник в природе наделён определёнными качествами. Соболь успешно охотится на зайца и птицу, песцу же это не всегда под силу. Кроме того, соболь, обитающий в расщелинах скал (так называемый «каменщик») обладает даже более ценным мехом, чем его лесной собрат...

Необходимость изыскания ресурсов для развития экономики государства заставило уделить внимание поиску альтернативных источников пушного сырья, так называемой второстепенной пушнины.

«Надо же, наконец, понять, что ценная пушнина ни в коей мере не будет удовлетворять советского потребителя вследствие того, что этот товар является экспортным и идёт исключительно за границу на приобретение машин. Второстепенная пушнина вполне может удовлетворять советского потребителя. Ибо имитационные фабрики превращают малоценную пушнину в ловкую изящную шкурку, которая не только удовлетворяет потребителя нашей страны, но и отдельные экземпляры её идут на иностранный рынок. Надо добиться того, чтобы имитация проникла на Камчатку и предупредила истребление первосортной пушнины для домашнего потребления (в настоящее время ценная пушнина истребляется на пошивку малахаев и прочее)» [2].

В изыскание новых объектов промысла (для внутреннего и, главным образом, внешнего рынка) было решено вовлечь широкие массы трудящихся. В январе 1932 г. Наркомвнешторг СССР объявил конкурс на поиск новых статей экспортной пушнины. При

успешном внедрении объекта на мировой рынок новатор мог получить премию в размере от 10 до 20 % выручки операций за первый год.

Работник Петропавловского районного отдела народного образования Дроздович одним из первых предоставил окружному экспортному совещанию экспонат меха селезней — крякового и гоголя. Представленные им экспонаты меха имели красивую окраску и удовлетворительную прочность. По словам охотника, «селезни кряква и гоголь водятся во всех районах Камчатского округа. Заготовку этой породы уток нужно производить с июня по ноябрь, так как в указанный период птица имеет брачную окраску головы (мех снимается с головы), а в остальное время голова окрашена в простое серое оперение. В зимнее время на Камчатке утка держится большими табунами на тёплых ключах, и общие возможности по её заготовке большие» [6].

Партия экспонатов была отправлена Камчатским окружным экспортным совещанием в краевой центр Хабаровск, Москву и даже за границу. Из всех этих мест получены ответы. Из центра сообщили, что новые объекты второстепенного экспорта имеют безусловный успех на заграничном рынке. За открытие новых объектов экспортное совещание поощрило Дроздовича премией в 500 руб.

Признание на международном рынке завоевала и рыбья кожа. Кожа дальневосточной сельдевой акулы использовалась за рубежом для обивки офисной мебели, автомобильных кресел и даже в качестве обоев. Весной 1933 г. обязательное постановление Крайисполкома определяло порядок съёмки рыбьих шкур и сдачи их Союзкоже. Рыбопромышленные организации должны заготовить в текущую путину через столовые шестьсот тысяч штук рыбьих шкур. Полученный материал намеревались отправить на Приморский кожевенный завод для переработки «на хром и на краснодубные кожи» [4].

Но, пожалуй, самым экстравагантными объектами внимания промысловиков стали домашняя кошка и амбарная крыса.

В выпуске «Камчатской правды», датированном 23 октября 1934 г., находим интересное объявление: «С 25 октября заготовительный пункт Дальзаготпушнины принимает крыс тушками. Цена одной тушки до 20 копеек. Стопроцентное отоваривание. Желающие могут получить для крыс ловушки». Воодушевившись этим призывом, 65-летний сторож свинарника Самсонов занялся активным истреблением грызунов. Используя черкан собственного

производства, а также несколько капканов и две специальные крысоловки, полученные в заготовительном пункте, он за десять месяцев истребил более трёх тысяч крыс! За свой героический труд сторож получил премию и грамоту ударника. Работа Самсонова отмечена как имевшая большое значение: «Во-первых, он сдаёт шкурки крысы и создаёт известную ценность, нужную государству, во-вторых, он уничтожает крайне вредного грызуна, наносящего общему нашему хозяйству небросающийся в глаза, но огромный убыток» [12]. Поделиться опытом и поведать секреты охоты на крыс ударник обещал всем желающим.

К добыче второстепенной пушнины привлекали и школьников. Областной отдел народного образования в ноябре 1934 г. дал указание всем школам об организации детских бригад для лова горностаев, зайцев, крыс. Опережая время, в ноябре 1932 г., ученики Малкинской школы первой ступени, организовавшись в детскую охотничью бригаду, взяли на себя обязательство поймать 22 «горнока» и сдать их Петропавловскому кооперативу. Бригадир Гриша Гарднер от лица энтузиастов вызвал на социалистическое соревнование учеников Паратунской, Елизовской, Авачинской, Корякской и Мильковской школ [3]. 1 марта промысел был завершён. Детская охотничья бригада, состоящая из 11 чел., перевыполнила намеченный план, предоставив кооперативу не только шкурки загадочных «горноков», но и более десятка шкур собак и домашних кошек. Соперничать с удачливым Гришей Гарднером и его командой не отважилась ни одна школа.

Пушными заготовками в Камчатской области начала 1930-х гг. занимались две организации — Дальзаготпушнина и Интегральная кооперация. Работа пунктов по приёму пушнины в районах полуострова зачастую вызывала нарекания. «Пушнина упакована комом. Первосортная экспортная пушнина отправляется в одном мешке с необезжиренными шкурками лисиц. Шкурки соболей не выворочены. Загрязняются, гниют и в итоге теряют свою ценность до 50 %» [5]. Зачастую приёмщики не обращали внимания на такие дефекты, как разрывы, обрывание лапок, зольность, загрязнение шкурки. Для повышения профессионального уровня приёмщиков предлагалось организовать отделение по подготовке «пушных работников» при педагогическом техникуме или советско-партийной школе. Учащиеся могли бы получать не только теоретические знания, но и практику по счетоводству, учёту и сортировке пушнины.

Охотник-промысловик сдавал добычу в колхоз. Именно колхозы приносили казне 80 % продукции пушного промысла. За услуги,

оказываемые охотнику и его семье (предоставление нарт, снабжение дровами и сеном), колхозы взимали отчисление с сумм сданной пушнины. Так в Соболевском районе удерживали 40 % от дохода охотника, в Мильковском — фиксированное отчисление в 10 % дополнялось удержанием средств по себестоимости предоставленных услуг (нарта — 80 коп. в день, корм — 30 коп. в день).

Стимулом для успешного поступления добытой пушнины в райинтегралсоюз являлось своевременное и полноценное снабжение охотников необходимыми товарами, «привлекательными для туземцев». Этой цели в полной мере отвечали ярмарки, их оборот в 1932 г. намечен в 70 000 руб. «Успешное проведение этих ярмарок будет зависеть от того, насколько они будут снабжены товаропродуктами и охотничьими припасами, а главным образом, подбором товаров» [10].

В рамках действовавших ярмарок проводились культурно-массовые и спортивные мероприятия (выступления с докладами, демонстрации кинофильмов, гонки — состязания на ездовых собаках, соревнования по стрельбе из охотничьих ружей) и даже медицинское обслуживание населения и ветеринарный осмотр животных. И сквозь суровые камчатские пейзажи шла пушнина красными обозами...

Имела место и любительская охота, добытая дичь также подлежала сдаче в казну, в дальнейшем поступая на продовольственный рынок и в столовые. Порох, дробь и другие боеприпасы непрофессиональные охотники получали в охоттовариществе. В ноябре 1933 г. оно прекратило существование, и любительская охота пришла в запустение. «Двинуть армию любителей на охоту» — решил торговый отдел городского интегралсоюза.

Конец 1920-х — начало 1930-х гг. — это время активного развития экономики молодого советского государства. Осваивались новые ресурсы, воплощались в жизнь передовые идеи, многие из которых покажутся современному поколению совершенно невероятными. Пройдёт совсем немного времени, и в страшные годы Великой Отечественной войны охотники Камчатки (коренные жители, а также пенсионеры, женщины и подростки) внесут свой вклад в укрепление боевой мощи Родины, добывая ценных пушных зверей для Фонда обороны страны.

Чуть снежок, ты уж в сопки летишь,
Добывать для семьи кусок хлеба.
Часто долгие ночи не спишь
И, озябши, дрожишь средь открытого неба.

Бродишь днями, кругом только скалы...
Неудачи, лишенья несёшь,
И, вернувшись в палатку усталый,
Чай без сахара долго ты пьёшь...

Н. Трущоба, 1928 г.

Источники

1. *Богомолов, Михалёв*. За неиссякаемые пушные богатства Камчатки // Полярная звезда. — 1928. — 9 авг., № 63.

2. Второстепенный вид пушнины — в повестку дня // Камчатская правда. — 1932. — 21 янв., № 5.

3. *Гарднер Г*. «Не менее 145 горноков!» // Камчатская правда. — 1932. — 4 янв., № 93.

4. *Липранди К*. Заготовляйте рыбные шкуры! // Камчатская правда. — 1933. — 14 мая, № 63.

5. Не гнаться за голой цифрой. Надо позаботиться о качестве! // Камчатская правда. — 1932. — 20 марта, № 18.

6. *Николаев*. Первая ласточка // Камчатская правда. — 1932. — 1 апр., № 22.

7. Новое в биологии соболя // Камчатская правда. — 1932. — 21 янв., № 5.

8. *Пименов Н*. Белка на Камчатке // Полярная звезда. — 1929. — 16 июня, № 46.

9. *Пименов Н*. Пушное звероводство // Полярная звезда. — 1928. — 15 марта, № 22.

10. Пушные ярмарки провести организованно // Камчатская правда. — 1932. — 21 янв., № 5.

11. Проекты резолюции Первого окружного съезда Советов // Полярная звезда. — 1928. — 22 авг., № 65.

12. Сторож Самсонов сдал 3 000 шкурок крысы // Камчатская правда. — 1934. — 3 нояб., № 254.

13. *Стеллер Г. В*. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. — 576 с.

Т. С. Зайковская, Д. В. Зенг

Малоизвестные сказки народов Камчатки

Память предков даёт человеку уверенность в будущем, помогает выжить в самые тяжёлые времена. Малые народности Камчатки веками учились гармонично существовать в сложных климатических условиях, они бережно создавали собственную культуру, жили с благодарностью к своей земле. В их фольклоре хранится огромная мудрость. И для всех нас очень важно эту мудрость сберечь.

Почему мы решили изучать малоизвестные сказки народов Камчатки? Они интересны не только малышам, так как остаются с людьми на протяжении всей жизни. Изучая публикации в камчатских газетах XX в., мы нашли сказки и легенды, которые никогда не публиковались в отдельных сборниках. Сегодня много сказок, мифов и легенд из фольклора камчатских народностей остаются неизвестными и малодоступными широкому читателю. В проекте туристического клуба «Альтаир» Камчатского дома детского и юношеского туризма и экскурсий мы занимаемся исследовательской частью по подготовке к изданию сборника малоизвестных сказок. Нам помогают: филолог, исследователь камчатского фольклора кандидат филологических наук, доцент, почётный профессор Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга А. А. Гончарова и журналист, краевед А. В. Петров.

Работа с газетным фондом велась в Камчатской краевой научной библиотеке имени С. П. Крашенинникова и в Государственном архиве Камчатского края. Также изучались научные и смежные источники: фольклорно-этнографический материал в книгах С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» [6], Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки» [17], А. А. Гончаровой «Мифология и фольклор коренных народов Камчатки» [2] и изданные ранее сборники сказок: «Камчатские сказки» [7], «Корякские и ительменские сказки» [8], «Сказки бабушки Петровны» [11], «Куткынняку» [12] и другие.

Изучив эти материалы, мы пришли к выводам:

— главным героем камчатского фольклора являются ворон Кутх — прародитель Камчатки, а также его семья;

— в местных сказках люди выходят на борьбу со злыми духами и побеждают благодаря собственной смекалке и силе;

— шаманы представлены как помощники простых людей, но в то же время они могут быть хитрыми и злыми;

— животные и растения в сказках камчатских народов наделяются человеческими качествами.

Мы выяснили, что первые записи ительменских фольклорных текстов были сделаны Г. В. Стеллером ещё в середине XVIII в. У С. П. Крашенинникова в книге «Описание земли Камчатки» в главе «О боге и сотворении земли по их мнению» есть размышления ительменов о появлении земли и записи нескольких мифов об этом и о первых существах, заселивших землю. Книга Крашенинникова — очень ценный документальный источник, показывающий быт ительменов и их понимание мира в середине XVIII в.

Тогда же была создан и труд Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», где в главе «О религии ительменов» автор писал: «У ительменов столько гнусных и смешных рассказов про своего Кутху, что ими одними можно было бы наполнить целую книгу» [17]. Г. В. Стеллер привёл ительменские сказки, сюжеты которых он записал, наблюдая быт и жизнь ительменов во время своей знаменитой экспедиции.

Г. В. Стеллер первым попытался проанализировать восприятие ительменами образа мира: «Ительмены почитают много богов и верят, что эти боги прежде многим показывались и до сих пор ещё являются людям. Поэтому в их языке отсутствует слово “дух” и у них нет самого понятия ни о духе, ни о разумном познании бога и божества. Между тем среди своих выдуманных богов они, по-видимому, всё-таки признают разделение по старшинству и наличие некоторой субординации» [17]. В записях Г. В. Стеллера сказочные сюжеты вообще не разделены, они записаны одним потоком эпизодов. Главный герой в этих сказках — создатель камчатской земли и прародитель ительменского народа ворон Кутх.

Мы узнали, что приключения Кутха (Куткынняку) ительмены и коряки воспринимали как само течение жизни — бесконечное и цикличное, не разделяя эти истории на отдельные временные отрезки. В записях Крашенинникова и Стеллера отмечается, что ительмены могли часами рассказывать истории про Кутха.

Мы попытались понять, как появились сказки на нашем полуострове. Камчатские аборигены жили в очень суровых условиях. Они добывали себе пропитание: ловили рыбу, пасли оленей, собирали дары природы. Мы видим, что они зависели от сил природы, порой были бессильны перед стихией. Вот они и придумывали самые фантастические объяснения явлениям окружающей среды, наделяя деревья и растения, некоторых людей сверхъестественными свойствами. На Камчатке много вулканов, и конечно же это должно было отразиться в фольклоре: обитателями вулканов местные жители считали духов — гамулов.

Сказки о похождениях ворона Кутха, его жены и детей занимают главное место в сказаниях коренных народов Камчатки. По мнению Стеллера, главной отличительной чертой корякскокамчадальского фольклора являлся весёлый, насмешливый характер. О вороне Кутхе есть истории, как он воевал с мышиными девчонками; как поджёг свой собственный дом; как влюбился в своё отражение в реке, приняв его за женщину; как стал свататься, нырнул в реку и утопился. Иногда Кутх представлен в сказках

как человек, иногда — как ворон. В сказках допускаются насмешки над Кутхом, но при этом он считается Вороном-творцом, сотворившим небо и землю. По убеждениям коренных жителей Камчатки, именно Кутх создал человека, добыл для него огонь, потом даровал ему зверей для промысла. Ворон в представлениях местного населения был способен переустраивать мир, восстанавливать погоду, помогать сбору дикоросов и многое другое.

Туземцы часто обращались за помощью к шаманам. Они думали, что те могут не только общаться с духами, но и управлять ими. Считалось, что шаманы могут помогать рыбакам и охотникам, управлять природой, справляться со злыми духами, из-за которых и происходили все несчастья. Шаманы же были хитрыми и умными, они использовали накопленный всем обществом опыт и познания о силах природы. Они — настоящие психологи своего времени, и в камчатских сказках это отражено.

Значительное место в камчатском фольклоре уделено животным, наделённым человеческими качествами, общающимся с людьми. Древние жители Камчатки жили в гармонии с природой, они искали взаимопонимания с животными и растениями. Поэтому герои камчатских сказок часто перевоплощаются в растения и животных. Даже явления природы и неживые предметы в мифологии одухотворяются. В сказках человек чаще всего дружит с животными, которые, в свою очередь, умеют думать и говорить, строят дома, готовят пищу.

При подготовке исследования мы консультировались с Антониной Алексеевной Гончаровой, долгие годы исследовавшей камчатский фольклор. Она организовала и провела ряд экспедиций, поэтому её советы и рекомендации по работе над текстами сказок были для нас особенно ценны. Большим подспорьем стала глава «Сказки. Мифологические сказки о Кутхе и его семействе» из методического пособия А. А. Гончаровой «Мифология и фольклор коренных народов Камчатки» [2].

Изучая сказки, собранные при работе с камчатской периодической печатью XX в., мы попытались выяснить, насколько в них сохранялись сказочные традиции прошлых веков, описанные первыми исследователями Камчатки.

Так как одним из главных героев указывался Кутх, мы решили найти сказки о нём. В газете «Заря коммунизма» за 1963 г. обнаружена корякская сказка «Не надейся на ворона». В редакционном предисловии к ней говорилось: «Много преданий, легенд и чудесных сказок хранится в памяти чукчей и коряк. Из уст в уста

передавали произведения народного творчества сказители. И до сих пор в Тигиле и Седанке, Пахачах и Хаилине, Оклане и Манилах находятся любители фольклора. Для нас велика ценность каждой сказки. В бесхитростных легендах мы узнаём о прошлом, надеждах на будущее, наконец, о культурном развитии народов Севера» [14].

В сказке «Не надейся на ворона» имя Кутха не упоминается. Можно предположить, что в советское время Кутху было отказано в прародительстве, так как даже традиционные верования туземных народов не приветствовались, потому он стал простым вороном, даже не с прописной буквы. Ворон представлен как обманщик. Начинается сказка с утверждения, что он — вестник беды: «Теперь мы знаем, что ворон приносит несчастье. Он, как чёрная туча, предсказывает беду. И добра от этой птицы не жди. А раньше ворону верили» [14]. Из последней фразы становится понятно, что отношение к ворону изменилось в последние времена. История повествует о том, как ворон обманул надежды людей, пообещав им помочь сберечь оленье стадо, но обещания своего не выполнил, с тех пор и разочаровались люди в нём.

В другой сказке — «Звёздочка сокола» (из корякских сюжетов) — ворон предстаёт подхалимом:

«В это время показался входящий ворон.

— Простите, побеспокоил, — с подхалимством крякнул он, — сколько раз я собирался осмелиться залететь к вам, красавица. Поймите, без подруги скучно, хочу жить не одиноким хвастуном... Всё для тебя, дорогая, всё я смогу добыть, — похвалился ворон и вприпрыжку выбежал из юрточки»;

и вором, укравшим звёздочку, добытую соколом для своей невесты:

«Вот где моя звёздочка! — радостно воскликнул он, — а я искал, искал, оказывается ты, чёрный плут, украл, — и, ударив ворона грудью, сокол выгнал его из юрточки» [4].

В ряде сказок главными героями являются старик Кутх и его жена Митта, но представлены эти герои как простые люди, а не семья воронов. Так, в сказке «Мейинкух непокорный» рассказывается: «Давно это было. Жили старик со старухой; старика звали Кутхом, а старуху — Митта. Смолоду они жили бедно, детей у них не было. Только под старость у них родился сын, которому они дали имя Мейинкух. Мейинкух вырос сильным, ловким и смелым» [13].

Герой сказки наделён необыкновенными качествами великана и силача, он изображён как герой, который «не думал об опаснос-

ти, а думал о своём народе, о походе к океану, чтобы высвободить невольниц. Тело силача каменело от ледяной воды». Мы видим, что в фольклоре можно найти отсылки ко многим топографическим понятиям: в рассмотренной сказке даётся объяснение названию утёса Мейинкух.

В сказках, записанных в XX в. и опубликованных в камчатской периодической печати, заметна склонность утверждать, что человек не зависит от духов, от сил природы, что он сам может справиться с бедами и напастями, например, в «Скале воинов», обработанной известным камчатским краеведом Прокопием Трифоновичем Новограбленовым. Сказка предуведомлена маленьким предисловием, показывающим отношение собирателя фольклора к историческим событиям. «В конце 17-го столетия "землепроходцы"-казаки, утвердившись в Анадыре, прослышали про Камчатку. Ненасытная жажда приключений и желание овладеть мехами морского бобра и соболя повели пятидесятника Владимира Атласова на юг. Казаки, предавая всё на пути огню и мечу, вторглись в 1665 г. в Северную Камчатку и здесь встретили сильное сопротивление со стороны коряк.

Воинственные коряки прекратили междоусобные войны и храбро стали сражаться с "огненными противниками", но, убедившись в невозможности остановить врага, они укрылись в своих крепостях» [15].

Устные предания до сих пор говорят об этой страшной борьбе, а развалины укреплённых мест свидетельствуют о кровавом шествии казаков на юг, к соболю и морскому бобру. Так представил сюжет сказки Новограбленов. Сказка эта не имеет характеристик, свойственных фольклору коряков, о героизме которых в ней рассказывается. Она больше похожа на быль, сохранившую свидетельства мужества аборигенов, сопротивлявшихся заселению Камчатки казаками.

Для сказок, опубликованных в камчатских газетах, характерно высмеивание низких человеческих качеств (иногда ими наделяются и герои-животные). В корякской сказке «Жадная жена» уже из заголовка видно, какой порок высмеивается. Здесь достоверно переданы подробности быта корякского народа, традиционные занятия, такие как охота на медведя:

«Навела жена ружьё на медведя, и Пойтле выстрелил. Медведь вскрикнул и упал.

— А-а, кажется, попал, — говорит Пойтле.

— Какой там попал! Убежал! — обманула мужа Кала.

— Да? Жаль, но ничего не поделаешь, — поверил ей Пойтле. Тайком Кала разделала медведя и тайком оставила только для себя, а мужу одну юколу давала» [3].

Интересна приписка, указывающая источник: «Записал со слов бригадира-оленевода Инылова учётчик первой бригады колхоза “Восход” Кавав Когигинович» [3].

Наиболее частыми героями сказок становятся животные. И даже в тех, где они не являются главными героями, действуют наравне с людьми и духами. Конечно же, медведь — одно из главных лиц камчатского фольклора, и это не удивительно. Но обнаружилось, что большинство сказок повествует о... лисице. Так, в газете «Корякский большевик» была опубликована корякская сказка «Старик и лисы», записанная И. Зверевым в Озёрной в феврале 1948 г. В ней передаётся сюжет, обычный для сказок многих народов о хитрой лисе. Но здесь есть характерные именно для коряков подробности об оленеводстве и рыболовстве. Интересно, что лисы в тексте разделены на чернобурых и рыжих, хотя обычно их не различали. Явная идеологическая окраска советского времени присутствует в начале: «При губернаторской власти, когда у нас в тундре не было колхозов, плохо жилось нашим нымыланам — одиноким никто не помогал, только обижали то приезжие американские купцы, то свои богатеи-кулаки. В то время, приятель, пожалуй, и сложил наш корякский народ эту сказку» [16].

В сказках о лисице, опубликованных в газетах XX в., один и тот же сюжет использовался в разных вариантах, но записывался с отличающимися подробностями, видимо, додуманными собирателями фольклора. Так, например, сказка «Ламут и лиса» представлена в обработке Б. К. Борысевича:

«Лиса предложила помочь пасти оленей старику-ламуту, который пожаловался на то, что они со старухой не справляются с этой работой. Лисица, вместо того чтобы сохранять стадо, перебила всех оленей и набила их шкуры мхом.

— Ну, как пасёшь табун? — спросил старик, найдя лису.

— Ой, хорошо! Жирные стали! Любо смотреть! Гляди сам.

Посмотрел ламут и ахнул. Нет табуна, только шкуры, мхом набитые.

— А, так вот как ты мне помогла! — рассердясь, закричал старик и бросился на лису, но та вильнула хвостом и убежала».

Вывод из этой сказки как будто взят из сюжета русских народных: «За это всех лис буду бить! — поклялся ламут. И с тех пор ламуты бьют лис, а они боятся людей...» [9].

КАВАВ И ЛЕЛЯНА

(Корякская сказка)

Жила в одном табуне семья. В семье было три человека. Кавав, его жена Леляна и шестилетний сын Каватта. Кавав отличался от других пастухов силой, ловкостью и слыл в бригаде хорошим охотником. Леляна была его трудолюбивой женой. К тому же она славилась красотой. Среднего роста, стройная, черные, как ночь, раскосые глаза, длинные черные косы. Особенно была она красива во время подвижного национального танца. Все в руках Леляны спорилось. В юрте всегда было чисто и уютно. Вкусная пища. Кухлянки были так искусно расшиты бисером ее умелыми руками, что любая корячка позавидовала бы ее мастерству. Быстро ставила она юрту, натягивала полог. Так вот они и жили.

Кончился ягель, семья решила кочевать на другое место. Быстро сняв юрту, собрав вещи и погрузив их на аргизы, двинулись в дорогу.

Недалеко от стоянки жила женщина Китна, которая решила отнять мужа у Леляны. Китна и решила подстеречь аргизу Леляны. Едет Леляна с сыном, напевает песню о красивой будущей жизни, а Кавав идет впереди с табуном.

Вдруг песня оборвалась: какая-то женщина заткнула рот жены тряпкой и сбросила ее на снег. Сама же переоделась в одежду Леляны и заняла ее место.

Едет Китна с мальчиком, а сзади медленно идет Леляна со скрученными руками и заткнутым ртом.

Доехали до места, Кавав и говорит:

— Ну, давай, жена, ставить юрту.

Китна возмется то за одно, то за другое, ничего не получается. Он посмотрел на нее с укором и спросил: «Что с тобой, жена, случилось, ведь ты умела быстро ставить юрту, а почему сейчас не можешь?» Китна ответила молчанием.

Кое-как поставили они юрту. И снова жизнь пошла своим чередом, но с большими изменениями. Не стали больше носить красивых кухлянок, торбасов и малахаев Кавав с сыном. Не слышно стало веселых песен Леляны. Кавав и не догадывался о случившемся. Раз вечером мальчик вышел на улицу и вдруг услышал знакомый голос: «Сынок!» Мальчик обернулся. Недалеко от юрты стояла женщина. Он отпрянул и повернул в юрту, но женщина задержала его: «Сынок, родной, погоди, ведь я твоя мать, а не та женщина, она вам чужая. Как живешь?»

Мальчик посмотрел внимательно на женщину и узнал в ней родную мать. С той поры он каждый вечер стал носить матери есть. Женщина заметила, что каждое утро недостает то куска мяса, то сала и сказала об этом отцу.

Отец ответил: «Худо будет тому, кто крадет наше добро».

Женщина обрадовалась, решила подкараулить мальчика. Она догадалась, кто носит мясо и кому.

Вот наступил вечер, мальчик вышел из юрты с куском мяса. Не успел он отойти от юрты, как грубые руки схватили мальчика и стали бить по лицу. На крик мальчика прибежал отец. Тут-то сын и открыл тайну свою.

— Папа, не бей меня, я ведь это моей родной маме ношу, пойдем к ней.

Отец с сыном пошли к Ляне. Кавав узнал свою жену и стал расспрашивать, как все случилось. Жена ему все рассказала, и он тут же решил наказать ту женщину, которая столько времени его обманывала.

Связали они Китну и отвели далеко от юрты. Разожгли костер, привязали они ее к шесту и сожгли. А Кавав с семьей, счастливый и радостный, пошел к своей стоянке.

Записала К. ПРИТЧИНА.
с. Белоголовое.

Лисица—пастух

Давно это было. Жили в одной юрте старик Куйкинаху и старуха Мытты. Они имели много оленей, а пасти их было некому.

Вот старуха и говорит старику:
—Как же мы будем жить старик? Нам надо и рыбы на зиму надо ловить и оленей пасти, а нас только двое, да и старые мы.

—Не беспокойся, старуха. Мы найдем хорошего пастуха. Завтра я пойду к лисам и попрошу у них помощи. А за это мы дадим им обувь, одежду, что надо все дадим и будет у нас настоящий пастух. Так и решили позвать лису пастушить.

Пришла лиса в табун пастушить. Первые дни хорошо трудилась. Старику и старухе понравилось её старательное пастушество.

— Вы, дедка и бабка, идите рыбу ловить себе на зиму,—говорит им лиса,—а я погоню оленей на лето пасти в хребты и вернусь осенью; олени к тому времени будут жирныи. Так и решили. Старик со старухой пошли рыбу ловить, а лиса осталась пастушить.

Как только ушли из табуна старики, лиса стала каждый день резать оленей. И не успели пройти летние дни, как лиса забила всех оленей.

Вот однажды пришла лиса к старикам, они и спрашивают её:
—Ну как, жирные стали олени?

—Очень жирные стали,—отвечает лиса. Старик и старуха обрадовались этому и поставили лисе хорошее угощение—юколу и рыбьи кислые головы.—Кушайте,—говорит старик лисе,—а я пойду посмотрю оленей.

Отошел старик от юрты и видит: все его олени лежат на тундре. Потревожит старик олени ногой—олень рассыпится. И так все. Жалко стало старику оленей.
—Проклятая лиса всех моих оленей погубила. Сейчас пойду и убью её. С этими словами старик пошёл к юрте. Не дойдя ещё до юрты, он стал кричать старухе:
—Держи лису, старуха, мы её убьем! Она у нас всех оленей погубила! А старуха была глухая, она спрашивает у лисы:—Что кричит старик?—Она говорит, что олени все жирные и хорошие,—отвечает ей лиса, а сама тем временем выскочила из юрты.

Не успел старик схватить её, а поймал только за кончик хвоста, который и остался у него в руках.

Записал Айя Акеевич.
Сданка Кочевая.

Корякские сказки, опубликованные в газетах «Заря коммунизма», 18 октября 1964 г. (сверху) и «Корякский большевик», 15 декабря 1945 г.

В газете «Корякский большевик» в 1945 г. была опубликована записанная Айей Акеевичем из Седанки Кочевой сказка «Лисица-пастух», повторяющая сюжет сказки «Ламут и лиса», но герои здесь — старик Куякинаху и старуха Мытты, и они предстают не в образе семейства ворона, а простыми людьми. По содержанию сказка отличается от предыдущей, но вывод в ней тот же — человек и лиса стали враждовать:

«— Держи лису, старуха, мы её убьём! Она у нас всех оленей погубила!

А старуха была глухая, она спрашивает у лисы:

— Что кричит старик?

— Он говорит, что олени все жирные и хорошие, — отвечает ей лиса, а сама тем временем выскочила из юрты. Не успел старик схватить её, а поймал только за кончик хвоста, который и остался у него в руках» [10].

В сказках коряков и ламутов часто встречаются упоминания об оленях, ведь оленеводство было и остаётся традиционным занятием этих народностей.

Что особенно отличает сказки, опубликованные в газетах советского времени? Все они содержат или предисловия, прославляющие советскую власть, или в сюжет вписаны строки, что та принесла освобождение от гнёта богачей. Так, в нымыланской сказке «Аппанан», записанной Кириллом Килпалиным и опубликованной в газете «Корякский коммунист» в 1960 г., читаем:

«Вот он, Аппанан. Счастливый край, — восторженно сказала Кама, и запела она песню чудесную, что как родниковая холодная вода струится, такую звонкую, звонче жаворонка. Она пела, как раньше жили, как народ освободился от богачей, как отстояли свою свободу от огня, великого пожара. Она пела песню о сегодняшнем дне» [1].

В корякской сказке «Кавав и Леляна» [5] приведено подробное описание быта в табуне. Сюжет очень напоминает русские народные сказки о красавице-жене и подменившей её злой колдунье. Настоящая жена шила красивые кухлянки и торбаса, готовила вкусную еду. А колдунья развалила всё хозяйство оленевода. Как в любой сказке, добро здесь восторжествовало, и красавица-жена вернулась в юрту, где вновь воцарились порядок и любовь.

Подводя итоги, попытаемся ответить на главный вопрос исследования: насколько в сказках, записанных собирателями в советское время, сохранялись традиции прошлых веков, описанные первыми исследователями Камчатки?

Можно прийти к выводам:

— основные сюжеты оставались неизменными;

— в сказки или в предисловия к ним часто вносились идеологизированные добавки;

— одухотворение животного и растительного мира сохранялось, а значение потусторонних сил — снижалось, при этом превозносился человеческий дух, способный преодолеть любые неземные силы.

Сказки, опубликованные на страницах камчатских газет XX в., имеют ряд характерных черт мифов и сказок, упомянутых первопроходцами, но отличаются от них. В этих сказках встречаются противоположные мнения; то, что утверждается в одной, может опровергаться в другой. Например, в одной ворон изображён всесильным, в другой — немощным, смешным и слабым. В сказках можно увидеть довольно точные описания быта коряков, чукчей, камчадалов, ительменов и эвенов.

Наше исследование было представлено на Всероссийском конкурсе исследовательских краеведческих работ «Отечество». Оно стало основой для новой экскурсии в музее средней школы № 41 г. Петропавловска-Камчатского и буклета. Сборник «Малоизвестные сказки народов Камчатки» сейчас готовится для публикации в книжной серии «Камчатка в газетной строке».

Источники

1. Аппанан // Корякский коммунист. — 1960. — 4 дек., № 145.

2. *Гончарова А. А.* Мифология и фольклор коренных народов Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2014.

3. Жадная жена // Заря коммунизма. — 1963. — 16 марта, № 33.

4. Звёздочка сокола // Корякский большевик. — 1948. — 21 апр., № 62.

5. Кавав и Леляна // Заря коммунизма. — 1964. — 18 окт., № 128.

6. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994.

7. Камчатские сказки / в 2-х кн. — Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2017.

8. Корякские и ительменские сказки. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2017. — 95 с.

9. Ламут и лиса // Советская Камчатка. Альманах (приложение к газете «Полярная звезда»). — 1930. — Янв., № 1.

10. Лисица-пастух // Корякский большевик. — 1945. — 15 дек., № 184.

11. *Лукашкина Т. П.* Сказки бабушки Петровны. — Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1999.

12. *Малюкович В.* Куткыняку. — Петропавловск-Камчатский: Белый шаман, 2001.

13. Мейинкух непокорный // Корякский большевик. — 1945. — 15 дек., № 184.
14. Не надейся на ворона // Заря коммунизма. — 1963. — 6 апр., № 42.
15. Скала воинов // Советская Камчатка. Альманах (приложение к газете «Полярная звезда»). — 1930. — Янв., № 1.
16. Старик и лисы // Корякский большевик. — 1948. — 1 мая, № 67—68.
17. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.

Т. С. Зайковская, А. В. Петров

Театр на нартах

«...В Петропавловске мы познакомились также с Леонидом Всеволодовичем Дзерожинским — человеком, пламенно влюблённым в Камчатку. Он руководит Камчатским областным передвижным кукольным театром. На нартах, на самолётах, на пароходах, на катерах, на лодках объездил он вместе со своей маленькой труппой самые глухие углы Камчатки.

В составе этой героической труппы: Борис Петрович Невежин, Пётр Васильевич Голынский, Зинаида Даниловна Котельникова и Елизавета Андреевна Сахарова. Кукловоды, массовик, баянист. Дзерожинский раскладывает перед нами карту, на которой вычерчены маршруты театра. С 1937 г. театр несёт искусство детям Камчатки.

Самая интересная поездка театра была в 1938 г., когда президиум областного исполкома решил послать его в Чукотский национальный округ.

Что везти? С каким репертуаром ехать?

У кукольного театра был только русский репертуар.

Списались с Институтом народов Севера. Получили оттуда чукотскую сказку “Жадный ворон” и корякскую сказку “Хозяин и пастухи”. Сказки эти старые, записаны они ещё Таном-Богоразом...

Целую ночь жадно читал я в маленьком деревянном домике “Камчатской правды” под мурлыкание строгого камчатского кота Кузьмы путевой дневник четырёх советских артистов, эту повесть о героических странствиях мастеров, нёсших искусство и культуру туда, где до сих пор никогда не бывал ни один театр.

Сказки, богатые своей народной мудростью, легко воспринимались кочевниками и были проводниками социальной правды в самых далёких углах Камчатки.

Четыре советских артиста делают своё дело, странствуя на собаках. То было плохо с кормом для собак, то пурга заставляла остановиться на ночлег в тундре. Забрался театр даже туда, где ещё сильно влияние шаманов. Мест таких мало, влияние это ничтожно, но всё же оно ещё существует. В Кичиге, например, пришлось показывать куклы перед ширмой, потому что шаманы распространили по тундре слух, что куклы действуют волшебством. В Анапке пробирались по долу, ветер в котором достигает такой силы, что иногда сносит нарты с собаками, людьми, табуны оленей — прямо в океан...

В Хайрюзове один из жителей записал: "...Желаю, чтобы кукольный театр на следующий раз поставил пьесу «Ревизор» и много других пьес. Я благодарю Иосифа Виссарионовича Сталина и тех, кто ставил эти пьесы. *Меркушев Михаил*"» [14].

Эта пространная цитата — из огромного очерка Исаака Экслера «Камчатка», опубликованного в четвёртом и пятом номерах «Нового мира» за 1940 г.

Эти строки мы читаем в пожелтевших фоторепродукциях, вклеенных в старый альбом для фотоснимков.

Именно об этом альбоме и пойдёт речь.

Художественный руководитель современного Камчатского театра кукол Алексей Казаков обнаружил в музее Государственного академического центрального театра кукол имени Сергея Образцова альбом, под чёрным ледериновым переплётом которого скрывались не только фотоснимки, но ещё и вырезки из газет и журналов, и машинописные воспоминания руководителя первого на Камчатке театра кукол Леонида Дзерожинского, и подробные сведения об этом театре, и карта поездок артистов, и даже отзывы северян и гостей полуострова.

Так как мы — составители вышедшего в 2022 г. в издательстве «Камчатпресс» в рамках книжной серии «Камчатка в газетной строке» сборника «Мельпомена в краю вулканов. Театральная жизнь Камчатки в XX веке. 1916—1945», сотрудники Камчатского театра кукол предоставили нам электронную версию этого удивительного альбома.

Открывается альбом небольшой статьёй В. Бирюкова, опубликованной в газете «Советское искусство»:

«Театр, организованный в 1935 г. в Петропавловске, при облОНО, за два года своей работы побывал в самых отдалённых и глухих местах Камчатки. Зимой театр передвигался на собачьих упряжках, которыми управляли сами актёры...

Театр показывал спектакли в школах, юртах, землянках, на открытом воздухе. За два года своей работы театр обслужил 160 селений и кочевий и организовал (в Соболево, Усть-Камчатске, Большерецке, Мильково) детские кукольные театры.

Зрителями театра были не только дети, но и взрослые. Среди них — немало кочевников» [1].

На этой же странице альбома мы видим три фотопортрета — инициатора создания театра кукол Гаврилы Гловацкого, организатора театра Леонида Дзерожинского и режиссёра Александра Корнилова.

Почему Гловацкого называют инициатором? Обратимся к камчатской периодической печати 1935 г.:

«Главный режиссёр Камчатского драматического театра товарищ Г. В. Гловацкий закончил в Москве формирование пополнения труппы. Приглашены: 10 человек артистов драмы, четыре человека артистов кукольного театра, скрипач и костюмерша. 5 октября артисты выезжают из Москвы в Петропавловск» [13].

«С пароходом “Ильич” приехали новые актёры — пополнение труппы городского драматического театра... Вместе с пополнением в драму прибыли артисты передвижного кукольного театра под руководством арт. Дзерожинского» [11].

А уже 28 ноября 1935 г. в «Камчатской правде было опубликовано объявление: «...кукольному театру требуются три нарты собак, шесть кукулей, торбаза, чижи, меховая одежда» [10].

24 января 1936 г. кукольный театр дал первый спектакль — в Елизово: «Помещение елизовской школы было заполнено учащимися, которым показали пьесу “Колобок”. 25-го ребята смотрели пьесу “Синьор Помидорчи”. Третий спектакль состоялся 26 января. На нём присутствовало взрослое население села. Для взрослых шла также пьеса “Синьор Помидорчи”» [6].

Потом в альбоме размещены занимающие восемь страниц воспоминания Леонида Дзерожинского «За пять лет (с 1935 по 1940 год»). И опять мы не можем обойтись без долгого цитирования:

«В 1935 г. я создал театр кукол для народностей, населяющих Камчатку и Чукотку (до 1951 г. Чукотка входила в состав Камчатской области. — *Авт.*). Я полагал, что ни один профессиональный театр в человеческом плане не сможет проникнуть вглубь национальных районов; портативный же театр кукол в составе четырёх-пяти актёров, используя местные средства передвижения (собак и нарты), легко может передвигаться и проведёт большую культурно-просветительную работу.

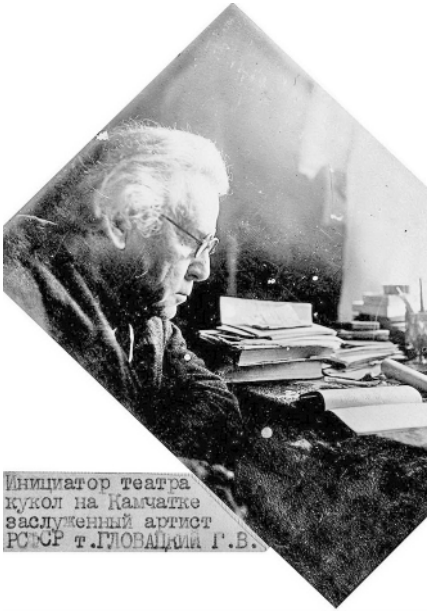
Возможность обслуживания театром районов Крайнего Севера на собачьих упряжках явилась впервые применённым опытом, который за пять лет превратился в реально существующий театр, утверждённый в настоящее время Советом Народных Комиссаров.

Театр с 1936 г. стал прокладывать маршруты по западному и восточному побережью полуострова, внося радость и оживление в самые отдалённые глухие уголки. Зимою в условиях камчатского бездорожья театр мог передвигаться исключительно на собачьих упряжках, которыми научились управлять сами актёры. Такое передвижение требовало от людей большой выносливости, когда приходилось передвигаться в условиях постоянной пурги или морозов, преодолевать большие расстояния (до 450 километров) без какого-либо человеческого жилья, часто ночуя на снегу, или в палатке, или просто на нартах в спальных меховых мешках, впрягаться вместе с собаками в тяжёлые восьмипудовые нарты, чтобы втащить груз на сопку и, наоборот, при спусках на косогорах летать с собаками стремглав вниз.

Портативность театра давала возможность обслуживать не только оседлые, но и кочевые народности, населяющие полуостров.

Театр побывал в таких местах, где ещё не перевелись шаманы (Кичига, Анапка), которые начали распространять слухи, что куклы действуют волшебством. Тогда мы стали после спектакля показывать перед ширмами, как действуют куклы. Слух о том, что едет кукольный театр, быстро распространялся по всей округе. Кочевые коряки съезжались на оленях из далёких кочевий, чтобы посмотреть говорящих кукол. Популярность театра была велика, и он по-новому ощутил значение своё в этой обстановке как проводника культуры в среде кочевых народностей Камчатки.

Интересной была поездка театра на Чукотку, куда театр повёз две народные сказки: одну чукотскую — “Жадный ворон”, другую корякскую — “Хозяин и пастухи”. Чтобы быть лучше понятым, театр подготовил эти сказки на чукотском языке, на котором и выступал в Анадыре. Театр выступал на ярмарках в Тиличиках, Эссо и Пенжино. Последняя ярмарка носит название Пал-Палской, это старинная ярмарка, которая существует около ста лет. Здесь устраиваются традиционные соревнования в беге. Сюда прибыло человек 150 кочевников — коряков, ламутов и чукчей. Спектакли театра были окружены необыкновенным вниманием и теплотой со стороны всех народностей Камчатки. Сами ребята оценивали работу кукольного театра как заботу советской власти о подрастающем поколении в самых отдалённых местах Союза.



Гаврила Владимирович Гловацкий

ПЕРЕДВИЖНОМУ КУКОЛЬНОМУ ТЕАТРУ

требуются на постоянную работу: две ученицы кукольного театра с оплатой содержания за время ученичества до 350 рублей. После зачисления в штат, как актера, по особому договору по ставкам ЦК Рабис. Срок работы не менее 3-х лет.

Кроме этого кукольному театру требуются три нарты по 8 собак, 6 кукулей, торбаза, чижи, меховая одежда.

С предложениями обращаться в ОблОНО с 9 до 3 часов дня ежедневно к тов. Садовому или Дзержинскому. Телефон ОблОНО.

«Камчатская правда», 28 ноября 1935 г., № 274

Александр Корнилов

Начальник культурно-просветительной экспедиции на Чукотке Л. В. Дзерожинский

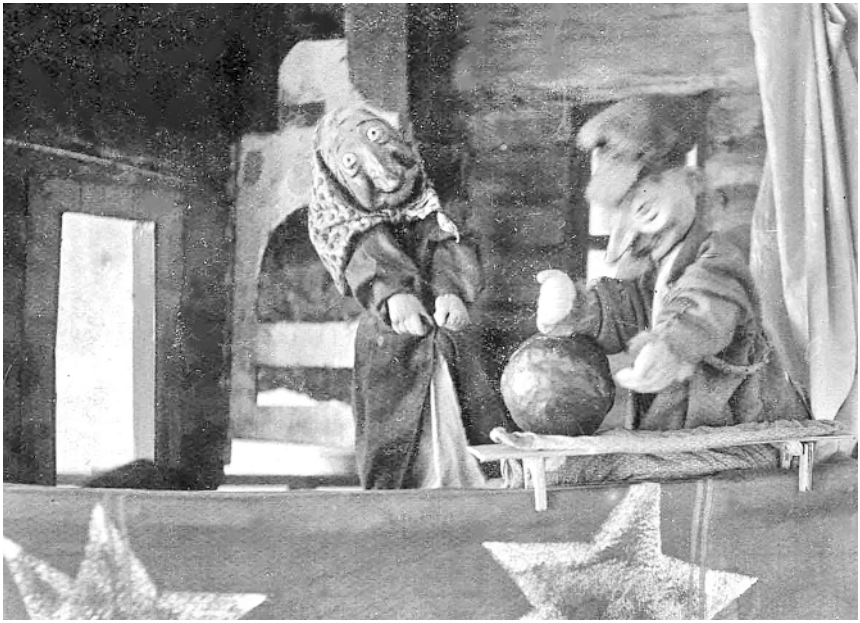
Дети кочующих коряков в Палане

Проведение массовых игр

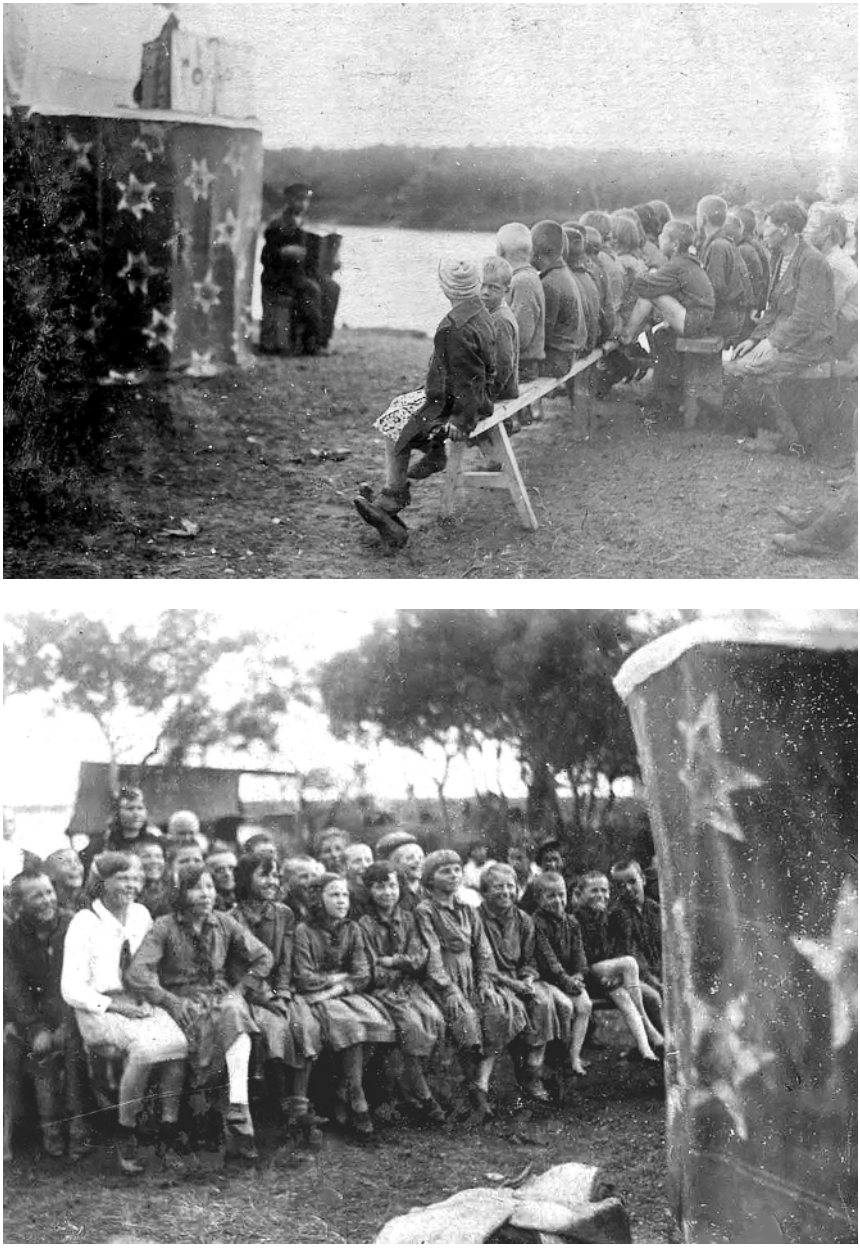
Ликбез, организованный коряком-комсомольцем
в селении Камаки

Торжественное заседание в селении Тиличики в честь
15-летия советской власти на Камчатке (1937 г.)

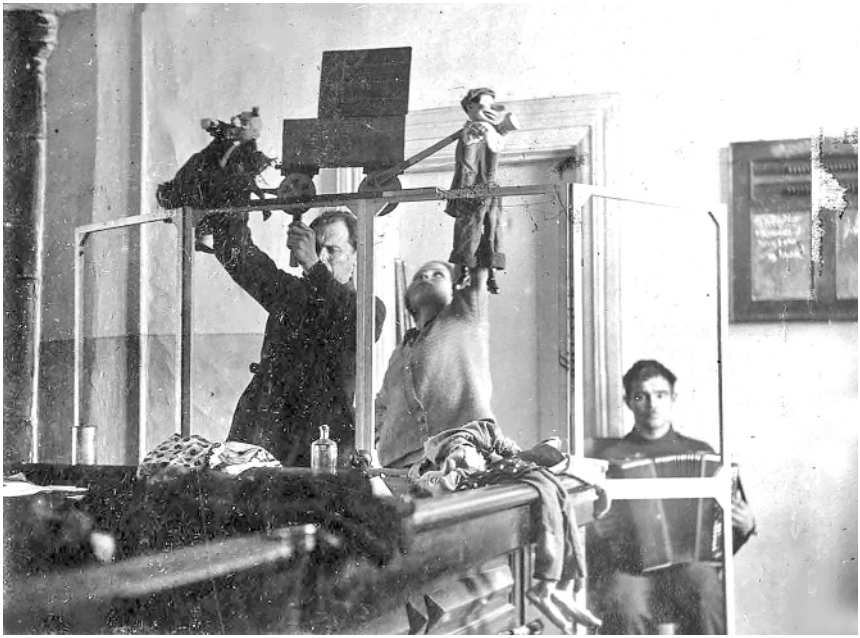
Сцена из спектакля «Синьор Помидорчи»



Сцена из спектакля «Колобок»



Выступление театра в пионерском лагере в посёлке Пымта
(Западная Камчатка)



Работа за ширмой

Встреча работников театра кукол с ребятами, участниками самодеятельного кукольного театра школы имени Толстого в Петропавловске

Часто после выступления театра в какой-нибудь кочевой юрте председатель нацсовета обращался к населению с речью о том, как советская власть заботится о культуре в самых отдалённых местностях. Население выносило работникам театра благодарность.

После спектакля театр проводил с ребятами под баян массовые игры, разучивал новые песенки, организовывал танцы. Тут же ребята и взрослые показывали свои национальные танцы. На рыбкомбинатах театр давал обозрения на злободневные местные темы, имевшие исключительный успех и помогавшие выполнению плана путины.

Театр инструктировал ребят старших классов, как сделать кукол и устроить спектакль своими средствами. По области организован ряд кукольных самодеятельных школьных кружков».

Временно прервём цитирование воспоминаний Леонида Дзерожинского, чтобы заметить, что в мае 1936 г. состоялось первое выступление кукольного театра неполной средней школы Акопосёлка в Петропавловске. Этот театр возглавил четвероклассник Вилли Сандеров — юный скульптор, любивший лепить из глины кукол: «Изготовленные им куклы впоследствии обратили внимание руководителя кукольного театра т. Дзерожинского, который дал Вилли массу, более пригодную для лепки кукол.

Юный скульптор вскоре превратился в организатора театра, а несколько позже, после организационного оформления труппы, и в режиссёра» [12].

При помощи гастролировавшего по полуострову театра кукол местные кукольные театры и кружки летом 1936 г. были созданы при ряде рыбокомбинатов АКО на западном побережье [3]. А в 1937 г. самодеятельные кукольные кружки появились при комбинатах Корфа, Олюторки, Кичиги, Хайлюли и Усть-Камчатска [8]. В январе 1938 г. на городской детской художественной олимпиаде самодеятельного творчества кукольный театр неполной средней школы имени Толстого был удостоен грамоты и денежной премии в 200 руб. [5]. Тогда же в старинном камчадальском селе Облуковино вдохновлённые гастролями школьники организовали собственный самодеятельный кукольный театр, первым спектаклем которого была постановка «Два Потапыча». Во главе театра встал колхозник-комсомолец Сафонов [7].

Теперь вернёмся к воспоминаниям Дзерожинского:

«Театр поставил свой задачей обслуживание школ Камчатской области. Цель театра — дать детям культурное, интересное и весёлое зрелище, содействовать через него воспитательным задачам, организовать массовую работу среди учащихся. Хотя

театр поставил своей первоначальной задачей обслуживание детей, но перед ним сразу открылись широкие перспективы благодаря тому, что взрослое население Камчатки радовалось спектаклям не менее своих детей.

Зрителями театра были камчадалы, русские, ламуты, коряки, ительмены, чукчи, эскимосы. Кроме того, театру удалось обслужить почти все базы рыбкомбинатов полуострова с русским населением.

Летом театр использовал все виды передвижения: на тральщиках, катерах, кавасаках по рекам на батах с помощью шестов или поднимая самодельный парус. Нередко приходилось тащить волоком лодку, гружённую театральным имуществом, или переносить на своих плечах весь театральный груз. Театр выступал на всевозможных площадках: в школах, клубах, избах-читальнях, столовых, общежитиях, палатках, юртах. Летом — на открытом воздухе, в пионерлагерях и на дворах заводов.

Всего за пять лет существования театр дал 590 спектаклей, обслужив 212 населённых пунктов. Через спектакли прошли около 78 000 зрителей, взрослых и детей...»

Леонид Дзерожинский даже составил таблицу, в которую по годам включил количество рабочих месяцев и спектаклей.

По данным Дзерожинского, в среднем на каждый рабочий месяц театра приходилось 12–13, на год — 147–148 спектаклей. Театр имел четыре собачьих упряжки, меховую одежду и кукули на каждого работника, нанимал проводников, покупал неприкосновенный запас продуктов.

За пять лет кукольный театр совершил семь дальних поездок. Первая, по долине реки Камчатки, началась 20 января и закончилась 22 апреля 1936 г. и прошла по маршруту Петропавловск — Начики — Мильково — Козыревск — Ключи — Усть-Камчатск. Всего было пройдено 780 километров.

Вторая поездка состоялась по западному берегу во время путины 1936 г., протяжённость её составила 1 500 километров. Артисты водным путём вышли из Петропавловска и побывали в Озерновском, Большерецке, Микояновске, Митоге, Кихчике, Пымте, Иче, Крутогоровском и Кировском.

С 16 декабря 1936 г. по 29 мая 1937 г. артисты на собаках преодолели 2 400 километров по маршруту Петропавловск — Начики — Апача — Большерецк — Митога — Кихчик — Ича — Сопочное — Эчвек — Хайрюзово — Тигиль — Палана — Лесная — Карага — Ивашка — Кичига — Анапка — Вывенка — Тиличики — Корфский комбинат — Петропавловск.

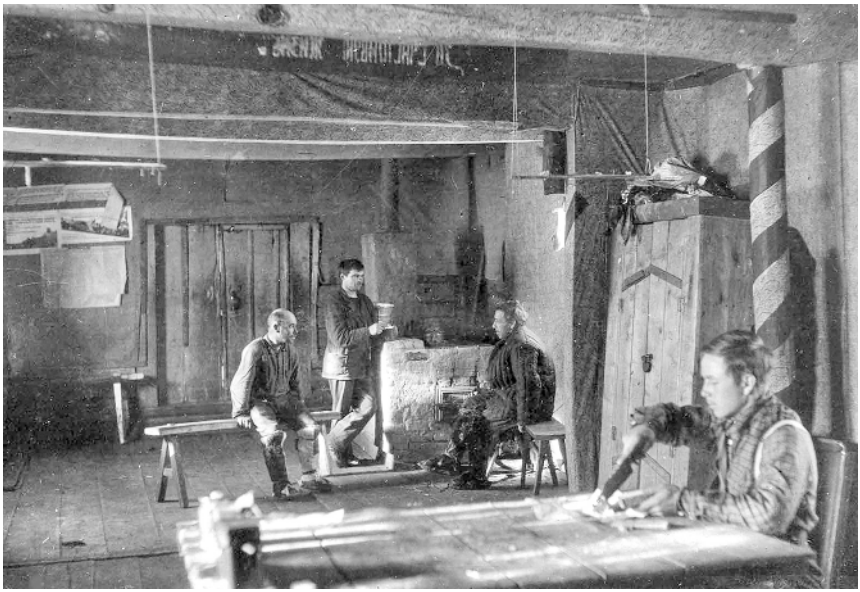
Село Кавалерское. Беседа со школьниками
о технике изготовления кукол

Выступление театра на рыбном заводе

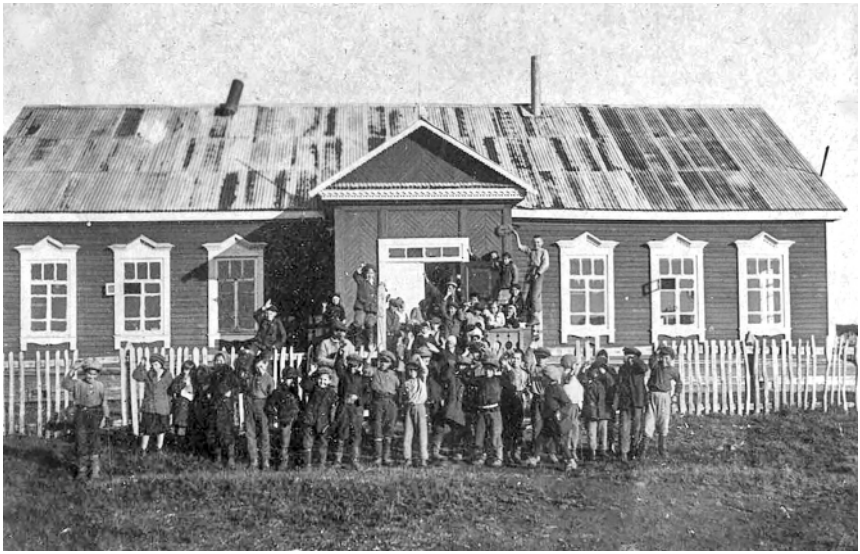
Труппа первого состава

Переход протяжённостью 420 километров от Таловки до Ветвея без жилья занял шесть суток. Работники театра в гостях у кочевников

«Он долго сидел со мной...» Леонид Дзерожинский и каюр Косыгин, 25 февраля 1937 г.



«Устроили производственное совещание в клубе». Село Лесная, 5 марта 1937 г.



Село Соболево. Школьники провожают театр

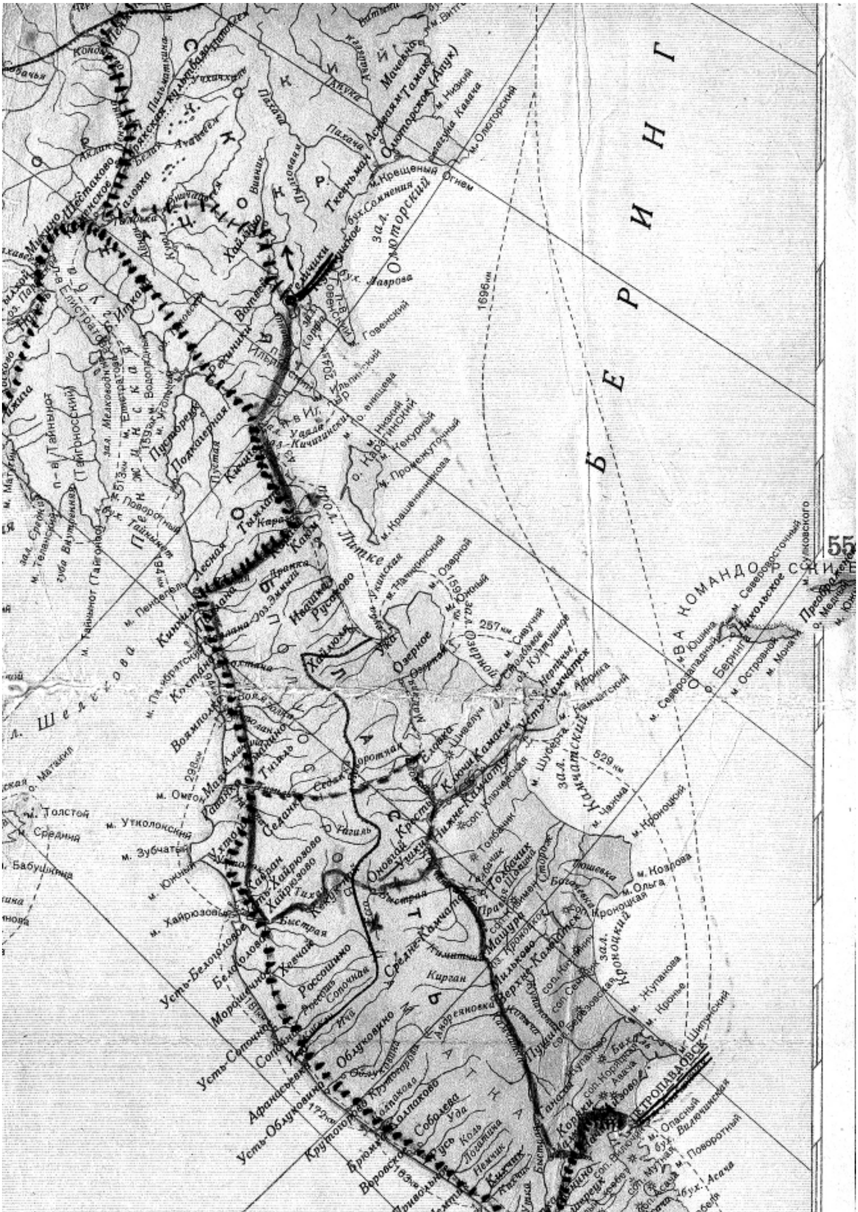
Выезд театра на собаках из Елизово, 1938 г.

Режиссёр театра Корнилов близ селения Ключи, 1940 г.

Юрта на Карагинском перевале

	Количество рабочих месяцев	Количество спектаклей	ПРИМЕЧАНИЕ
1935 год	I	4	
1936 "	I2	I83	
1937 "	7	88	В 1937 г.театр не работал 5 мес., ввидунабора новой труппы в Москве
1938 "	I2	95	
1939 "	I2	I50	
1940 "	4	70	Театр работал до I-го мая I940 г.
Итого:	48	590	

Сведения о деятельности театра на нартах в 1935—1940 гг.



Маршруты поездок театра кукол на нартах по Камчатской области

Во время четвёртой поездки, длившейся с 18 декабря 1937 г. до 14 апреля 1938 г., театр на нартах доехал до Эссо, побывав в Аваче, Паратунке, Начиках, Большерецке, Хайрюзове, Кекуке, Эссо, Анавгае, Козыревске, Милькове, Верхнекамчатске, Ганалах, Малке, Коряках и Елизове. Путь составил 1 800 километров.

С 20 сентября 1938 г. до 17 мая 1939 г. длилась поездка в Корякский и Чукотский национальные округа. На самолёте артисты с собаками добрались из Петропавловска до Анадыря, затем путь лежал через Марково, Пенжино, Корякскую культбазу, Каменское, Ветвей, Тиличики, Култушино, Олюторку, Корфские угольные копи до Корфского рыбокомбината, откуда театр пароходом вернулся в Петропавловск. Путь составил 1 900 километров.

Шестая поездка на путину западного берега началась 30 июня 1939 г. Артисты пароходом выехали из Петропавловска, побывали в Озерновском, Крутогорове, Колпакове, Пымте, Кихчике, Митоге, Микояновске и вернулись в столицу области, преодолев 1 300 километров.

Последние, седьмые гастроли кукольного театра длились с 4 декабря 1939 г. до 18 апреля 1940 г. На собаках артисты выехали из Петропавловска по маршруту Начики — Мильково — Среднекамчатск — Эссо — Кекук — Хайрюзово — Тигиль — Палана — Лесная — Карага — Ивашка — Ука — Еловка — Харчино — Ключи — Камаки — Нижнекамчатск — Николаевка — Усть-Камчатск. Оттуда артисты вернулись в Петропавловск воздушным путём, всего одолев 2 800 километров.

Пишет Леонид Дзерожинский и о финансовой стороне деятельности кукольного театра. Театр дохода не приносил, был он дотационным. К примеру, в 1936 г. доход от спектаклей составил 60 000 руб., дотация же облОНО столько же, а общий расход — 120 тыс. В 1940 г. доход составил 17 тыс. руб., дотация же — 133 тыс. Всего с 1935 по 1940 г. театр принёс дохода 153 000, получил дотаций 484 000, общий расход составил 637 000 руб.

Дзерожинский подробно раскрывал финансовые механизмы существования кукольного театра:

«Себестоимость каждого спектакля обходилась в 1 060 руб. (причём 25 % всех расходов ложилась на собачий транспорт, корм, проводников), средняя посещаемость нашего спектакля выражалась в 132 зрителя (причём надо принять во внимание, что в некоторых селениях стояло три избы или яранги с населением в 13–15 человек). Из общего количества спектаклей 259 спектаклей были даны для детей или кочевников совершенно бесплатно, 331 спектакль

были платные, причём по районам театр собирал со взрослого зрителя по 2 руб., дети и кочевники проходили бесплатно».

Находим мы в альбоме и списочный состав театра. Бессменным директором театра был Л. В. Дзерожинский. Художественным руководителем в 1935—1939 гг. был он же, в 1939—1940 гг. им стал А. А. Корнилов (который в 1935—1937 и 1939—1940 гг. был также режиссёром). В 1937—1939 гг. режиссёром служил сам Дзерожинский. Корнилов в 1935–1937 и 1939—1940 гг. был ещё и массовиком, а в 1937—1939 гг. эту должность занимал Б. П. Невежин.

Баянистом в 1935–1937 гг. работал Н. Ф. Николаев, с 1937 до 1940 г. — П. В. Голынский. Кукловодами были Дзерожинский, Корнилов (1935—1937 и 1939—1940), Невежин (1937—1939), Степанова (1935—1937), Е. А. Сахарова (1937—1940), К. Киляков (1935—1937) и З. Д. Котельникова (1937—1940).

Завершает свой рассказ о первом камчатском кукольном театре Дзерожинский так:

«Необычный успех театра, отмеченный прессой и отзывами школьников и населения, объясняется тем, что такая театральная форма на Камчатке показывается впервые, дети кочевников, колхозников, взрослое население никогда говорящих кукол раньше не видели. Надо принять во внимание также то исключительное положение, в котором находится население, не видящее не только театра, но и вообще редко сталкивающееся с культурными развлечениями благодаря дальности расстояний, плохого транспорта, отсутствия культурно-просветительных сил. Население западного и восточного берега Камчатки за эти пять лет хорошо ознакомилось с работой театра, знало нас в самых отдалённых местах и ожидало нашего приезда вновь. Можно с уверенностью сказать, что наш приезд являлся для них праздником.

Каждый из работников, приехавший из Москвы, работал на Камчатке с чувством громадного удовлетворения, несравненно большего, чем в Москве, именно потому, что сознавал, какую пользу театр приносил в особых условиях жизни Камчатки. Благодарность, которую неоднократно высказывали школьники, не искушённые театральным зрелищем, радость, которую театр им приносил, заставляли работников театра легче переносить трудности передвижения и различного рода лишения. Я видел по отзывам, которые получал театр, по успеху, который нас сопровождал летом на путине, зимой по всем направлениям огромной территории Камчатской области, что театр везде был нужен и нужен не один. За хорошо

поставленную работу театра Президиум Камчатского облисполкома в 1937 г. наградил тт. Дзерожинского, Корнилова и Николаева почётными грамотами. В 1936 г. обком Союза рыбников наградил коллектив театра грамотой с почётным званием ударника — передового бойца на фронте социалистического строительства, активно проявившего себя в борьбе за культурное освоение Камчатки».

Среди газетных и журнальных вырезок, вклеенных в альбом, — публикации «Правды», «Камчатской правды», «Камчатского комсомольца», «Ударника Корфа».

В статье «Первые выступления» Н. Бубин пишет:

«Кукольный театр областного отдела народного образования приступил к показу своих постановок. Часть своего репертуара он показал на литературном вечере молодёжи и на вечере погранотряда. Событие большое и радостное. Наконец-то школьники и вся детвора Камчатки получат свой передвижной театр и возможность через него выше поднять свой культурный уровень.

Первая постановка театра "Синьор Помидорчи" — пьеса Любимовой и Юдиной. Пьеса знакомит зрителей с варварскими методами итальянского дрессировщика Помидорчи и противопоставляет им методы и приёмы дрессировки Дурова. Являя собой цирковое представление, пьеса интересно разрешает тему хорошего отношения к животным и классовой солидарности трудящейся детворы. Хорошо подобранные куклы исполнителей значительно дополняют замысел пьесы. Особенно хороши: помощница дрессировщика девочка Лючия, слон Нури и Петька Дракин.

Исполнение пьесы не обошлось без шероховатостей. Всё же пьеса оставляет цельное впечатление. Фигуры и действия синьора Помидорчи, Лючии, Вани и Маши запоминаются надолго.

Кукольный театр своими выступлениями показал, что он стоит перед большими возможностями. Сейчас необходимо широко организовать выступления театра перед основным своим зрителем — перед детворой» [2].

Несомненный интерес представляет вклеенный в альбом отзыв с названием «Большое дело», написанный известным русским кинорежиссёром Александром Литвиновым (с которым труппа кукольного театра встретилась в Ключах, где Литвинов снимал эпизоды художественного фильма «Девушка с Камчатки»). Приводим отзыв полностью:

«Кукольный театр на Камчатке — огромное событие. Впервые местное население видит играющих и говорящих кукол. Детвора,

а с ними и взрослые с огромнейшей радостью, восторгом приняли постановки кукольного театра. Клубы буквально трясутся от возгласов, аплодисментов и смеха присутствующих... Это новое и интересное деле необходимо развернуть шире.

Мне, например, думается, что некоторые пьесы, а следовательно и куклы, должны изготовляться в Петропавловске, чтобы куклы могли отображать жизнь и людей сегодняшней Камчатки. Пьесы для националов (ламуты, коряки оседлые и кочевые, чукчи, эскимосы и другие народности). Они захотят увидеть знакомых им кукол в меховой одежде, с винчестером или карабином, знакомых животных (кроме имеющихся у театра): оленей, нерпу, моржа, кита и других; захотят увидеть пьесы, которые затрагивают их жизнь новую и ломку старого. Мне приходилось встречаться с разными национальностями на Камчатке во время моих экспедиций по Камчатке и Чукотке. Я видел, с каким интересом они смотрят фильмы или постановки пьес, малопонятные им. Представляю сейчас их удивление и восторг, с каким они примут: "Колобок", "Синьор Помидорчи" и эстраду, хотя эти прекрасно поставленные вещи им будут малопонятны, а если пойдут пьесы из их жизни, в их костюмах, с их животными. Ну, скажем, вдруг на сцене появилась бы нарта с собаками и охотником, сколько было бы радости и искренних восклицаний...

Большую дорогу большему делу — кукольному театру на Камчатке — пропагандисту-художнику...

Путешествовать на нартах по Камчатке — не особо весёлое и приятное занятие. Небольшая группа кукольников во главе с тт. Дзерожинским и Корниловым совершают такое турне с куклами, останавливаясь в каждой деревне, каждом колхозе. Эти скромные люди, преодолевая трудности, несут детворе и местному населению новую культуру — невиданную ими доселе. Привет вам, коллеги, искренний, от всей души. Первое слово вы уже сказали чётко и ясно, ваши спектакли взбудоражили ребят и взрослых. Впереди же перед вами раскрываются огромные возможности. Ваше второе слово ждут националы Камчатки.

Начальник кино-экспедиции режиссёр *А. Литвинов*.
с. Ключи. 20/III-36 г.».

Находится в альбоме подлинная благодарность, подписанная заведующей Козыревской начальной школой Матихиной 20 марта 1936 г. и заверенная аж двумя печатями в разных местах листа.

Заведующий Усть-Камчатским райОНО А. Велицкий в другой благодарности пишет:

«Этот новый вид развлечения целиком и полностью оправдал те надежды, которые возлагались на кукольный театр. Последний своей работой компенсировал то нетерпеливое детское желание “скорей посмотреть, что за куклы и как они играют” — с которым дети сёл района ожидали вашего приезда, ждали не только дети, ждали все трудящиеся сёл...»

На семи страницах альбома размещены машинописные вклейки с выдержками из путевого дневника Дзерожинского. Этот дневник Леонид Всеволодович вёл во время поездки по Корякскому национальному округу в 1936—1937 гг.

Приведём ряд фрагментов дневника:

«25/II. Не пришлось сегодня выехать дальше, так как с утра пуржило, а в Палану Кочевую надо ехать пораньше. Пришлось оставить мою собаку Калека, которая до сих пор болеет неизвестной болезнью. Быть может, это та самая эпидемия, про которую нам рассказывали раньше, что у собак отнимаются задние лапы. Всем нам удивительно смотреть на местную гостиницу, где мы остановились, так как таковой нет даже в Петропавловске. Гостиница представляет собою палатку, однако в ней стоят кровати с сетками, чистое постельное бельё, тёплые одеяла, всё это нам с дороги чрезвычайно приятно. Всё же Палана — окружной центр Корякского национального округа, хотя сама по себе она представляет маленькое село. Наш старший каюр и завхоз тов. Косыгин хороший хозяйственник. Сегодня он сидел долго со мной в нашей гостинице и беседовал со мной о необходимости подкормить собак нерпичьим жиром, чтобы они были до конца нашей экспедиции в хорошем состоянии. Говорили и о причинах заболевания нашей собаки Калека, которую мы держали отдельно от всех собак. Хотя аппетит и вернулся к ней, но мокрая испарина и фырканье носом заставляют нас быть осторожнее и предполагать серьёзное заболевание. Решили оставить собаку председателю артели, где брали корм, так как она может заразить других собак.

26/II. Выехали в Кочевую Палану в 8 час. 30 мин. утра. Каждый раз при выезде у нас уходит полтора-два часа на сборы и утренний завтрак. Ветра нет, но имеется некоторая облачность. Сегодня ехать на нартах не катко. По дороге встретились с вереницей оленей. Вернее, её догнали. Олени везли различные товары в Палану Кочевую. Мы боялись, что наши собаки, как обычно, бросятся на оленей. Однако то, чего мы боялись, не оправдалось. Мы обогнули оленей совершенно спокойно. Собаки их не тронули. Надо было перевалить небольшой хребет. Внезапно подул

ветерок. Навстречу понеслись тучи с Курильских островов. Мы опасались сильной пурги, однако ветер быстро прекратился, и мы дальше поехали спокойно. Подъехали к школе в 4 час. 30 мин. Надо было видеть радость ребят, которые нас давно ожидали. Они бросились все к нам, окружили, распрягли собак, внесли в школу вещи, театральное оформление, педагоги жали нам руки. А когда мы проезжали по селению, население выбежало из своих юрт, землянок и шумно приветствовало нас, размахивая малахаями. Остановились мы в одном из классов...

28/II. Пурга прекратилась. Выехали в 9 час. утра вместе с одной нартой, также едущей в Кинкиль. При выезде нашем высыпала вся школа. Пожимали руки, благодарили за спектакль, председатель нацсовета принёс нам на дорогу мясо оленье и обещанные шкуры. Двинулись по Палане с шумом, ребятишки по несколько человек насели на нарты нас провожать. Из юрт, из землянок выскакивали мужчины, женщины. Что-то кричали. Поехал нас проводить и завшколой т. Косыгин, племянник нашего каюра. Расставание было трогательным. "Приезжайте следующей зимой!" — кричали ребятишки. Интересно, как кочевые начинают здесь оседать. Строят вместо юрт землянки, в которых появляются окна, столы, табуретки. Покупают джемперы, ботинки, туфли, пальто, платки, любят фотографироваться и стараются сняться уже не в национальной одежде, а в европейском платье. Дорога оказалась занесённой снегом. Сначала долго ехали тундрой, затем поднялись на перевал в горы. В два часа дня встретились с четырьмя нартами с грузом юкол. Таким образом мы друг другу проложили дорогу. Пошло легче. Если бы не эта неожиданная помощь, нам пришлось бы ночевать в тундре, так как до Кинкиля 70 километров. Сделал много фотоснимков...

1/III. Сделали запас корма на перевал 1 300 штук юкол, договорились с нартой, которая будет нас сопровождать, захватит наши 300 юкол. Остальной груз повезём сами. Жир захватим в Лесной. Спектакль даём в 7 час. вечера. Пурга прекратилась. Завтра выезжаем. Ребятишки здесь совсем дикие, боятся всего...

3/III. С утра пуржило, но ветер переменил своё направление: подул с Курильских островов. Это лучше. Переезд в Лесную занял всего полтора часа. В 10 час. 30 мин. мы были уже там. Решили дать спектакль сегодня же, чтобы завтра готовиться к Карагинскому перевалу. Узнали в Лесной, что три нарты уже четвёртый день сидят под хребтом и не могут благодаря пурге его перевалить. Ветер становится сильнее. Остановились в клубе и в 8 час.

вечера дали там же спектакль с помощью переводчика. Спектакль прошёл успешно. Ребята здесь весёлые, были очень довольны массовыми играми, да и сами они неплохо играли перед школой...

6/III. Встали утром в 5 часов. В 7 часов пятью нартами отправились на перевал. Было тихо, но тепло. Ожидаемого мороза нет. Что-то подозрительно. Нарты наши нагружены до отказа. Юкола висит связками с обеих сторон. Моя нарта слабее других и больше нагружена, через 10 километров оба задние копылья ломаются. Вынуждены остановиться. Тов. Косыгин из срезанной берёзы делает новые копылья. Вынужденная остановка заставляет нас почаевать. Но вот задул ветерок с хребтов. Видно, как закурились вдали сопки. Там уже пурга. Повернули влево по старому тракту, через старый заповедник. Подъём идёт очень медленно. Сопки начинают нас окружать со всех сторон. Только проедешь мимо одной, а за нею выступает другая, а дальше виднеется сопка ещё выше. Ветер внезапно усилился. Запуржило. Остановились чаевать в тальниках. Через полчаса, дав необходимый отдых собакам и подкормив их небольшими кусочками юколы, стали опять подниматься. Перевалив сопку, покатились в широкую и длинную падь. Пурга усилилась. Не видно первой нарты. Двигаемся по карнизу вдоль сопки. Темнеет. Должны спуститься на реку, но не находим подходящего спуска. Проезжаем до самого конца карниза. Не вижу передо мной нарты. Еду последним. Вдруг слышу снизу голос Корнилова: “Осторожней, здесь крутой спуск”. Подъезжаю ближе, вижу, его нарта зацепилась за дерево и висит над спуском. Затем она перевёртывается и исчезает. Слышу его голос: “Костя (Киляков. — *Т. З., А. П.*), помоги”. Затормозив свою нарту перед спуском, вижу внизу его нарту вверх дном. Корнилова сначала не видно. Затем он поднимается откуда-то снизу, поднимает нарту с Киляковым и исчезает во мгле. Стараясь не зацепиться за дерево, бегу с нартой и, притягивая её к себе, огибаю дерево, беру несколько выше спуска и лечу вправо вниз. Пытаюсь удержать нарту, но тщетно, она перевёртывается также, а я лечу в темноте куда-то ещё ниже. Поднять её с обрыва трудно, поэтому перевёртываю её с Косыгиным раза два вниз, оттягиваю собак и еду дальше. Семь часов вечера. Мы в густых тальниках. Темно. Здесь внизу пурга слабее. Так как палатка мала, строим просто заграждение от ветра только с двух сторон и ложимся спать прямо в кукулях, наложив предварительно на снег веток. Проехали около 65 километров...

12/III. Поднялись рано и выехали в 7 час. утра. Двигаемся по реке, мимо балаганов с юколой, которой давно там уже нет. Карага

сидит без собачьего корма: много юколы осенью от ветра упало и было съедено червями. В 11 час. утра, сделав ещё 25 километров, доехали наконец до Караги, расположенной на высоком берегу реки. До Тихого океана остаётся 12 километров. Здесь надо основательно отдохнуть после семидневного перехода Карагинского перевала. Как приятно после длительного переезда расположиться в тёплой избе».

Всего в составленном Леонидом Дзерожинским альбоме 53 страницы. На них размещены 218 фотографий, 19 публикаций периодической печати (18 газетных и одна журнальная), одна карта с маршрутами гастрольных поездок театра, три отзыва о работе театра, воспоминания и путевые дневники Дзерожинского.

Мы предполагаем, что альбом был составлен Дзерожинским во второй половине 1940 г. (в том году театр работал лишь до 1 мая, затем артисты выехали на материк в длительные накопившиеся отпуска). Театр кукол возобновил работу весной 1941 г. — 23 марта состоялась премьера пьесы Г. Матвеева «Красный флаг». К тому времени в коллективе театра появились три новых актрисы — Л. Кузьмина, М. Макарова и О. Аристова [4].

Последние два спектакля — «Красный флаг» и «Терем-теремок» — театр кукол дал 7 июня 1941 г. в Авачинском рыбокомбинате. Это был пробный выезд театра перед гастрольной поездкой на западное побережье, которая должна была стартовать в конце июня. Но началась война. А 16 августа вышло решение Камчатского облисполкома № 443, в котором говорилось:

«Областной кукольный театр с 15-го августа с/г. ликвидировать. Всё имущество, принадлежащее кукольному театру, передать Камчатскому областному драмтеатру» [9].

Составленный Леонидом Дзерожинским в 1940 г. альбом раскрывает перед нами доселе неизвестные страницы жизни и деятельности камчатского кукольного театра больше восьмидесяти лет назад. Стендовая выставка материалов этого альбома сейчас представлена в Камчатском театре кукол.

Источники

1. *Бирюков В.* Театр кукол на Камчатке // Советское искусство. — 1937. — 23 авг., № 39.

2. *Бубин Н.* Первые выступления // Камчатский комсомолец. — 1936. — 5 янв., № 1.

3. Гастроли кукольного театра // Камчатская правда. — 1936. — 3 нояб., № 254.

4. *Дзерожинский Л.* Театр на нартах // Советское искусство. — 1941. — 23 марта, № 12.

5. Итоги детской олимпиады самодеятельного искусства // Камчатская правда. — 1938. — 2 февр., № 26.

6. Кукольный театр в селе // Камчатская правда. — 1936. — 28 янв., № 22.

7. Кукольный театр в селе // Камчатская правда. — 1938. — 14 февр., № 36.

8. Кукольный театр нуждается в помощи облоно // Камчатская правда. — 1937. 27 нояб., № 266.

9. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 40. Л. 62. О ликвидации Камчатского областного кукольного театра. Решение № 443 Исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся от 16 августа 1941 г.

10. Передвижному кукольному театру... // Камчатская правда. — 1935. — 28 нояб., № 274.

11. Пополнение состава городского театра // Камчатская правда. — 1935. — 12 нояб., № 261.

12. Самодеятельный кукольный театр на детском базаре // Камчатская правда. — 1936. — 30 мая, № 123.

13. Формирование труппы театра закончено // Камчатская правда. — 1935. — 3 окт., № 228.

14. *Экслер И.* Камчатка // Новый мир, 1940. — № 4—5. — С. 297—298.

П. Л. Калмыков

Семён Удалой — герой и легенда

Именами героев называют улицы. Это уже повод вспомнить их самих и узнать, какие подвиги они совершили. В Петропавловске-Камчатском есть улица Максутова. Википедия нам подскажет, что улица названа в честь Дмитрия Максутова. Но на одном из домов улицы мы видим мемориальную доску, посвящённую Александру Максутову. Всё правильно: в Петропавловской обороне 1854 г. геройски прославились два лейтенанта Максутова, родные братья. Героя два, улица одна.

Другая улица, по соседству с Максутова, носит имя героя-матроса. Здесь герой один, но фамилия написана двояко. На одной табличке читаем: «Улица С. Удалова, 1а»; на другой — «42 Семёна Удалого улица». И это не опечатка. Дело в том, что о подвиге Семёна нам стало известно из рассказа, где он назван то Удалым, то Удаловым, а документов о нём не было, что смущало строгих историков.

Новые находки в архивах дают нам возможность проанализировать текст, подтвердить либо уточнить слова рассказчика.

Рассказ «Геройская смерть матроса Камчатской флотилии, 47-го флотского экипажа, Удалова» из журнала «Морской сборник» лаконичен, в нём ценно каждое слово, приведём его полностью:

По прибытии моём в Санкт-Петербург явились ко мне мои сослуживцы, матросы 47-го флотского экипажа, которые в Авачинской губе по нечаянному случаю попались в плен к неприятелю. Я заметил, что между ними недостаёт матроса Удало*ва*, и спросил их: «А что, верно, Удало*й* позабыл меня, что не пришёл ко мне поздороваться?»

Один из матросов отвечал мне: «Никак нет, ваше превосходительство! Удалой погиб, как вы изволили нам приказывать».

Этот ответ заставил меня вызвать одного из них, который потолковее, разъяснить мне, что такое городит на меня наш сослуживец. Вызванный стал рассказывать:

«Дело было вот как: когда мы на ботишке выплыли с кирпичами из Тарьинской бухты и увидели эскадру, то приняли её за нашу, адмирала Путятина; наладили на ботишке паруса, как следно, и хотели поближе пройти под кормой адмиральского фрегата; глядь-поглядь, суда-то не наши; давай мы в берег, а враги наши со всей эскадры со шлюпками погнались за нами; на беду нашу заштилело и вооружённые шлюпки окружили ботик — что нам делать? Мы хорошо помнили разные случаи, которые вы нам изволили приказывать — и тот, что матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю; а у нас, на ботике, как сами изволите знать, всё были только кирпичи. Тут Удалой сказал нам: на эвтот случай, что у нас ружей нет, а всё кирпичи, ничего не приказано, что нам делать? Если кирпичом станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибёшь до смерти; не замай: пусть нас берут, а вы смотри, не зевай, не могим ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам. А боцман Усов (ехавший с нами со своею семьёю) прибавил: смотри, не разговаривать, что будет неприятель выспрашивать, знай отвечай на все вопросы “не могу знать”, а там что Бог даст!

Неприятельские шлюпки забрали нас и побуксировали наш ботишко, *словно мыши кота погребали*; привезли нас на фрегат и, не добившись от нас ничего, кроме “не могу знать”, заперли нас в трюм. На другие дни слышали пальбу, и больно было сердцу, что

мы сидели скованные в трюме, а наши товарищи проливают кровь за царя и отечество. Скованные по рукам, мы и перекреститься не могли; горько было нам, пока Господь Бог помог вам поколотить врагов и они отошли вдаль от крепостей. Тут к работе и нас вызвали. Порадовалось сердце наше, видя на фрегате везде стон и щепы; видим, что делать нечего, ослушиваться нельзя, — принялись за работу. Вышла неприятельская эскадра из Авачинской губы и пришла в Калифорнию, а потом французы *повезли нас на остров Таити и там заставляли строить каменную крепость*. Удалой не хотел работать крепости и сказал им, что на кораблях работать — дело другое, — работа вам идёт не впрок, а против своих крепости делать не буду. Его заковали в железа и посадили на хлеб и воду; и мы сиживали в железах за то, что не хотели крепости работать, но нам нездоровилось сидеть, стали пухнуть — делать нечего, принялись работать.

К другому лету повезли нас на бриге "Облигадо" в Петропавловский порт. При входе в Авачинскую губу забили тревогу. Удалой был написан у пушки, а мы у подачи ядер. Удалой не пошёл к своей пушке, а стал у *грот-мачты* и сказал нам: "Ребята! Грех на своих руки поднимать! Уж лучше смерть! Помните приказание начальства, чему нас учили!" Сказавши эти слова, он скрестил руки на груди и закричал во весь голос: "Слышь вы, французы!" — и к этому прибавил, как тут вашему превосходительству сказать, да вы изволите знать крутой нрав Удалова, то есть он, так сказать, попросту выругал их, а потом сказал: "Слышите ли, французы? У русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду". А Польша сейчас слово в слово и переведи *старшему лейтенанту. Лейтенант затопал ногами и закричал на него: "Ежели не пойдёшь к пушке, то сейчас повешу!" — и приказал гордень готовить*, это перевели Удалому. Удалой в ответ закричал сердито: "Врёшь, такой-сякой француз, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду", — и с этими словами бросился по снастям вверх по мачте и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты и закричал нам: "Ребята! Не поднимайте рук на своих, не сделайте сраму на сём свете и греха на том! Прощайте! Видите, я принимаю смерть!" — и с этими словами, перекрестясь, бултых в воду. Знаете, ваше превосходительство, он нам напоследях ваши слова повторил, которые вы нам сказывали по отслушании молебна, когда получено было известие, что неприятель будет к нам сильный, и вы нас готовили победить или умереть. Изволите видеть, где он погиб: он вовсе не погиб, а он утонул, как вы изволили приказать».

Рассказ этот тронул меня до слёз, и я сказал: «Да, ребята, Удалой кончил жизнь свою во славу русских матросов и, верно, заслужил царство небесное!» [1].

Рассказ вызвал отклик у читателей, пример Семёна включали в брошюры для солдат, герой обретал зримый образ в живописи, скульптуре и живой характер в стихах, романах и пьесах [2]. Таким образом сложилась легенда (термин подразумевает всю совокупность наших представлений о герое и его подвиге).

Но и сам исходный рассказ, по сути, художественное произведение на основе изустных сведений. Потому автор, будучи лицом официальным, не подписался, но инкогнито его прозрачно. Вернувшись к теме год спустя, редакция «Морского сборника» пишет: «Надеемся, что почтенный автор не будет негодовать на нас за то, что мы назвали его, ибо по самому изложению его статьи нельзя было не узнать её автора, как например из слов одного матроса: “Знаете, ваше превосходительство, он (Удалов) нам напоследях ваши слова повторил, которые вы нам сказывали по отслушании молебна, когда получено было известие, что неприятель будет к нам сильный, и вы нас готовили победить или умереть”» [3]. Итак, имя автора — Василий Степанович Завойко, в 1854—1855 гг. военный губернатор Камчатки, главный командир над Петропавловским портом. И он же, вспомним, литератор, издавший в 1840 г. книгу «Впечатление моряка во время двух путешествий кругом света» под псевдонимом «Лейтенант В. З.» [4]. Автору не чужды фантазия, романтика и красное словцо.

Только в XXI в. камчатскому краеведу С. И. Вахрину удалось найти формулярный список матроса-героя.

«№ 369 Семён Кузьмин сын Удалов. Православного исповедания. 29 лет. Костромской губернии Варнавинского уезда удельного приказа, из крестьян деревни Сидорова. Росту 2 ар. 5 $^{1}/_{2}$ вер., лицом чист, глаза серые, волосы русые. В рекруты принят — 1849, ноября 29. Приведён в Кронштадт и поступил в 26-й флотский экипаж матросом 2-й статьи — 1851, января 26. В 46-м, что ныне 47-й флотский экипаж, — 1853, сентября 1. В 1850 г. при береге. В 1851 г. у проводки корабля “Прохор”. С 1852 по 1853 г. в кругосветном плавании на транспорте “Двина” от Кронштадта до Петропавловского порта. В 1854 взят в плен с парусного плашкоута гребными судами англо-французской эскадры. В 1855 г. находится в плену» [5].

Итак, он всё-таки Удалов, а Удалой — прозвище, которое Семён наверняка оправдал личными качествами. Деревня Сидорово, где родился герой, существует поныне и теперь относится к Тонкинскому

району Нижегородской области. Имея рост средний, 167 сантиметров, Семён, несомненно, обладал качествами «дальневояжного» матроса, обошедшего полсвета на парусном корабле: физическую силу и сноровку; знал грамоту, славился как балагур, не чуждый «солёных» словечек.

История пленения Удалова известна из официального рапорта В. С. Завойко от 7 сентября 1854 г. (даты по юлианскому календарю). 18 августа в Авачинскую губу вошла англо-французская эскадра. «19 августа... В два часа показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестёрку. Он послан был в Тарью за два дня до появления неприятеля; плашкоут прямо держал на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов; заметив их, плашкоут стал держать на северо-запад и удаляться от эскадры. К несчастью, ветер стих, и гребные суда завладели плашкоутом» [6]. Плашкоут — парусно-гребное судно, предназначенное для перевозки грузов, оно же названо портовым ботом или баркасом. Шестёрка — шестивёсельная шлюпка.

Добавляет подробностей мичман Фесун: «...На боту с кирпичом было семь человек безоружных матрос, отправленных для работы, при унтер-офицере Усове. Неприятель только что заметил его, как тотчас послал семь больших катеров для овладения им и ещё три для конвоирования. Хотя жаль было людей, попавшихся в плен, но нельзя было удержаться от смеха перед картиной, представившейся глазам нашим: семь катеров, держась в кильватер друг друга, вели на буксире бот; по бокам держалось по катеру, и, наконец, всё шествие замыкалось вооружённым барказом; на корме каждой шлюпки развевался флаг; вся команда фрегатов высыпала на сетки, так что *один из наших сослуживцев вполне справедливо заметил, что вся эта процессия походит на то, как мыши кота хоронили*» [7].

Сравнение неприятельского конвоя с лубочными мышами, хоронившими кота, мы уже встречали выше: В. С. Завойко вложил его в уста одного из пленных. Это явная авторская вольность: не могла одна и та же шутка родиться и на берегу, и на плашкоуте.

С неприятельской стороны у нас тоже есть свидетель — лейтенант Дж. Палмер с фрегата «Президент»: «...Милях в пяти был замечен большой бот, шедший в гавань с другой стороны бухты. Коммандер Коннолли на катере, я на другом отправились захватить его, полагая, что это баркас с “Авроры”. Настигли и выяснили, что это большой бот, полный кирпичей, с девятью мужчинами,

одной женщиной и тремя детьми; убогая добыча для двух бравых офицеров! Я в жизни не видел, чтобы плен воспринимали столь хладнокровно и стоически» [8].

Зачем на захват безоружного судёнышка были посланы несоразмерно большие силы? Дело в том, что ровно в это время на британском флагмане истекал кровью контр-адмирал Прайс, главнокомандующий соединённой эскадрой, простреливший себе грудь из пистолета. Командиры кораблей решили занять подчинённых делом, отвлекая от прискорбного инцидента.

Английские судовые журналы сухо сообщают:

«2:10. Посланы два гребных судна догнать бот, идущий с другой стороны в город Петропавловский. 4 ч. Гребные суда возвратились, захватив бот с грузом кирпичей, на нём девять мужчин, одна женщина и три ребёнка, которые посланы в распоряжение французского адмирала. 4:50. Оборвалась жизнь контр-адмирала Дэвида Прайса, главнокомандующего». (Фрегат «Президент») [9].

«2 ч. Посланы катера в помощь для захвата русского бота. 4 ч. Гребные суда возвратились с русским ботом». (Фрегат «Пик») [10].

На следующий день произошло сражение — бомбардировка англо-французскими кораблями батарей Петропавловского порта и десант на Красный Яр, не принесшие нападавшим решающего успеха. А ещё день спустя, 21-го числа: «В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестёрка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом; на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселёв. Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкоуте с четырьмя тысячами кирпича, имея на буксире шестёрку. Усов взял с собою жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми» [11].

Юлия Завойко, супруга губернатора, со слов камчадалки Усовой, дополняет: «Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате. 21-го августа адмирал сказал, что отошлёт женщину одну с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что она не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов на вид невзрачный, чёрненький, худенький, хиленький, седенький старичок... Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу» [12].

«Квартирмейстер Усов передал... что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались; что офицеры, отпуская его, обещали остальным пленным освобождение, когда Петропавловский порт будет взят» [13]. Порт взят так и не был, и восьмерых наших матросов, включая Семёна Удалова, агрессоры увезли с собой.

До последнего времени имена пленных были нам не известны. (Хотя из очерка в очерк кочуют фамилии Зыбин и Ехлаков, — якобы они сообщили контр-адмиралу Завойко судьбу Удалова, — но подтверждения не находят.) Теперь же у нас есть именной перечень, извлечённый С. И. Вахриным из формулярных списков [14]:

1) Бурнаев Михайло Петров (родился в 1822 г.) — матрос 2-й статьи, из крестьян Костромской губернии;

2) Косарев Николай Степанов сын (1821) — матрос 1-й статьи, уроженец Костромской губернии;

3) Таскаев Алексей Андреев сын (1819) — марсовый матрос, уроженец Архангельской губернии;

4) Удалов Семён Кузьмин сын (полная запись приведена выше);

5) Аникин Павел Петров сын (1826) — матрос 1-й статьи, из крестьян Пермской губернии;

6) Емандуков Прокопий Никифоров (1832) — матрос 2-й статьи, из крестьян Вятской губернии;

7) Максимов Арсений (без отчества) (1832) — матрос 2-й статьи, из крестьян Казанской губернии;

8) Щелканов Егор Григорьев сын (1822) — матрос 1-й статьи, из крестьян Пермской губернии.

Каждая из этих записей заканчивается указанием: «В 1854 году на парусном плашкоуте взят в плен гребными судами англо-французской эскадры». Первые четверо — опытные моряки, совершившие полукругосветное плавание на транспорте «Двина» из Кронштадта на Камчатку. Четверо других начинали службу в сибирских линейных батальонах, лишь в этом году увидели море. Ни одного «Польши» (то есть поляка) среди этих пленных нет [15].

Можно заметить нестыковку численности захваченных на плашкоуте людей: у нас получается 10 мужчин, одна женщина, двое детей, а по английским свидетельствам — девять мужчин, женщина и трое детей. Вывод один: камчадал Иван Киселёв, «на вид почти юноша», был принят иноземцами за мальчишку, потому и отпущен. Мальчишеская стать не помешала Ивану участвовать в дальнейших сражениях против неприятеля.

Отвлекшись от судьбы пленных моряков, уделим несколько строк судьбе кирпичей. В вахтенном журнале брига «Облигадо» [16] от 1 сентября (21 августа по юлианскому календарю) лейтенант Ванекут сделал запись: «С 4 до 8 ч. пополуночи. Очень хорошая погода. Умеренный ветер от норда. Утренняя приборка. Отправили баркас на русское судно за кирпичами». (Семейство Усовых отпустят в тот же день, но позже.) Обратим внимание на личность вахтенного офицера — Эдуар Полидор Ванекут, лейтенант, произведённый в кавалеры Почётного Легиона за Петропавловское дело, известный нам под псевдонимом Эд. дю Айи [17]. Кирпичи предназначались Петропавловску для складывания печей — а вот зачем они понадобились французам? Ответ нашёлся в том же вахтенном журнале: кирпичом матросы по утрам натирали палубу, крышки ящиков и бронзовые детали, которым полагалось блестеть. (Соответствующий французский глагол briquer и происходит от слова «кирпич» — brique.)

Упомянутый Ванекут, он же дю Айи, имеет к истории Семёна Удалова самое прямое отношение. В рассказе В. С. Завойко в неприглядном виде выставлен старший лейтенант брига «Облигадо»: «*Лейтенант затопал ногами и закричал...: "Ежели не пойдёшь к пушке, то сейчас повешу!" — и приказал гордень готовить*». Это именно он, лейтенант Ванекут, был на «Облигадо» старшим после командира — получается, он и топал ногами на Семёна. И он же, Эд. дю Айи, словно бы оправдываясь, в 1858 г. опубликовал свою версию гибели русского пленного. То есть, не только подтвердил сам факт гибели, но и поведал нам яркие черты характера героя.

«...Нам удалось... выменять двух наших моряков, оставшихся у неприятеля после сражения 4 сентября 1854 г., на троих русских пленных, содержавшихся на "Облигадо" с того же времени. Русских сначала было четверо, и смерть четвёртого достойна рассказа. Его звали Симеоном. С начала его пребывания на борту брига он снискал к себе общую симпатию — как готовностью, с которой он присоединялся к работе экипажа, так и весёлостью характера. Во время обеда от матросского стола то и дело раздавались громкие взрывы смеха, вызывал их именно Симеон своими солёными шутками из тех, что веками ходят на кораблях всех наций и всегда понятны палубному братству. Вечерами, бывало, вахтенная команда собиралась в кружок промеж двух пушек, временно оторванная от исполнения обязанностей устами славного рассказчика, — опять это был Симеон; он развлекал

свою аудиторию нескончаемым рассказом на странном наречии, им же изобретённом, причудливо соединившим языки русский, французский, бретонский и провансальский.

Между тем настал день, когда "Облигадо" снова направился к Камчатке; с тех пор настроение Симеона переменилось. Его усердие было тем же, но весёлость его оставила; бесконечно омрачённый мыслью об участии в грядущем деле, он стал печален и молчалив. Напрасно его увещевали, что ему никоим образом не придётся сражаться против своих соотечественников, ничто не смогло его убедить, и за несколько дней до прибытия в Авачинскую бухту он улучил момент, когда никто на него не смотрел, и кинулся в море. Тотчас же ему были брошены буи, спущена спасательная шлюпка, но бесполезно; с борта видели, как он исчезает под водой, крестясь и не пытаясь даже бороться со смертью теми движениями, к которым понуждает инстинкт самосохранения помимо нашей воли» [18].

Дю Айи не принижает поступка Семёна, напротив, называет его «самопожертвованием этого неизвестного Курция» [19]. Но лейтенант ничего не говорит ни об острове Таити, где русских заставляли строить крепость, ни о кандалах, которые на них надевали, ни о каком-либо конфликте. Единственной причиной утопиться, по его версии, стала навязчивая идея Семёна, что его заставят воевать против своих.

Возможно ли было использовать военнопленных в боевых действиях? Или хотя бы на стройке крепости? В пору Крымской войны каждая страна имела свои нормативные документы, определяющие положение пленных, но все эти документы основывались на общепринятых положениях «Права войны»:

«Взятие в плен имеет своим последствием временное фактическое лишение военнопленного свободы с целью не дать ему возможности возвратиться в свою страну и снова принять участие в войне... Офицеры, поручившиеся за своё поведение честным словом... пользуются относительной свободой. Напротив, унтерофицеры и солдаты подчиняются строгому надзору и употребляются на работы с целью покрытия части расходов на их содержание, производимых государством, во власти которого они находятся... Право войны не допускает дурного обращения с пленными, произвольных действий, всякого рода насилий, не оправдываемых необходимостью... Право войны запрещает также принуждать военнопленных к поступлению на военную службу в государстве, где они удерживаются» [20].

Известно, что русских пленных во Франции привлекали к работам на постройке дорог, на виноградниках, на шахтах и другим. Православный священник И. Васильев, навещавший этих пленных и подававший им духовную и материальную помощь, одобрял их трудовую занятость: «Умеренные работы полезны, удаляя от праздности и улучшая положение пленных. Без последнего же условия они будут тягостны и прискорбны» [21].

Таким образом, ставить военнопленных к пушкам было бы противоправно, а использовать их труд на корабле или на стройке крепости — и законно, и гуманно.

Но был ли Семён Удалов на Таити? Проследим путь брига «Облигадо». Даты (по григорианскому календарю) нам подскажут калифорнийские газеты и вахтенный журнал брига.

7 сентября 1854 г. — побитая англо-французская эскадра вышла из Авачинской губы.

3 октября — 4 ноября 1854 г. — стоянка в Сан-Франциско.

Ноябрь — декабрь 1854 г. — дипломатическая миссия «Облигадо» в Мексике (Сан-Блас, Акапулько, Гуаймас), связанная с гибелью графа Рауссе-Бульбона (французского подданного, пытавшегося захватить часть мексиканской территории). В Гуаймасе командир брига Ле Руссо де Розенкоа обменялся визитами с генералом Арельяно, губернатором штата Сонора. Об этом сообщает январская корреспонденция из Мексики, даты не уточняются.

Конец января — 24 марта 1855 г. — двухмесячное пребывание и ремонт в Вальпараисо (Чили).

3 апреля — 7 апреля 1855 г. — стоянка в Кальяо (Перу).

11 мая — 16 мая 1855 г. — стоянка в Гонолулу (королевство Гавайи).

18 июня 1855 г. — в два часа пополудни «Облигадо» стал на якорь в Авачинской губе.

19 июня вечером «Облигадо» передал троих русских пленных на английский корвет «Тринкомали» и направился к выходу из Авачинской губы.

19 июля 1855 г. бриг снова пришёл в Сан-Франциско, чтобы первым сообщить миру об очередной камчатской неудаче англо-французского флота.

Кроме того, по данным еженедельной газеты «Messager de Tahiti», бриг «Облигадо» в гаванях острова не появлялся. (Эта газета добросовестно отмечала все приходы-уходы судов, военных и коммерческих.)

Вывод: Семён Удалов не был на острове Таити и крепость там не строил.

Но не будем торопиться упрекать В. С. Завойко в измышлении фактов.

В записках анонимного офицера французского фрегата «Альцеста» описано посещение городка Папеэте, столицы Таити, в сентябре 1855 г. «На островке посередине гавани строится крепость, — сообщает аноним. — Во время нашего прихода там работали русские пленные» [22]. Живописный коралловый островок назывался Мотy-Ута, в 1840-х гг. французы выселили с него королеву Помаре и начали постройку форта. Строительство шло медленно за недостатком рабочих рук, поэтому прибытие военнопленных оказалось очень кстати. Форт обратился в руины ещё в конце XIX в., а ныне и сам островок слит с городом Папеэте искусственной сушей.

Но откуда на Таити взялись русские пленные?

Вспомним, что французы увезли из Петропавловска восьмерых русских матросов, из которых на «Облигадо» попали только четверо, включая Семёна Удалова. А ещё четверо, как увидим далее, действительно оказались на острове Таити.

Но их путь переплетается с судьбой ещё одной группы пленных. Едва покинув Авачинскую губу, англичане и французы захватили два русских судна — шхуну «Анадырь», вёзшую лес из Нижнекамчатска, и транспорт «Ситха», шедший из Аяна. Шхуну захватчики обобрали и сожгли. Транспорт «Ситху» англичане привели в Ванкувер, затем в Сан-Франциско, наконец, в Европу. Грузы, казённые и коммерческие, предназначавшиеся Камчатке, были проданы, проценты призовых денег получили все команды англо-французской эскадры. В конце 1855 г. «Ситху» купили Ротшильды за 188 000 франков [23].

«Ситха» принадлежала Российско-Американской компании; её команда, навербованная в Гамбурге, состояла из трёх десятков матросов — финнов, шведов, датчан [24]. По видимости, финнов, как подданных русского царя, сочли военнопленными, а всех остальных надлежало отпустить в нейтральном порту.

«Один из финнов, угодивший таким образом в плен, избавился от него довольно забавным образом. Он предложил свои услуги как марсовой и был расписан на мачту одного из фрегатов. Как-то вечером из тумана появился встречный парусник, корабли не успели отвернуть и сцепились снастями, марсовых послали на мачты распутывать снасти и блоки. Под треск, стук и плеск падающих

за борт обломков парусник вырвался и исчез в темноте; но когда затем собрали вахты на перекличку, не досчитались этого марсового. Сочли, что он упал за борт и утонул, и только много позже стало известно, что он перебрался на чужое судно, шедшее в китайский порт, после странствий и приключений вернулся на родину, где уже получили на него похоронку» [25].

Англичанин Ашкрофт с парохода «Вираго» вспоминал: «Мой приятель и я взяли на поруки русского боцмана; он был поляк, и мы окрестили его “Хел-анд-ол-ски”» [26]. (Hell-and-all-ski — то есть «Ад-и-вся-лыжа».) По словам Ашкрофта, по приходе в Ванкувер военнопленным было разрешено прогуляться по берегу и даже выдана порция грога; тут-то «Хел-анд-ол-ски» и поведал своим поручителям, что русские затевают захват корабля. Командир тогда вооружил вахтенную смену и пригрозил русским пулей и кандалами. Как не вспомнить «Польшу» из рассказа об Удалом, который услужливо перевёл французскому лейтенанту русскую брань Семёна. «Хел-анд-ол-ски» тоже поляк и тоже доносчик, но на «Облигадо» с Семёном он не плавал. Как удалось установить, его имя было Ян Калиновский, квартирмейстер со шхуны «Анадырь» [27].

В Сан-Франциско были отпущены под попечительство русского вице-консула все гражданские пассажиры русских судов и некоторые из моряков.

«“Пик” оставил в Сан-Франциско троих русских — а именно “Камчатку”, “Николая I” и ещё одного», — сообщает в своём дневнике врач Дж. Дик с фрегата «Президент» [28].

Двоих финнов оставили на борту «Ситхи» и препроводили в Англию для допроса, несмотря на протесты в калифорнийской печати [29].

Путь оставшихся в плену указывают сан-францисские газеты. «Эскадра союзников под командой адмирала Феврие-Депуанта в пятницу и субботу [то есть 18 и 19 ноября 1854 г.] ушла в следующие порты: “Эвридика” отправилась в Гонолулу, имея на борту некоторое число русских пленных с разных кораблей, которым Сандвичевы острова назначены в качестве временного пристанища... “Амфитрита” [британский корвет] отправляется в Гонолулу и далее на Таити» [30].

Подробностей добавляет писарь с «Амфитриты» А. В. Макколл в дневниковых заметках [31].

«Сан-Франциско, ноябрь 1854 г. 17-го в 11.15 французский корвет “Эвридика” отплыл в Гонолулу. 18-е. Завтра идём в Гонолулу,

затем на Таити, Питкэрн, в Вальпараисо, так что плавание предстоит большое. “Пик” также уходит в Гонолулу... “Пловер” [исследовательское судно] в ближайшие дни выставят на аукцион, так как ему уже не под силу обогнуть мыс Горн; его команду переводят на “Ситху” для скорейшего возвращения в Англию. С “Вираго” к нам (на «Амфитриту». — *П. К.*) передали двух офицеров и 17 русских моряков, а в Гонолулу возьмём на борт и тех, которые на “Пике”. Мы доставим их на Таити. Один из офицеров — штурман с призовой шхуны («Анадырь». — *П. К.*), он обедает в офицерской кают-компании, а другой — кадет, мальчик, который столуется с нами в жилой палубе. Он, похоже, сообразительный малый.

...Гонолулу, декабрь 1854 г. 15-е. Алик (русский кадет) сошёл на берег в первый день и с тех пор там и живёт. Скорее всего, его оставят в Гонолулу, кажется, он этим огорчён, ведь он у нас любимец».

О мальчике рассказывает и газета «Polynesian» от 16 декабря: «В числе пленных со шхуны был одиннадцатилетний кадет, который останется под присмотром британского консула в Гонолулу, а весной будет возвращён домой с каким-нибудь судном и там расскажет, что плен на британских судах не хуже, чем служба на русских».

Но мальчик в Гонолулу не остался. Макколл пишет: «16-е. Пополудни приняли пленных с “Пика”... В последний момент Алика (маленького русского) вернули на корабль, поскольку не договорились о его оставлении.

...Гавань Папеэте, Таити, январь 1855 г. 20-е. Алику, похоже, очень жаль покидать судно, и уж точно нигде с ним не будут обходиться лучше, чем у нас».

Те русские пленные, что направлялись в Гонолулу на «Эвридике» (в том числе и четверо с плашкоута), были там пересажены на другой французский корвет, «Артемисию» и прибыли на Таити 5 января 1855 г. [32]. (Пересадка понадобилась потому, что «Эвридика» на месяц задержалась в Гонолулу для участия в похоронах гавайского короля Камеамеа III [33].)

Теперь вернёмся к Семёну Удалову и его соплавателям на «Облигадо». В вахтенном журнале брига о русских пленных упоминаний очень мало. Утром 6 сентября 1854 г. (перед уходом эскадры из Авачинской губы) читаем: «Пасмурно, умеренный ветер от *SE*. Марсовые под началом боцмана работают на снастях. Взяты на корабль двое русских и четыре юнги с “Ла Форта” [34]». Упомя-

нуты только двое русских, хотя достоверно их было четверо — возможно, ещё двое взяты на борт в другое время и это не отмечено. (Как не отмечен и перевод на «Облигадо» мичмана, чьи записи появляются в журнале с того же дня [35].) Команда брига понесла в сражении большой урон и остро нуждалась в людях. Можно уверенно утверждать, что на «Облигадо» взяли именно тех наших матросов, что имели опыт дальнего плавания — это Бурнаев, Таскаев, Косарев и Удалов.

Вахтенные записи в плавании однообразны и рутинны, лишь время от времени мелькают буквы «P.V.» (Procés Verbal), что означает «Акт». Актом отмечали, например, списание подмокших припасов, или потерю частей рангоута в шторм, или смерть на борту.

И вот волнующая нас запись, помеченная «P.V.», оригинал и перевод:

«Le 6 juin 1855. De 4 h à 8 h. [E. Dinel.]

Temps couvert et brumeaux, établi la voilure. 4h.05' le prisonnier russe (Siméon Dowoff) monte sur la dunette et se jette à la mer, il disparait immédiatement; mis en panne et amené la baleinère (2) qui révient quelque temps après, avec la bouée seulement. 4h30' souper par bordée. Appels aux postes de combat, branlebas, service ordinaire de nuit.»

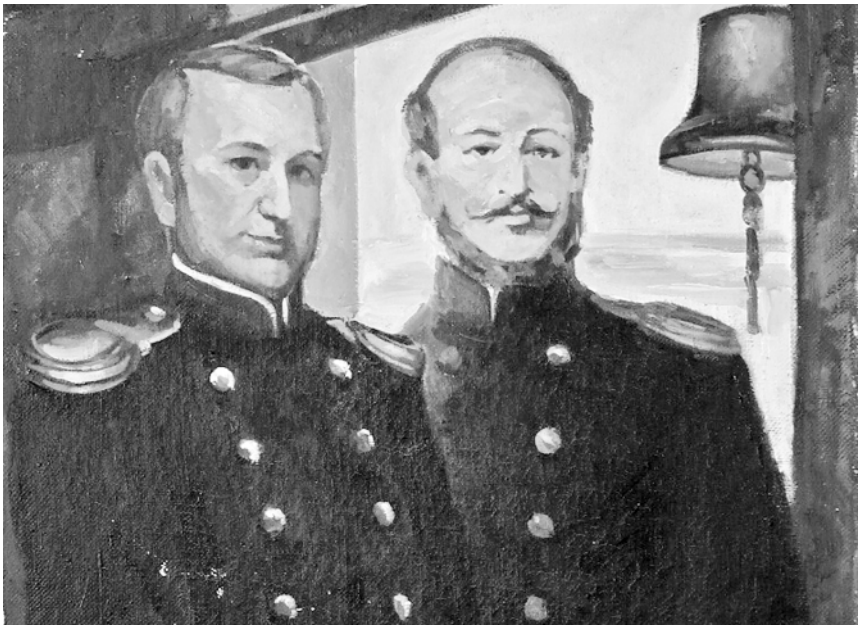
«6 июня 1855. С 4 ч. до 8 ч. пополудни. [Вахтенный — мичман Э. Динель.]

Пасмурно, туман. Паруса поставлены. В 4.05 русский пленный Симеон Довофф [Семён Удалов] поднялся на ют, бросился в море и тут же утонул. Легли в дрейф, спустили вельбот № 2, который возвратился через некоторое время только со спасательным буем. 4.30 ужин повахтенно. Перекличка по боевым постам, койки вниз, обычные вечерние работы».

Версия несчастного случая отпадает: ют, куда взбежал Семён, — офицерская часть корабля, где пленному матросу не место. Поступок Семёна был определенно сознательный, с большой вероятностью сопровождался конфликтом и экспрессивной перебранкой, как о том и сказано в рассказе Завойко. И был расценён лейтенантом Ванекутом как жертвенный подвиг.

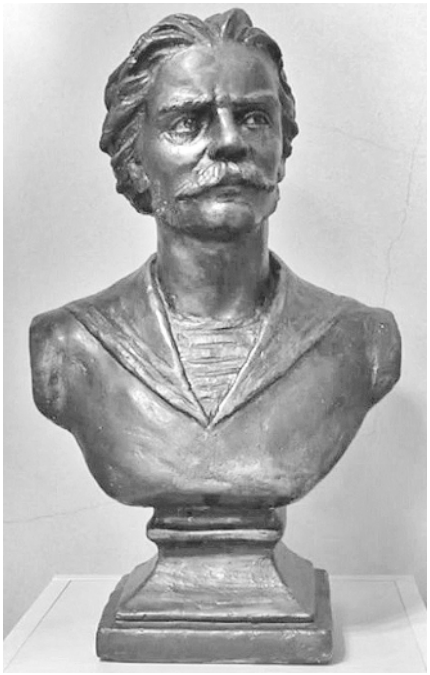
В какой же части океана случилось это ЧП? Согласно журналу, корабль шёл на север ($N\ 5^{\circ}W$), а координаты в полдень определены $41^{\circ}38'N\ 158^{\circ}18'E$ [36]. Данная точка находится в расстоянии 1 258 километров к югу от Авачинской губы. Этих подробностей В. С. Завойко знать не мог (как не знали и товарищи Семёна Удалова); перенос событий на рейд Петропавловска служит драматизму сюжета.

Памятная доска Александру Максутову на улице Максутова
в г. Петропавловске-Камчатском

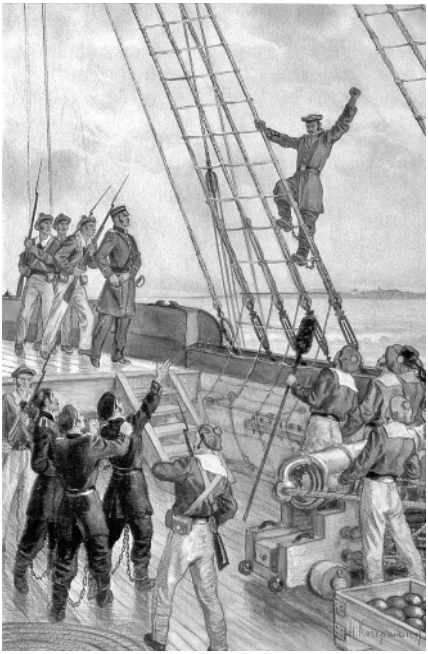


Братья Максутовы. Фрагмент портрета работы В. В. Санакоева, 1995 г.

Варианты названия улицы в честь матроса Семёна Удалого
в г. Петропавловске-Камчатском
(фото П. Л. Калмыкова)

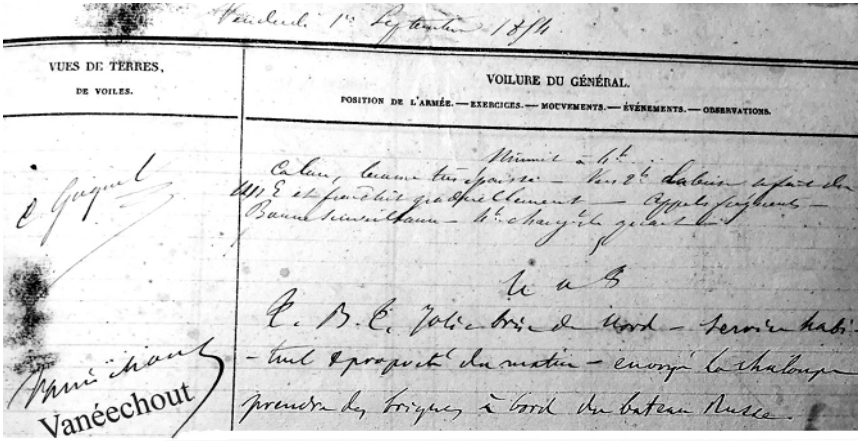


Семён Удалой. Бюст работы
О. И. Сушковой

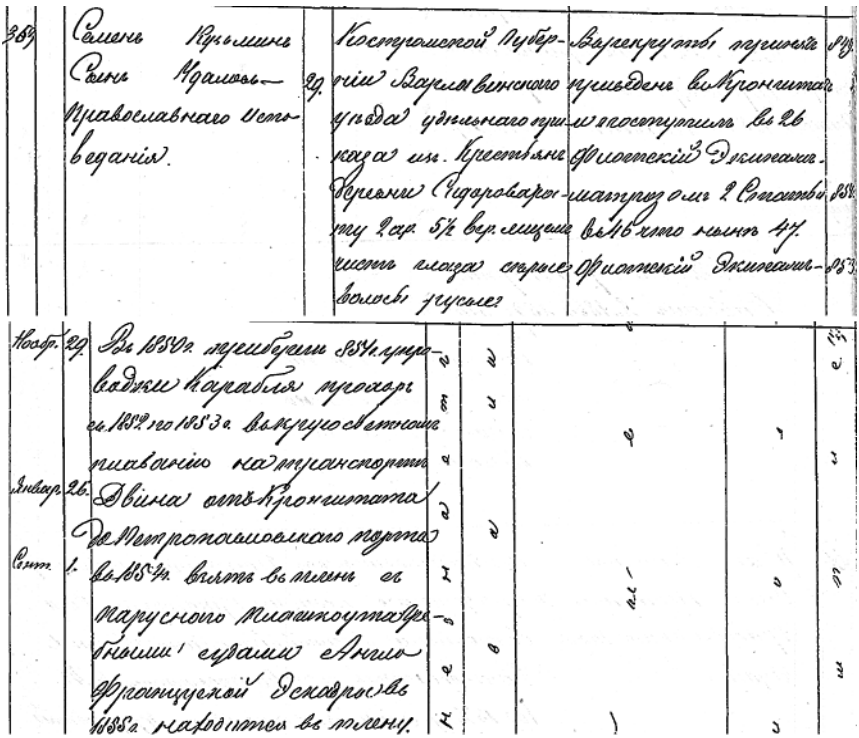


Семён Удалой.
Фрагмент рисунка
Н. М. Кочергина

Старинный русский лубок «Как мыши кота хоронили»



Envoyé la chaloupe prendre des briques, à bord du bateau Russe.
Отправили баркас на русское судно за кирпичами
(Вахтенный журнал брига «Облигадо», 1 сентября 1854 г.)



Послужной список матроса Семёна Удалова

В действительности бриг вошёл в Авачинскую губу двенадцать дней спустя, и на следующий день в вахтенном журнале сделана последняя запись о русских пленных.

«19 июня 1855. С 4 до 8 ч. [Вахтенный — мичман Г. де Монпеза.] На якоре в Авачинской губе. Погода хорошая, небо облачное, ветер умеренный. Продолжается наливка воды. Взяты различные материальные ценности с призового русского судна. Разряжены орудия. Ужин. Поставлена грузовая стрела. Препровождены русские пленники на "Тринкомали". Гребные суда подняты на борт. Убраны выстрелы. Погружено на борт рангоутное дерево, взятое с призового судна. Ничего нового».

(Призовое судно — «Аян» Российско-Финляндской китобойной компании. Найдено англичанами в Раковой бухте, обобрано и сожжено.)

Есаул Мартынов, оставленный в Петропавловске за главного, рапортует контр-адмиралу Завойко: «8-го числа [что соответствует 19 июня на англо-французских судах] остался на рейде один английский корвет "Тринкомалей", и на нём поднят парламентерский флаг, и через американца Чеза предложен был англичанами размен пленных. Для этого отправился я на "Тринкомалей", и 14-го числа взамен наших трёх матросов, взятых на плашкоуте в августе месяце прошлого года, отданы один англичанин и один француз» [37].

Английский контр-адмирал Брюс рассказывает подробнее: «Капитану Мартынову вручена при любезном посредничестве американца, живущего в Петропавловске, письменная гарантия, тогда он послал за пленными за 150 вёрст от побережья, их доставили и 25 июня передали капитану Хаустоуну на британский шлюп "Тринкомали" в обмен на троих русских, содержавшихся с прошлого года на борту французского брига "Облигадо". Эти двое оказались: Уильям Гарланд, матрос с британского фрегата "Пик", и Пьер Ланглуа с французского фрегата "Форт". Последний будет передан на "Форт" по прибытии в Сан-Франциско, а первый, по его просьбе, назначен на "Бриск", поскольку "Пик" уже убыл в распоряжение китайской эскадры. Обращение с обоими за всё время в плену, очевидно, было весьма доброе» [38].

В сентябре 1855 г. весть о состоявшемся обмене в Петропавловске дошла до Таити [39], после чего было решено отправить пленных, содержавшихся на острове, в метрополию, для обмена по окончании войны всех на всех.

«Корвет "Эвридика", прибывший в гавань Папеэте в воскресенье 9 сентября из Сан-Франциско, вчера (то есть 15 сентября) отпра-

вился в Вальпараисо, откуда это судно вернётся во Францию... "Эвридика" также приняла на борт четырёх русских офицеров и 28 нижних чинов, доставленных на Таити в этом году корветами "Артемисия" и "Амфитрита"» [40]. Через полгода плавания, 23 марта 1856 г. «Эвридика» пришла в порт Тулон, а отсюда русских пленных отправили в Севастополь, поскольку война закончилась. У нас есть рапорты двух офицеров, плывших на «Ситхе» пассажирами, и командира шхуны «Анадырь» прапорщика корпуса флотских штурманов Януария Больчунина. К рапорту Больчунина приложены ведомость грузов и список людей, находившихся на шхуне. Именно из этого документа нам известны настоящие имена «Hell-and-All-Ski» — Яна Калиновского и «Алика» — Александра Семчина, кадета Петропавловского штурманского училища. Из Севастополя Семчин вместе со своим командиром отправился в Санкт-Петербург в мае 1856 г. [41]. Четверо матросов, захваченных в Авачинской губе на плашкоуте с кирпичами, в документе не упоминаются, поскольку эти матросы не состояли в команде Больчунина. О постройке крепости на Таити там тоже упоминаний нет. А в рассказе В. С. Завойко эти сведения есть, и получить он их мог только от матросов, которые эту крепость строили. Посему следует предположить, что этих четверых также препроводили в Санкт-Петербург для отчёта о своих приключениях.

Что касается троих соплавателей Семёна Удалова по «Облигадо», об их дальнейшей судьбе в рапорте Мартынова ничего не сказано — возможно, есаул ожидал указаний от контр-адмирала. Если так, то контр-адмирал распорядился отправить матросов в Николаевск, в расположение 47-го флотского экипажа и пожелал видеть их лично. Оказия представилась в 1856 г., но в Николаевске контр-адмирал Завойко с бывшими пленными разминулся, поскольку сдал дела и отправился в Аян и далее сушей в Санкт-Петербург, куда прибыл 5 ноября того же года [42]. Война закончилась, многие офицеры возвращались в Европейскую Россию, а также и нижние чины, выслужившие срок. Время пребывания в плену засчитывалось в срок службы, но ведь это пребывание следовало оформить и документировать. Мы снова должны поверить В. С. Завойко, что он встретился со своими бывшими подчинёнными в Санкт-Петербурге.

(Заманчиво было предположение, что трое бывших пленных прибыли в столицу на транспорте «Двина». Транспорт вышел из Николаевска 20 августа 1856 г., отремонтировался в Сан-Франциско, посетил остров Таити, вокруг мыса Горн перешёл в Атлантику

и 15 сентября 1857 г. прибыл в Кронштадт, завершив кругосветное плавание [43]. Но не стыкуется время: рассказ о подвиге Семёна был опубликован на два месяца раньше прибытия транспорта.)

Таким образом, в Санкт-Петербурге вполне могла состояться очная ставка троих бывших пленных с «Облигадо» — Бурнаева, Таскаева, Косарева — с теми их товарищами по плашкоуту, кто строил крепость на Таити — Аникиным, Емандуковым, Максимовым, Щелкановым. Контр-адмирал Завойко, как свидетель, подтвердил обстоятельства захвата плашкоута и взамен получил сведения из уст бывших подчинённых, что вдохновило его создать литературную версию, объединив два рассказа в один и домыслив живые подробности. Впрочем, рассудив, что контр-адмиралу и чиновнику морского ведомства слава беллетриста ни к чему, оставил рассказ без авторства.

Итак, у нас есть Семён Удалой — легендарный и художественный образ, но есть и Семён Кузьмич Удалов, историческое лицо. Знак соответствия между ними ровно тот же, что и между Маресьевым и Мересьевым, Бонивуром и Баневуром, киношным рубакой Чапаем и командиром стрелковой дивизии Чапаевым.

Легенда — неотъемлемая часть исторической памяти и культуры.

Несомненно, улица должна носить имя легендарного Семёна Удалого.

Это о нём сложены стихи [44]:

— Скажи мой ответ лейтенанту, —
Кричит Удалой толмачу, —
Я лучше полезу на ванты
И мигом за борт полечу!

И стал он на мачту взбираться,
И крикнул матросам своим:
— Смотрите, что делаю, братцы!
Неужто мы честь посрамим?

Неужто мы выйдем из боя?
Иль храбрости нету былой?.. —
И бросился вниз головою
В бурлящий поток Удалой.

Но будем помнить и реального Семёна Кузьмича Удалова, чья бесстрашная гибель дала жизнь легенде.

P.S. Возможно, читателя заинтересовала дальнейшая судьба кадета Александра Семчина. Шутка ли, мальчишка ходил на шхуне в Нижнекамчатск, попал в плен, с англичанами побывал в Ванкувере, Сан-Франциско, Гонолулу, изучая попутно язык и навигацию;

восемь месяцев прожил на Таити; шесть месяцев плыл на французском корабле с заходами в Вальпараисо, Монтевидео, на Азорские острова, в Алжир и Тулон. А прибыв в Санкт-Петербург, продолжил обучение штурманской специальности и вышел в офицеры.

Автор признателен историку Николаю Манвелову за сообщённые сведения из послужного списка Александра Григорьевича Семчина (?—1875):

1859 — в службе;

05.05.1862 — кондуктор Корпуса флотских штурманов (первый по списку);

24.05.1862 — в составе 16-го Балтийского флотского экипажа;

28.02.1863 — зачислен в 2-й Балтийский флотский экипаж;

05.08.1864 — прапорщик Корпуса флотских штурманов;

05.10.1865 — при 8-м Балтийском флотском экипаже;

Офицер 8-го Балтийского флотского экипажа;

15.09.1866 — пособие — 100 рублей;

06.01.1868 — переведён из Балтийского флота в Сибирскую флотилию;

20.04.1869 — подпоручик Корпуса флотских штурманов;

Офицер Амурского флотского экипажа;

03.03.1875 — исключён из списков умершим.

Также благодарю:

— Энди Тешнера (Великобритания), скопировавшего в парижском архиве страницы вахтенного журнала брига «Облигадо»;

— историка Бориса Миловидова, сообщившего архивный шифр документа о возвращении пленных с острова Таити;

— друзей — краеведов Камчатки за их подсказки и находки, использованные для статьи.

Ссылки и комментарии

1. Морской сборник, 1857, июнь. Отдел «Смесь». С. 4—7 (автор не указан).

2. Например, см. роман «Русский флаг» *А. М. Борщаговского*; рисунок *Н. М. Кочергина* в ЦВММ (СПб.); бюст работы *О. И. Сушковой* в ВММ ТОФ (Владивосток).

3. Морской сборник, 1858, нояб. Отдел «Библиография». С. 8—9.

4. Камчатский летописец. Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2011. — С. 5—70.

5. Формулярные списки о нижних чинах 47-го флотского экипажа за 1855 год // РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803.

6. *Завойко В. С.* Рапорт камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта его императорскому высочеству управляющему Морским министерством от 7 сентября 1854 г. // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году.

Сборник воспоминаний, писем и официальных документов. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 17.

7. Защитники Отечества. — С. 30

8. *Палмер Роналд*. Выдержки из писем и дневника моего деда, адмирала Джорджа Палмера // *Завражный Ю. Ю*. Забыть адмирала! — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 205.

9. Ship's Log Book, H.M.S. President, 1854, August 28 — September 8. National Archives, Kew, London — ADM 53/5743.

10. Ship's Log Book, H.M.S. Pique, 1854, August 27 — September 5. — London: National Archives, Kew, London — ADM 53/6189.

11. *Завойко В. С.* Рапорт... // Защитники Отечества. — С. 20.

12. Защитники Отечества. — С. 112.

13. Там же. — С. 21.

14. Формулярные списки о нижних чинах 47-го флотского экипажа за 1855 год // РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803 (выборка предоставлена С. И. Вахриным).

15. Впрочем, как заметил С. И. Вахрин, услужливый «Польша» мог быть этническим поляком в команде «Облигадо», приставленным к русским как переводчик. *Вахрин С. И*. Камчатка — Россия — Мир. Петропавловская оборона 1854 г. — Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2021. — С. 75.

16. Journal du bord du brick l'Obligado, commencé le 22 août 1854. Archives nationales (France) MAR/4JJ/237.

17. Ed. du Hailly — Edouard Polydore Vanéechout. Фамилия Vanéechout весьма редкая; по многим вариантам её неправильной записи можно судить, что французские носители настаивают на её исконном фламандском прочтении: Ванекут (*прим. авт*.).

18. *Ed. du Hailly*. Une campagne dans l'océan Pacifique. Les escadres alliées dans les mers du Japon et de Tartarie // Revue des deux mondes, vol. 17., 1858. — P. 172—173. Фрагмент на русском языке: «Защитники Отечества». — Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 245.

19. По легенде, Марк Курций бросился с конём в разверзшуюся пропасть, принеся себя в жертву ради спасения Рима (*прим. авт*.).

20. Право войны в изложении *А. В. Гефтера* / Перевод К. Таубе // Военный сборник. 1884, № 10. Ч. 2. — С. 84—85.

21. *Мельникова Л. В.* Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. — С. 124.

22. Une campagne sur le Pacifique, vue depuis l'Alceste, frégate de 2e rang (1854-1858) // Chronique d'histoire maritime [1] 23 1er semestre 1991. — P. 1—29. (Рукопись — тетрадь на 26 страницах, ведённая с 7 апреля 1854 г. по 11 августа 1856 г., включает и рассказ о визите «Альцесты» в Петропавловский порт в мае-июне 1855 г. Тетрадь найдена во французском городе Андуз, установить имя писавшего редакторам публикации не удалось.)

23. Hampshire Advertiser, 1855, Nov. 24.

24. *W. Carstensen*. Mellem franske kammerater. — København, 1894. — P. 283.

Конради И. Я. Плавание корабля Российско-Американской компании «Ситха» от Гамбурга до Ново-Архангельска и Аяна // Морской сборник, 1854, октябрь, часть официальная. — С. 75.

Подробности взятия корабля Российско-Американской компании «Ситха» // Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения И. Путиловым. Отдел II — Военные известия. — СПб., 1856. Кн. XIX. — С. 41—43.

25. *W. Carstensen*. Op. cit. — P. 283.

26. The Reminiscences of *William Petty Ashcroft*, parts VI—VIII // The Naval Review Vol. LIII, No. 1—3, 1965.

27. Список команды, находившейся на шхуне «Анадырь» // РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.

28. Journal of *James Nicholas Dick*, British naval surgeon, 1853—1855. Yale Center for British Art, Paul Mellon Fund. Entry dated May 18, 1855.

29. См. например: Rights of Belligerents in the Ports of the United States // Placer Herald, 1855, Nov 10.

30. Sacramento Daily Union, 1854, 22 November.

31. *Alex V. MacCall*, Clerk's Assistant. Log and journal of H.M.S. Victory, Pique and Amphitrite (01 January 1854 — 30 June 1856) Collections held by the National Maritime Museum, London. *URL:* https://nla.gov.au/nla.obj-1097741312/.

32. Messager de Tahiti 1855, 21 et 28 jan.

33. The Polynesian, 1855, 03.02.

34. La Forte — флагманский французский фрегат (*прим. авт.*)

35. Имя мичмана — де Монпеза (Gabriel Lйopold d'Ainezy de Montpezat), заменивший убитого в Петропавловске Шарля Жикель-Детуша (*прим. авт.*).

36. Долгота в судовом журнале «Облигадо» дана от парижского меридиана, который восточнее гринвичского на 2°20'14" (*прим. авт.*).

37. *Мартынов Н. А.* Рапорт есаула Мартынова камчатскому военному губернатору контр-адмиралу В. С. Завойко от 3 августа 1855 г. // Защитники Отечества. — С. 236.

38. Rear Admiral Bruce to the Secretary of the Admiralty on 17th July 1855 // The London Gazette, 1855, Sept 11.

39. Messager de Tahiti 1855, 9 sept.

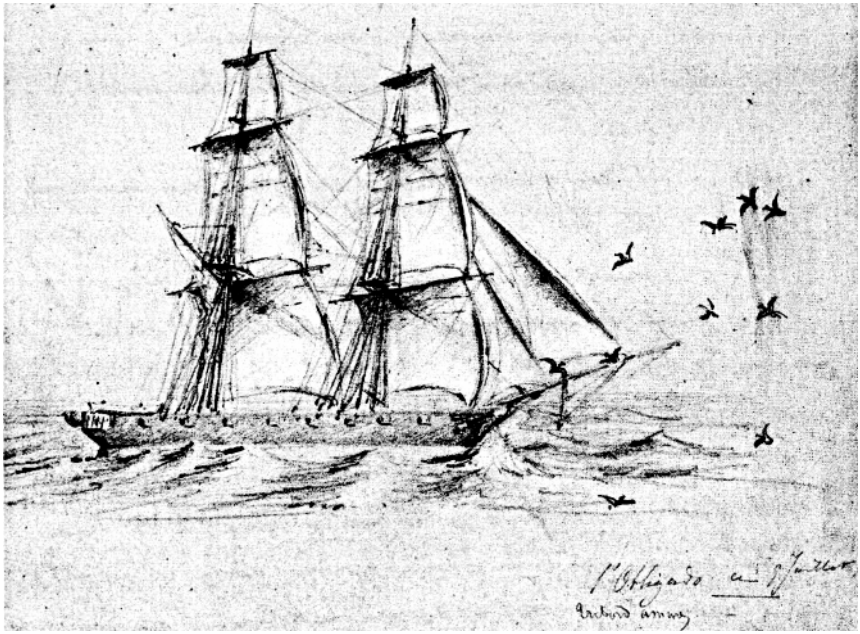
40. Messager de Tahiti 1855, 16 sept.

41. О возвращении из плена офицеров, унтер-офицеров и рядовых. 25 мая — 2 июня 1856 г. // РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 58.

42. Полный послужной список В. С. Завойко от 14 июля 1897 // РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1071. Л. 50—62. В кн.: *Бондаренко А. А.* (сост.). Адмирал Василий Степанович Завойко (1812—1898). «Сделать всё, что в силах человеческих возможно». К 200-летию со дня рождения. Сб. док. и мат. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. — С. 112—119.

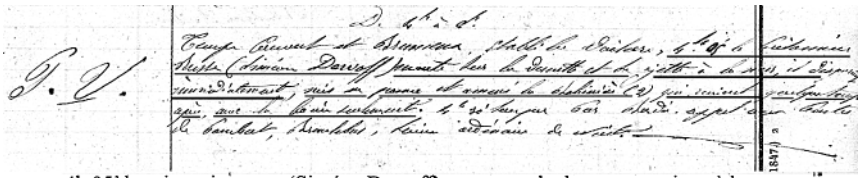
43. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1859 по 1868 год. Т. 1. — СПб., 1871. — С. 189—194.

44. *Семён Бытовой*. Земля отцов (стихи). — Л.: ОГИЗ, 1944. — С. 34.

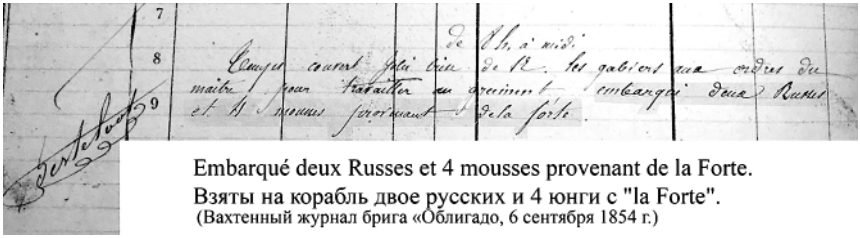


Бриг «Облигадо» идёт правым галсом. Рисунок Рене де Керре

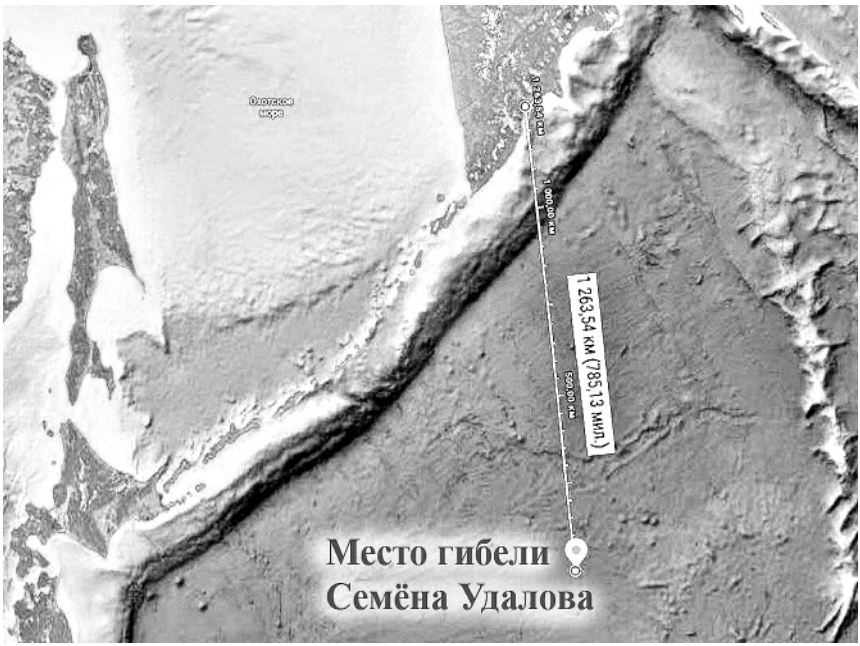
Островок Моту-Ута в гавани Папеэте, Таити. Фотография 1859 г.
Слева — форт, который строили русские пленные



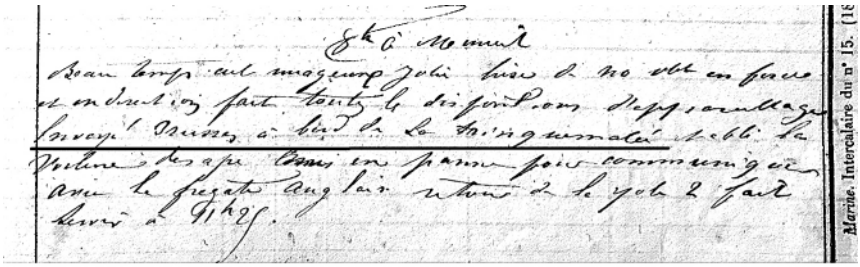
4h.05' le prisonnier russe (Siméon Dowoff) monte sur la dunette et se jette à la mer, il disparait immédiatement; mis en panne et amené la baleinère (2) qui révient quelque temps après, avec la bouée seulement.
В 4:05 русский пленный Симеон Довофф [Семён Удалов] забрался на ют, бросился в море и тут же утонул. Легли в дрейф, спустили вельбот № 2, который возвратился спустя некоторое время только со спасательным буем.
(Вахтенный журнал брига «Облигадо», 6 июня 1855 г.)



Embarqué deux Russes et 4 mousses provenant de la Forte.
Взяты на корабль двое русских и 4 юнги с "la Forte".
(Вахтенный журнал брига «Облигадо, 6 сентября 1854 г.)



Место гибели С. Удалова



Envoyé 3 russes à bord de la Trincomalée.
Препровождены трое русских на борт «Тринкомали»
(Вахтенный журнал брига «Облигадо», 19 июня 1855 г.)

О. А. Копотилова

Развитие коммунального хозяйства в Петропавловске-Камчатском в 20—30-е гг. XX в.

В связи с окончательным установлением советской власти на Камчатке, в ноябре 1922 г. Дальревком издал постановление о передаче власти в пределах Камчатской губернии губернскому революционному комитету в составе: М. И. Савченко (председатель), М. П. Вольский, И. Е. Ларин, М. П. Щербаков и В. Д. Богомолов (члены) [1, с. 354].

Среди многочисленных задач, стоящих перед губревкомом, немаловажную роль играли задачи развития города Петропавловска-на-Камчатке. Создание службы для содержания и благоустройства города началось с образования специальной комиссии. Во временном положении о постоянных комиссиях (секциях), утверждённом постановлением Камчатского окрревкома от 15 апреля 1926 г., было обозначено, что «в целях детальной проработки вопросов, вносимых на обсуждение райревкомов, и вовлечения в практическую работу широких масс крестьян, крестьянок, батраков и сельской интеллигенции, при райревкомах образуются следующие постоянные комиссии: а) сельскохозяйственная, б) культурно-просветительная и здравоохранения, в) местного хозяйства и благоустройства, г) кооперативно-промысловая и кустарных ремёсел» [2].

В том же временном положении было прописано, какими делами необходимо заняться членам секции местного хозяйства и благоустройства. В круг их ведения входили следующие обязанности: «а) разработка и содействие в проведении мероприятий по благоустройству населённых пунктов (ремонт дорог, мостов, разбивка защитных аллей от снежных заносов), древонасаждение вблизи домов, обнесение изгородью усадебных участков, распланировка селения по застройке, устройство и закрепление берегов рек, прилегающих к селениям, содержание в порядке кладбищ, устройство пристаней и т. д.;

б) содействие в проведении мероприятий по возведению новых и своевременному ремонту существующих зданий, правительственных и общественного пользования;

в) содействие в организации противопожарных мер;

г) содействие в развитии промышленных предприятий и кустарных ремёсел;

д) содействие в организации хозяйственных предприятий и заведений общественного пользования и т. д.» [3].

При формулировании обязанностей учитывались наказы избирателей депутатам городского Совета. Так, избиратели 1-го участка указывали, что депутатам — членам комиссии в области благоустройства города необходимо обратить внимание на следующее: «1. Заняться изысканием средств на улучшение водопровода, до изыскания же средств на это мероприятие — усилить санитарный надзор за ключами питьевой воды и вообще по городу. 2. Приступить к починке тротуаров с наступлением весны. 3. Оборудовать в черте города площадь для проведения революционных празднеств. 4. Провести древонасаждение в городе».

Избиратели 2-го участка «наказывали» своим депутатам в горсовет: «17. Проработать вопросы жилстроительства и добиваться отпуска коммунального займа для него. 18. Озаботиться починкой и постройкой тротуаров и исправлением дорог в черте города. 19. Принять меры к закреплению за городом достаточной сенокосной площади и к рациональному её распределению. 20. Принять меры к улучшению пожарного дела в городе. 21. Принять меры к обязательной постройке в текущем году электростанции и бани. 22. Проработать вопрос об открытии общественных столовой, хлебопекарни, прачечной. 23. Проработать вопрос о снижении стоимости столярных работ в мастерской Местхоза, также ремонтных работ и стоимости материалов».

Избиратели 3-го участка (неорганизованные граждане) считали, что необходимо: «1. Представить жителям города право пользования луговыми и земельными угодьями в первую очередь. 2. Исправить дороги в городе, так, чтобы можно было проезжать по всем улицам города, и провести дорогу по откосу, по Набережной до Култука. 3. Урегулировать сбор на дрова и отменить на валежник. 4. Привести в исправность пожарный инвентарь и чтобы к нему был доступ, как летом, так и зимой. 5. При отводе земель порту обеспечить за гражданами г. Петропавловска территорию Озёрной кошки от мыса Никольской сопки до протоки. 6. Ускорить отвод городской черты. 7. Образовать земельное общество. 8. При постройке бойни — настаивать её постройку около кладбищенского мыса».

Общее собрание избирателей 4-го участка поручало депутатам «держать в своей работе постоянную связь с избирателями, профессиональными, общественными организациями, вовлекая в них из неорганизованных граждан лучшие силы в разрешение хозяйственных и культурно-просветительных вопросов жизни города». В практической работе призывало «обратить внимание на проведение нижеследующих вопросов:

...В области хозяйственно-экономической:

1. Обратить внимание на создание в первую очередь городского бюджета, обеспечивающего развитие городского хозяйства.

2. Проводить строгий режим экономии по приходно-расходной хозяйственно-финансовой части.

3. При составлении городского бюджета стараться не выходить из наличия местных средств.

4. Упорядочить рыбное хозяйство города путём введения обязательной нормы рыбы лососёвой породы.

5. Обратить внимание на рациональное использование в эксплуатацию лесных и сенокосных участков города.

6. Проработать вопрос о снижении цен на продукты промышленного производства и сельскохозяйственного.

7. Содействовать в организации и работе кооперативов и промышленных объединений в городской черте.

8. Проработать вопрос об организации в городе коммунальных мастерских: сапожной, прачечной, парикмахерской и организации общественной столовой.

9. Обратить внимание на более рациональную эксплуатацию имеющихся при горсовете мастерских: столярной, кузнечной и столярной и рациональную эксплуатацию обоза.

10. Произвести соответствующую починку городских дорог и тротуаров.

11. Ускорить реализацию имущества горсовета, не могущего быть использованным: шхуна, катер и др.

12. Предложить соответствующей организации произвести перестройку городской пристани.

13. Наладить плановую заготовку необходимых товаропродуктов: муки, простого мыла и т. д.

14. Основательно проработать вопрос об изжитии безработицы в городе на зимний период.

В области благоустройства:

1. Принять меры к оформлению границ городской земельной и водной черты.

2. Обратить внимание на планировку земельных участков города и в дальнейшем производить застройку в плановом порядке.

3. Горсовету проработать вопрос окончательно об эксплуатации города и найти практические пути к его осуществлению.

4. Принять все меры в пределах возможности к расширению жилой площади города и улучшению квартирного вопроса, поощряя новое строительство.

5. Улучшить организацию водоснабжения населения города.

6. Изыскать средства на постройку городской бани» [4].

В первые годы советской власти изменения в городе носили точечный характер. В 1923—1924 гг. был проведён учёт помещений. Всем домовладельцам Петропавловска было предложено сдать для регистрации в отдел Комхоза имеющиеся планы на возведённые постройки в черте города. Тем, у кого планы отсутствовали, рекомендовано подать письменные заявления для узаконения построенных домов [5].

Несмотря на то что г. Петропавловск являлся административным центром Камчатского округа, он очень сильно отставал в развитии от материковых городов. В 1923 г. его население, согласно данным горсовета, составляло всего 1 193 чел. Незначительность населения объяснялась отсутствием промышленных предприятий и тем, что Петропавловск не являлся экономическим центром округа. Однако на заседании городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 29 сентября 1926 г. заместитель председателя Совета В. И. Святой заявил, что «политика округа и Дальневосточного центра направлена по пути развития города вообще и его хозяйства в частности». Население города к этому времени заметно выросло и составляло около двух тысяч человек [6].

Намечалось развернуть строительство порта, а следовательно, и создание судовой базы. В 1927 г. на пленуме секции коммунального хозяйства горсовета от 30 мая было принято постановление о портовой территории. В документе говорилось: «Отвести порту следующую территорию: от Раковой бухты, высшей точки прилива, 10 саженей береговой полосы до начала Красной улицы, от коей до естественной точки высшего прилива, через колодезь на кошке, по восточному берегу ковша на угол переулка Лаперуза. От коего по границе жилых участков на угол хлебопекарни. Оттуда линия поворачивает на его запад и идёт вдоль границы участка школы 2-й ступени. От участка школы поворачивает на запад до первых древонасаждений. Затем по линии первых древонасаждений идёт прямо до перешейка. Затем пересекает перешеек и идёт вдоль Никольской горы, прихватывая 10 саженей от точки высшего прилива до кошки Култучного озера, и кошка от озера вся до конечного пункта Дальгосторга» [7].

Также планировалось завести с материка рабочих ввиду недостаточного их количества из местного населения.

Имеющийся жилищный фонд был сильно изношен, почему в ближайшие пять лет предполагалось построить восемь двухэтажных

жилых домов и одно административное здание. Рассматривался вопрос о сооружении в городе номерной гостиницы. Но строительство на Камчатке было чрезвычайно дорогим, например, если на материке один кубометр двухэтажного деревянного здания обходился до 15 руб., то в Петропавловске — 37 руб. 76 коп. Стоимость же одного квадратного метра жилой площади на материке составлял 175 руб., а на Камчатке — до 474 руб. 47 коп.

В городе остро ощущалась нехватка электроэнергии. Расход на освещение госучреждений и торговых предприятий был достаточно большим, вводился режим жёсткой экономии, отчего улицы не освещались, приходилось пользоваться фонарями. Имеющаяся электростанция работала до часу-двух часов ночи, и ранним утром энергии не хватало. Необходимо было решать вопрос об увеличении мощности, поэтому рассматривалась необходимость сооружения в Петропавловске другой, хотя бы небольшой электростанции. Остро стоял вопрос и о постройке водопровода, так как водоснабжение осуществлялось за счёт протекающих по городу ключей, которые ничем не были защищены, и при возникновении какой-либо инфекционной болезни ей подвергалась большая часть населения.

Касаясь вопросов санитарии, необходимо отметить, что коммунальная баня была настолько мала, ветха и неблагоустроена, что необходимо было срочно решать вопрос о её замене. Но недостаточное финансирование тормозило решение этого вопроса так же, как и строительства скотобойни. Согласно отчёту финансово-бюджетной сессии, городской бюджет на 1926/27 г. в 201 893 руб. был спроектирован с дефицитом в 149 205 руб. Причинами тому назывались зачаточное состояние городского хозяйства и отсутствие грамотного планирования использования источников дохода.

А пока приходилось довольствоваться услугами существующей бани. Согласно установленному графику, в понедельник и во вторник в бане мылись красноармейцы и штаб отдельного дивизиона войск ГПУ, в среду — жёны частных граждан, в четверг — частные граждане мужского пола, в пятницу — жёны служащих правительственных учреждений, в субботу — служащие этих учреждений. В санитарных правилах было прописано, что «помещение бань всегда должно быть чистым, полы и скамьи не должны содержать слизи. В раздевальной комнате скамьи должны быть крашеные, а также должны быть расставлены в достаточном количестве плевательницы и ящики для окурков» [8]. Запрещалось пускать в баню посетителей в нетрезвом виде, больных с высыпаниями на теле, не допускалась стирка белья. Содержатели бань должны

были производить тщательную дезинфекцию всего помещения не реже одного раза в месяц.

В октябре 1926 г. горсовет принял постановления «О санитарной охране бань, парикмахерских, торговых магазинов, лавок, мест общественных собраний, столовых, пекарен», «О санитарном состоянии города Петропавловска-Камчатского», «О мясной и рыбной торговле», «Об оплате помещений в городе Петропавловске-Камчатском», установившие санитарные нормы и правила работы предприятий торговли и бытового обслуживания, содержания дворов и отхожих мест, нормы оплаты жилплощади, за невыполнение которых предусматривалось взимание штрафов.

Обязательным постановлением № 1 «О санитарном состоянии сёл Петропавловского района» от 28 февраля 1928 г. были узаконены правила содержания дворов и придомовых территорий. Указывалось, что «воспрещается загрязнять улицы и площади сливанием и выбрасыванием мусора, навоза и других нечистот, а также выбрасывать и закапывать в этих местах трупы животных и всякого рода отбросы и нечистоты. В каждом дворе должны быть устроены для сливания отбросов и мусора особые места, которые должны очищаться по мере накопления и содержимое их вывозиться в места, выделенные для этой цели сельсоветом. В каждом дворе должны быть устроены отхожие места с выгребными ящиками, которые должны находиться не ближе одной сажени от жилого близлежащего помещения и семи саженей от колодцев и питьевых источников. Отхожие места должны содержаться постоянно в чистоте. Воспрещается во всякое время года сваливать навоз, мусор, павших животных, птиц и всякого рода нечистоты в реки, ручьи и озёра. Каждый владелец и арендатор обязаны против своего участка содержать в чистоте и порядке улицы и проулки» [9].

Виновные в нарушениях установленных правил подвергались штрафам до 3 руб. или принудительным работам до трёх дней.

Отмечалось, что очистка дворов, улиц и тротуаров должна производиться еженедельно утром до 7 часов (до начала уличного движения). Были установлены правила содержания ездовых собак, лошадей, меры борьбы с бродячими животными. «Все ездовые собаки с 15 мая должны быть выведены из черты города и содержаться на привязи до 15 октября в местах, специально для этого отведённых Местхозом; с 15 же октября по 15 мая разрешается собак держать внутри дворовых оград на привязи... Воспрещается выпуск со двора на улицу свиней, коров, лошадей и прочего скота,

пастьба которых должна производиться в местах, особо для этого отведённых Местхозом» [10].

Бродячие собаки по распоряжению Местхоза подлежали уничтожению. Для этого в 1927 г. было выделено дополнительно 100 руб. При этом акцентировалось внимание, что «уничтожение бродячих собак должно быть проведено не ранее весны, так как проведение в настоящее время [в январе 1927 г.] может вызвать массовое и справедливое нарекание как жителей города, так и приезжающих из селений на нартах по тем причинам, что под видом бродячих собак за отсутствием опознавательных на них знаков могут уничтожаться и не бродячие, а случайно оторвавшиеся от нарты ездовые или выбежавшие на улицу охотничьи и другие собаки» [11]. Предлагалось до начала отлова и уничтожения собак проработать вопрос о введении металлических ярлыков для крепления их на ошейниках, что помогало бы отличать домашних собак от бродячих.

В начале 1927 г. были составлены сметы на строительство электростанции и городской бани, для чего решено взять займы с погашением через два-три года. Вопрос с постройкой скотобойни ввиду отсутствия финансирования остался открытым.

Ввиду высокой себестоимости содержания жилой площади (квадратная сажень обходилась свыше 2 руб., паровое отопление — свыше 5 руб. 50 коп. в месяц), тарифы по квартплате пришлось поднять с 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 80 коп. и за отопление — до 3 руб. с квадратной сажени отапливаемой площади.

Для торговцев-лотошников установили арендную плату в сумме 30 руб. в год.

По плану благоустройства необходимо было установить 28 уличных фонарей, засыпать песком и галькой Советскую площадь и Ленинскую улицу, утрамбовать засыпку, придав дороге вид шоссе, отсыпать галькой дорожки в парке Красного городка, составить планировку улицы Партизанской, спланировать Завойкинскую улицу и Губернский переулок для возможности проезда на Партизанскую улицу, привести в надлежащий вид памятники на кошке и на перешейке Никольской сопки, покрасив их, установив столбы с цепями [12].

22 мая 1928 г. президиум горсовета принял решение о благоустройстве и украшении города к проведению окружного съезда Советов, который должен был состояться в Камчатском округе впервые. Для этого тресту «Камчхоз» поручено закупить электроарматуру для иллюминации города. Решено украсить иллюмина-

цией здания окрбюро ВКП(б), окрревкома, больницы, клуба, соорудить арку на пристани и площади. Также необходимо привести в порядок Никольский парк, провести туда электричество — на эти работы перебросили 282 руб., выделенные на парк Красного городка. К открытию съезда необходимо было спланировать и вымостить Ленинскую улицу, оборудовать Советскую площадь и соорудить на ней эстраду [13].

В отчёте за 1928 г. содержатся сведения о выполненной работе в жилищно-коммунальной сфере, а именно: от Ленинской улицы в Красный городок сделан спуск, приведены в порядок мосты по Елизовской и Халактырской дорогам, заканчивалось строительство бани, проведены подготовительные работы по устройству водопровода, построена электростанция, определены городская черта и территория порта, перенесено стрельбище к Зеркальной сопке, приобретен породистый бык-производитель. Также было выделено 10 000 руб. на благоустройство в ознаменование 10-летия Октябрьской революции [14].

Интересный факт: 9 июля 1928 г. на заседании президиума горсовета под председательством И. Е. Ларина рассматривался вопрос о снятии с управляющего трестом «Камчхоз» Г. М. Ионова и заведующего отделом благоустройства Русанова штрафа по 25 руб. с каждого, наложенного санитарной комиссией за отвратительное состояние коммунальных зданий и дворов, а именно за ненадлежащую очистку дворов от нечистот. В целом меры по очистке дворов от нечистот принимались, но весьма затруднительно было найти для этого свободных рабочих из-за отказа двух артелей от работы. В результате разбирательств штрафы были снижены до 5 руб. с каждого с предупреждением не допускать впредь подобного [15]. Стоит отметить, что наложение штрафов за ненадлежащее санитарное состояние объектов города в те годы не было действием из ряда вон выходящим, что говорило о контроле со стороны ответственных лиц за качеством выполнения работ.

В 1930 г., по отчёту горсовета, работа Горместхоза протекала в чрезвычайно тяжёлых условиях и намеченный план по основным мероприятиям не был выполнен. «Существующее состояние городского хозяйства не отвечает тем потребностям, которые в данное время предъявляются городу», — отмечено в документе. Ремонт улицы Ленинской не проведён из-за отсутствия средств и нехватки рабочих. Водопроводная магистраль, собранная из разных старых труб, находилась в чрезвычайно плохом состоянии, так же, как и система ассенизации. Пожарная добровольная дружина только

числилась на бумаге и никакой работы не вела. Необходимо было её реорганизовать, пополнив специальным штатом. Городская баня, построенная в 1928 г., имела ряд технических недостатков, например, котёл поглощал много угля, но воду до нужной температуры не нагревал. Несмотря на составленный в 1928 г. пятилетний план заготовки дров для отопления, снабжение города ими было неудовлетворительным. В связи с этим предложено решить вопрос о доставке в Петропавловск угля [16].

К 1932 г., согласно документам о работе горсовета в 1930—1932 гг., в отношении внешнего благоустройства города так ничего существенного и не было сделано из-за отсутствия нужных для этого средств и возможностей (транспорта и рабочей силы).

В связи с необходимостью расширения городской территории из-за роста населения намечалось усилить строительство. С целью составления более точного и подробного городского плана и выявления удобных площадей под новое строительство была проведена геодезическая съёмка Петропавловска, района Култучного озера и АКОграда.

В 1931—1932 гг. проведена инвентаризация городских строений. По её результатам выявлено 245 домовладений (Горместхозу принадлежали 57, учреждениям и организациям — 51, частным лицам — 137). В этих домовладениях приняты на учёт 274 дома, из которых 13 были двухэтажными [17]. Для содержания зданий и обслуживания жилого фонда в отделе коммунального хозяйства была выделена самостоятельная единица — домовой трест, в ведение которого переданы 60 жилых домов и три складских помещения.

В 1932 г. транспортный обоз Горкомхоза насчитывал 32 лошади с телегами и санями, один катер и четыре кунгаса. Имеющиеся кузница и колёсная мастерская удовлетворяли лишь потребности Горместхоза. Водопровод требовал капитального ремонта и расширения: в летнее время, во время навигации, необходимо было снабжать суда пресной водой, и её катастрофически не хватало. Для экономии приходилось приостанавливать работу городской бани. В начале 1933 г. водопровод был передан городской электростанции, причём в документах этот факт не отмечен, вся передача заключалась в откомандировании двух рабочих в распоряжение станции. Ежегодно перед горсоветом и Горкомхозом ставился вопрос о водопроводе, но никаких действий не предпринималось, за исключением признания его действительно безобразного состояния [18].

В акте осмотра электростанции, составленном 2 февраля 1934 г. комиссией ОГПУ, читаем: «Электростанция расположена по Таможенной улице, № 15, здание рубленое, крыша крыта железом, территория обнесена сеточным забором с трёх сторон, около станции от стены в четырёх метрах сложено 10 тонн горючего материала и разной порожней тары из-под горючего. Внутри здания на первом этаже расположена механическая мастерская, пол пропитан маслом, печь развалилась, к топке непригодна, потолок закопчён от дыма печи. Помещение находится в грязном состоянии. Электропроводка для зарядки аккумуляторов установлена кустарно, без надлежащей изоляции... Стены около компрессора облиты маслом, помещение настолько загрязнено, что назвать его машинным залом никак нельзя... В машинном зале установлена железная печь, без соблюдения правил пожарной охраны, тут же под нефтяным баком не обита стена железом... Огнетушителей на всю станцию имеется пять штук, из них два негодных... Около телефона нет таблички о вызове пожарной охраны на случай пожара, нет никакой инструкции для дежурного механика. Охрана состоит из одного ночного сторожа — невооружённого старика, калитка для входа в электростанцию не запирается и не затворяется — входи кому не лень» [19].

Зимой не хватало дров, несмотря на постоянно ведшиеся дровозаготовки. Горсовет не рассматривал вопрос о централизованной поставке дров в город, обычно этим занимались предприятия для своих нужд. Отсутствовал определённый участок для заготовки дров. Не были заключены договоры на перевозку дров, отчего сложность их поставки существовала в течение многих лет. Зимой 1934/35 г. из-за отсутствия дров нависла угроза срыва работы городской пекарни. Чтобы не приостановилось снабжение Петропавловска хлебом, 18 января 1935 г. решено привлечь весь транспорт города к подвозу 277 кубометров дров к пекарне [20].

В 1935 г. в газете «Камчатская правда» в рубрике «На темы дня» была опубликована заметка Е. Ежовой об истории с 60 кубометрами дров, доставленными из Тарьи в порт Петропавловска. Рабочие внесли деньги, начальник снабжения Шпаков убедил их, что дрова они получат на следующий же день, но этого не произошло. «Внесли рабочие деньги, но дров не получили, а Шпаков их успокоил: “Деньги можете получить обратно, а хотите, можете обождать. Дрова будут, а деньги ваши у меня не пропадут”. Рабочие деньги получили обратно и сидят без дров. А привезённые дрова были в тот же день переданы в столовую» [21].

В 1933 г. на заседании городского организационного бюро обкома ВКП(б) рассматривалось состояние городского жилфонда и капитального строительства. В протоколе № 6 читаем: «Бюро горкома ВКП(б) констатирует, что: а) жилищно-коммунальный фонд города Петропавловска, состоящий в большинстве из каркасных... домов, в силу отсутствия с момента существования на Камчатке советской власти капитального строительства и текущего ремонта в объёме потребной жилплощади в соответствии с хозяйственным строительством и ростом населения, сократился до 1,5 квадратного метра на одного человека. Кроме того, наличие жилплощади амортизировано, то есть приходит в стадию непригодности для жилья; б) жилищно-коммунальное строительство прошлых лет по 1933 г. было в основном сорвано строительной организацией АКО, принявшей на себя обязательство по освоению Камчатки, в том числе и города. В части капитального строительства не только не выполнила взятых обязательств по строительству, но и не обеспечила его лесостроительными материалами, не составила на объекты капитального строительства прошлых лет проектов, смет и рабочих чертежей, и, как следствие этого, все отпущенные кредиты на жилищно-коммунальное строительство были закрыты и город остался без увеличения жилищного фонда, и, кроме того, на основе тех же причин капитальное строительство текущего, 1933 г., осталось без всяких строительных материалов, и самое главное — без финансирования до половины строительного сезона 1933 г., что, безусловно, и усугубило невыполнение строительной программы. Горсовет со своей стороны не принял никаких мер для обеспечения выполнения плана строительства» [22].

По этому вопросу члены оргбюро постановили ходатайствовать перед обкомом ВКП(б) об освобождении горсовета от посредничества АКО в капитальном строительстве как не справившегося со своими задачами и сорвавшего намеченное. Также предлагалось изъять у АКО излишки лесоматериалов и передать их Горстрою, чтобы с января 1934 г. уже приступить к выполнению строительной программы. Также решено выйти с ходатайством к краевым организациям о выделении специального фонда на капитальное строительство в 1934 г. в количестве 13 600 кубометров круглого леса. На Камчатке незначительное количество леса, пригодного для заготовок строительных материалов, его высокая стоимость, отдалённость произрастания не покрывали потребности города. Горкомхозу поручено перебросить материалы из Владивостока в крат-

чайшие сроки. Для строительства объектов промышленного назначения решено предложить фракции горсовета и партчасти Горкомхоза разработать проекты и сметы кирпичного завода, мощной районной электростанции и городского водопровода.

Из года в год санитарное состояние улиц, придомовых территорий оставалось для горожан едва ли не самым насущным. Газета «Камчатская правда» от 16 февраля 1935 г. опубликовала открытое письмо горкому ВКП(б), горсовету и облпрофсовету от активистов и ударников благоустройства учреждений города Шнерова, Дзюмана, Пнёва, Дубовика и других, в котором они призывали с наступлением весны начать благоустройство города. «Приближается весна. Под белым покровом снега таятся все прелести антисанитарии. Дворы наших домов не блистали чистотой ещё и осенью. Мы слабо боролись против антисанитарии, за чистоту, за благоустройство... Город наш остаётся неблагоустроенным. Жилища не отремонтированы, дворы не загорожены, тротуары не починены. Борьба за благоустройство должна продолжаться с ещё большим напряжением, чем это было в прошлом году, причём в эту борьбу необходимо вовлечь широкие слои трудящихся города. Прежде всего надо заблаговременно разработать точный план благоустройства города... Учитывая это положение, мы просим городской комитет партии, горсовет и облпрофсовет начать теперь же подготовительную работу по благоустройству города».

Далее предлагались конкретные мероприятия: благоустройство Комсомольской площади путём её выравнивания и мощения, засыпка улиц гравием, ремонт всех тротуаров, мостов, водопровода, водоразборных будок, озеленение улиц и площадей города, а также «общественными силами закончить строительство парка культуры и отдыха, стадиона» [23]. «Ударники благоустроительства» предлагали за каждым учреждением и предприятием закрепить отведённые участки, чтобы работники их облагородили и в дальнейшем поддерживали чистоту.

Возвращаясь к вопросу о содержании животных, необходимо отметить постановление президиума горсовета «О воспрещении водить по улицам города медведей», принятое 7 июня 1935 г. «Президиум городского Совета постановляет:

1. Воспретить водить по улицам города Петропавловска медведей.

2. Разрешить содержание медведей на цепи только в специальных будках или сараях, внутри двора с хорошей оградой.

3. Виновные в нарушении настоящего обязательного постановления подвергаются взысканию в административном порядке:

а) предупреждению или б) штрафу до 100 руб. или исправительно-трудовым работам до одного месяца.

4. Наблюдение за выполнением настоящего обязательного постановления возлагается на органы Рабоче-Крестьянской милиции.

Председатель горсовета *Потехин*. Секретарь *Ворошилов*» [24].

Невольно возникает вопрос: неужели во дворах у горожан жили медведи? Зачем и для чего? Можно предположить, что их содержали потехи ради и иногда «выгуливали» по улицам. Цирка в Петропавловске не было и в помине.

Многие горожане ещё продолжали жить за счёт охоты, рыбалки и собственного подворья, многие держали во дворах домов кур, гусей, свиней и прочую живность. «Не хочу останавливаться на побуждениях, заставлявших людей держать зверят в неволе — будь то любовь к природе, детям или «свыжей копыйке» (не секрет, что раньше во многих посёлках и деревнях держали медвежат на мясо — как свиней), — писал Михаил Арсеньевич Кречмар в книге «Мохнатый бог». — Только одно можно сказать по этому поводу с абсолютной определённостью: ничего хорошего из такого содержания никогда не выходило, не выйдет и выйти не может: ни для медвежат, ни для детей, ни для самого владельца» [25].

Несмотря на то что на заседаниях бюро горкома ВКП(б) отчёты о состоянии коммунального хозяйства заслушивались регулярно, недоработки постоянно оставались и «переходили» из одного года в другой. В протоколе № 14 заседания бюро от 1 октября 1935 г. обозначены действия, которые необходимо было выполнить в кратчайшие сроки, чтобы подготовить город к зиме:

«а) к 5 ноября закончить строительство одного жилого дома с таким расчётом, чтобы к 7 ноября его заселить;

б) к 1 декабря завершить строительство ещё двух жилых домов;

в) к 15 октября достроить пекарню;

г) к 15 декабря закончить строительство бани;

д) к 1 ноября закончить текущий ремонт старых жилых домов (печей, остекление, уничтожение клопов, штукатурка, побелка). Одновременно отеплить палатки (настилка полов, поделка окон, навеска дверей, установка печей);

е) обеспечить всех желающих строить индивидуальные домики транспортом и стройматериалами;

ж) к 1 ноября обеспечить все общежития столами, стульями и освещением;

з) к 1 ноября обеспечить бесперебойное снабжение всех рабочих и служащих дровами, для чего создать и всё время иметь минимум месячный запас дров на территории совхоза, близ жилищ;

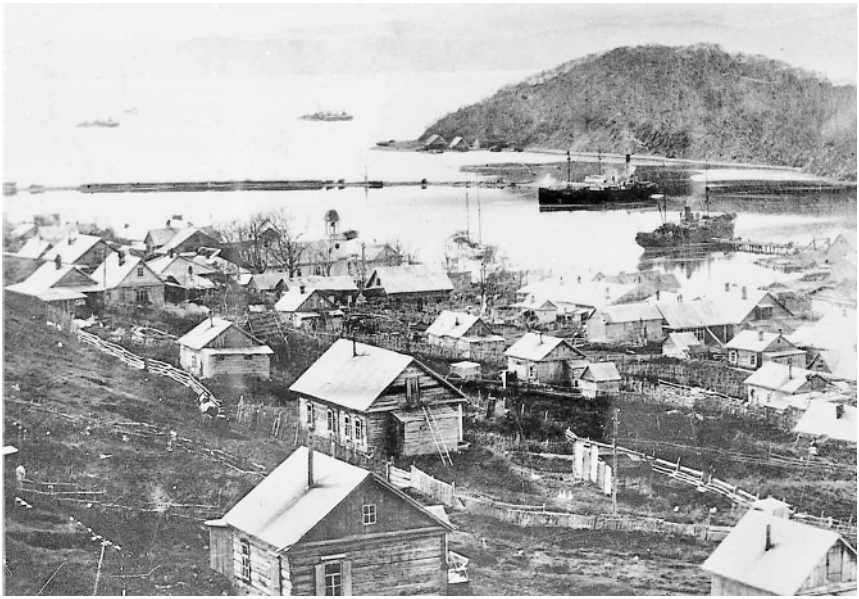
и) к 15 декабря закончить ремонт свинарника, скотных и конных дворов, причём отепление (конопатку и ремонт крыш) произвести к 15 ноября. К 15 декабря закончить строительство нового свинарника» [26].

Были ли выполнены эти решения, неизвестно.

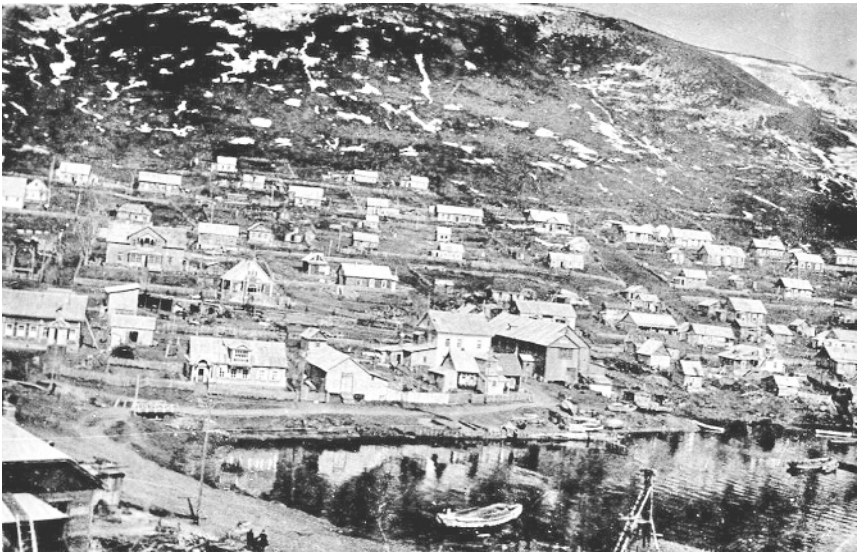
По данным паспортного стола, численность жителей Петропавловска-Камчатского по состоянию на 15 августа 1936 г. составляла 16 685 чел.

Энергией Петропавловск снабжали одиннадцать мелких электростанций, самой мощной среди них была коммунальная. Но она, существовавшая с 1927 г., почти пришла в негодность и требовала капитального переоборудования. По проекту энергоснабжения города все разрозненные мелкие станции должны быть ликвидированы, установлена одна мощная с большим радиусом действия. Согласно постановлению горсовета № 354 от 23 июля 1936 г., новая электростанция мощностью не менее 6 000 киловатт должна обслуживать город, село Авачу, ближний и дальний совхозы, селения Халактырка и Солёное озеро. При выборе места под станцию учитывались такие обстоятельства, как расположение её в центре нагрузок, близость воды, удовлетворение требований противовоздушной обороны и пожарной охраны, удобство доставки горючего. Из двух мест, подходящих под строительство, — берег Авачинской губы в месте расположения села Сероглазка и Озерновской кошки у северного склона Никольской сопки — выбран второй вариант [27].

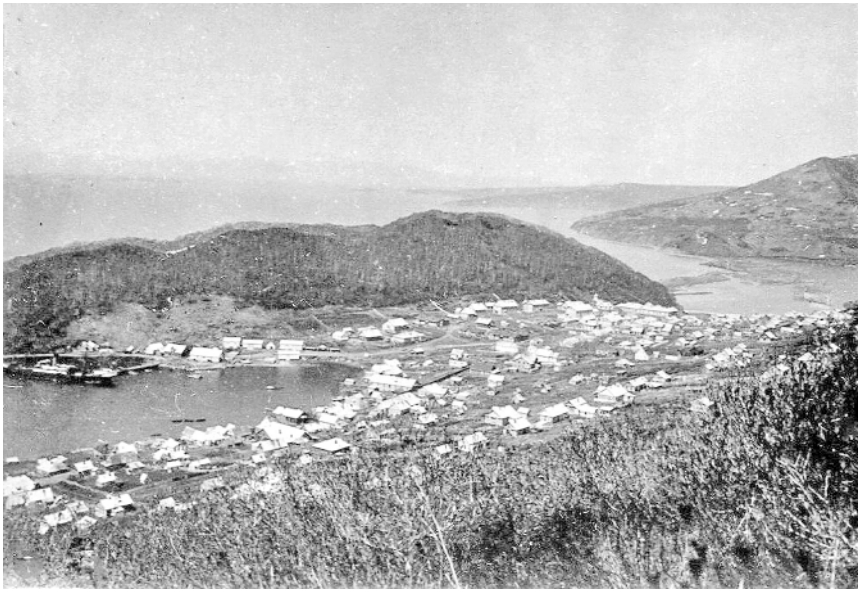
К концу 1930-х гг. город Петропавловск-Камчатский заметно вырос и даже несколько преобразился в лучшую сторону. Согласно данным паспорта города за 1937 г., к этому времени уже действовали 27 промышленных предприятий со среднегодовой численностью 423 рабочих, в том числе 16 государственных предприятий (324 рабочих) и 11 кооперативных (99 рабочих). Среди предприятий кооперации наиболее распространёнными были обувные, швейные, часовые артели. Торговля велась через сеть, состоящую из 34 магазинов и 30 торговых палаток (ларьков). На окраине города, в районе Култучного озера, располагался колхозный рынок. В городе насчитывалось 11 столовых, 10 кафе, в том числе закусочные, чайные, пивные. Жилищный фонд состоял из 346 строений, промышленный — из 166 зданий.



Петропавловск-на-Камчатке, начало 1920-х гг.
(ГАКК. Р-335. Оп. 1. № 799)



Петропавловск-на-Камчатке, 1923—1924 гг.
(ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 4235)



Петропавловск-Камчатский, 1926 г.
(ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 4784)

Петропавловск-Камчатский, 1 мая 1927 г.
(ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 4332)

Петропавловск-Камчатский, конец 1920-х гг.
(ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 682)

Выписка

из постановления Пленума секции Коммунального Хозяйства Петропавловского Горсовета от 30 мая 1927 года.

СЛУШАЛИ: Об отводе территории Порту /докл.т.Борисевич/

ПОСТАНОВИЛИ: Отвести Порту следующую территорию:

От Раковой бухты, высшей точки прилива 10 саж. береговой полосы по начала Красной улицы, от коей по естественной точки высшего прилива, через колодезь на Кошке, по восточному берегу Ковша на угол переулка Лаперуза. От коего по границе жилых участков на угол хлебопекарни. Оттуда линия поворачивает на его запад и идет вдоль границы участка школы II ступени. От участка школы поворачивает на запад по первых древонасаждений. Затем по линии первых древонасаждений идет прямо до перешейка. Затем пересекает перешеек и идет вдоль Никольской горы, захватывая 10 саж. от точки высшего прилива до кошки Култучного озера и кошка от озера вся до конечного пункта Д.Г.Т.-

Выписка верна:
Секретарь Горсовета
/Устименко/

Выписка из постановления Петропавловского горсовета от 30 мая 1927 г.
(ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 10. Л. 36)

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 3

президиума петропавловского городского совета РК и КД

„О профилактических мероприятиях против бешенства собак"

В целях предупреждения возникновений бешенства и борьбы с бродячими собаками президиум горсовета

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Все граждане, проживающие в городе, не зарегистрировавшие до сих пор собак, обязаны зарегистрировать таковых в горфо до 1 июня с г., получив в последнем соответствующие номерки.

2. Все владельцы собак обязаны таковых держать на привязи; спускаемые собаки для прогулки обязательно должны быть в намордниках.

3. Все собаки, обнаруженные на территории города без привязи или намордника и номерка горфо, именуются бродячими и подлежат уничтожению.

4. Обязать администрацию порта ставить в известность транспортный ветсаннадзор о прибытии с пароходом животных, ни в коем случае не допуская выгрузки таковых: без разрешения ветсаннадзора.

5. Виновные в нарушении обязательного постановления подвергаются штрафу в размере 100 руб. или принудработам до 1 месяца.

6. Наблюдение за выполнением настоящего постановления возлагается на органы РК милиции.

зам. пред. горсовета **Потехин**

Принято 29 марта 1935 г.

Постановление Петропавловского горсовета от 29 марта 1935 г.
(ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 17. Л. 1об.)

Обязательное постановление

Президиума Петропавловского Городского Совета № 6

от 4 апреля 1938 года — гор. Петропавловск-Камчатский

О содержании в чистоте улиц и домовладений

На основании Положения об издании местными советами обязательных постановлений, утвержденного постановлением ВЦИК и СНК от 30 марта 1931 года (С. У. 1931 г. № 17, ст. 186)

Президиум горсовета постановляет:

1. Обязать владельцев и арендаторов домов, дворов и всех усадебных участков не допускать отстой воды, скопление навоза, сора и других отбросов на дворах и других усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: Навоз от жи-

же зарывать их во дворах владений.

15. Все кухонные отбросы, не используемые в корм животных, мусор, уличный смет должны свариваться в специальные ящики и помойные ямы. Мусорные ящики и помойные ямы должны быть устроены на каждом дворе, с плотно прикрывающейся крышкой или дверцами.

16. Во владении, где содержится скот, для собирания навоза должны быть установлены специальные навозохранилища.

17. В случае производства стро-

Фрагмент постановления Петропавловского горсовета от 4 апреля 1938 г.
(«Камчатская правда», 14 апреля 1938 г., № 85)

В 1939 г. вся жилая площадь в жилых строениях составляла 40 745 кв. м. Увеличение обобществлённого жилфонда объясняется развёрнутым строительством в 1937—1938 гг.

К 1938 г. в городе насчитывалось 26 автохозяйств, в том числе одно коммунальное. Работали три бани, которые одновременно могли посещать 168 чел. (в том числе одна коммунальная на 50 мест), прачечные же в городе отсутствовали.

На очистке города были задействованы три лошади (в 1939 г. их стало уже семь), четыре мусоровоза.

Общая протяжённость улиц города в 1938 г. составляла 20,6 км, протяжённость замощённых частей улиц — 6,7, тротуаров — 1, 6 км. Двенадцать уличных фонарей (домовые не считались) освещали только полтора километра.

В городе была всего одна библиотека, краеведческий музей, два театра — драматический и кукольный, один кинотеатр, три научно-исследовательских заведения — Управление гидрометслужбы, Тихоокеанский институт рыбного хозяйства и океанографии и областная ветеринарная бактериологическая лаборатория.

В связи с ростом населения увеличилось и количество детских садов, их стало три с расчётом на 200 ребятишек. В 1938 г. детские сады посещали 140 детей, так что очереди на оформление детей в детский сад не существовало. Количество же детских яслей составляло пять (на 160 мест). Детское питание готовила молочная кухня.

В восьми школах города разных ступеней обучались 2 547 учащихся, в них трудились 77 преподавателей. Для взрослых были организованы две школы, где обучались 207 чел. (через год число возросло до 309 чел.).

В городе работали две стационарные больницы на 90 мест, среди них 16 родильных коек; пять врачебно-амбулаторных учреждений, одна женская консультация, одна аптека. Лечили горожан 26 врачей и 49 медсестёр.

В городе было развито физкультурно-массовое и спортивное движение: насчитывалось 39 физкультурных коллективов в 1938 г., включавших 1 566 любителей спортивной физкультуры и 21 инструктора. Годом позже число физкультурных коллективов выросло до 53, а количество их членов и инструкторов — до 2 096 и 26 чел. соответственно. В 1939 г. было построено пять спортивных площадок и две лыжные станции [28].

Воздушное сообщение связывало г. Петропавловск-Камчатский с сёлами Усть-Большерецк и Усть-Камчатск.

В 1938 г. в Петропавловске работали две почтово-телеграфные и одна телефонная станция с общим числом абонентов 416 чел. и радиовещательный узел.

И хотя к концу 1930-х гг. сложилась определённая система городского коммунального хозяйства, серьёзные недоработки всё же оставались. Так, в феврале 1938 г. президиум горсовета рассматривал вопрос о сохранении коммунального жилищного фонда. Из доклада заведующего Горкомхозом Новикова выяснилось, что фонд на протяжении ряда лет эксплуатировался варварски и не получал ни текущего, ни капитального ремонта. «Деньги, отпускаемые на ремонт, расходуются бесконтрольно, и к тому же ремонт производится недоброкачественно. Горкомхоз не следил за сохранением своего жилого фонда, в результате жилфонд расхищался и уничтожался (например, лестницы в доме по Советской, 17, изгороди, уборные и пр.). Не было и точного учёта жилищного фонда. После проведённой инвентаризации установлено, что вместо 96 домов, Горкомхоз имеет... 126. Безобразия допускаются и в квартплате: независимо от благоустроенности квартир, со всех взимается одинаковая квартплата. К тому же по квартплате образовалась большая задолженность за прошлые годы.

Несмотря на продолжительное время, прошедшее со дня постановления правительства о передаче Советам жилого фонда, Горкомхоз так и не начал его выполнение» [29].

Президиум обязал Горкомхоз не позднее 16 февраля представить производственно-финансовый план жилищного управления, а к 1 марта — сметы и график работ по ремонту коммунальных домов в 1938 г. с включением строительства подсобных помещений (сараев, уборных, выгребных ям и прочего) и оград у всех больших домов; не позднее 20 февраля заключить арендные договоры с учреждениями, предприятиями и отдельными гражданами на сдачу им в аренду домов и квартир. «Все организации и учреждения города, имеющие жилой фонд, были обязаны не позднее 1 марта представить в Горкомхоз планы и график работ по ремонту домов и квартир», — такие сведения по результатам заседания президиума горсовета были опубликованы в газете «Камчатская правда» 16 февраля 1938 г.

Единственная коммунальная баня, введённая в эксплуатацию в конце 1936 г., не была обеспечена ни водой, ни топливом в нужных объёмах. Существовавший водопровод снабжал её водой всего на 15 % от потребности. Из-за недостатка воды баня работала не с полной нагрузкой, а иногда и вовсе останавливалась. Только

в 1937 г. она была закрыта 864 часа из-за недостачи воды и топлива. А когда баня работала, то ни ресторан, ни водоразборные колонки воду не получали. По пропускной способности баня вполне могла обслужить горожан, но её котёл был приспособлен к топке только каменным углём, который в Петропавловск доставляли с большими перебоями. Угля баня не получала с самого начала работы [30].

Населению приходилось отдавать бельё в стирку частным лицам за деньги, так как в городе не было ни одной прачечной. Ещё в 1932 г. закупили оборудование для механической прачечной за 100 тыс. руб., но его так и не установили — не нашли свободного помещения, и с тех пор оно портилось и приходило в негодность, находясь под открытым небом.

Несмотря на то что в докладе о работе Петропавловского райкома партии большевиков в 1936 г. говорилось о значительном продвижении вперёд в вопросах быта и культуры в сравнении с 1934 г., всё-таки значительные недоработки так и остались. «Город находится всё ещё в неудовлетворительном состоянии. Непорядок, небрежность, грязь, плохая забота о человеке... Мы не подняли всю партийную организацию, всех трудящихся для того, чтобы привести город в образцовый порядок и обеспечить жилищно-бытовые условия и культурную обстановку для трудящихся. Всей силой нам надо двигать вперёд строительство жилищных домов, больницы, клубов, кино, детских яслей и школ», — отмечено в докладе [31].

В 1937 г. на заседании 2-й районной партийной конференции Петропавловского района сотрудник погранотряда Михайлов указал на загрязнение города отбросами. «Водоснабжение скверное. Водоразборные колодцы обложены навозом для предохранения от замерзания на зимнее время. С наступлением весны навоз растаял и загрязняет воду, а это ведёт к распространению заразных заболеваний. Никто этим не интересуется, а по сути это граничит с вредительством... Хлебопекарня № 3 АКОторга снабжает воинские части хлебом, в котором попадается стекло, гвозди, крысиный помёт и т. п. Мы сообщали об этом прокурору, но недоброкачественный хлеб части гарнизона получают и сейчас. Баня в городе не работает, или работает, но нерегулярно, а ведь в городе большая скученность населения. Санобработка не производится, и баня является рассадником вшивости. Венерических заболеваний довольно много, но профилактические мероприятия проводятся бессистемно. Источниками венерических заболева-

ний часто являются работники столовых и ресторанов, но за этим никто не следит» [32].

Выступление члена президиума конференции Кустова также содержало критику в отношении развития города: «Посмотреть, что же мы сделали на Камчатке. По существу, ничего. Благосостояние масс не улучшилось, удовлетворение их насущных вопросов и культурных запросов не обеспечиваем. Изменилось ли лицо города — нет. Как стоял губернаторский дом, так он и остался, купеческое собрание сожгли, а что нового сделали? Ничего. Клуба нет, электроосвещения нет, водопровода нет, естественное насаждение леса вокруг города уничтожили. “Камчатская правда” в своей передовице ориентирует массы об изменении лица города, а этого на самом деле нет. “Камчатской правде” ни к лицу этим заниматься» [33].

В отчётном докладе горкома ВКП(б) на 3-й городской партийной конференции, проходившей 5 мая 1938 г., содержатся совсем нелестные слова о состоянии коммунального хозяйства: «Надо прямо сказать, что город неблагоустроен, и вопросом его благоустройства, судя по его состоянию, ни горсовет, ни облисполком, ни АКО не занимаются. Достаточно сказать, что до сего времени нет генерального плана планировки города с перспективой его развития, а растёт он быстро, на наших глазах, и получается — кто где вздумал, там тот и строит, и трудно разобраться, где улица, где переулки. С этим нам нужно покончить... Мы должны всемерно помочь и индивидуальным застройщикам. Ведь в части квартир мы почти все кричим “нет” и “плохо”, а по линии Наркомпищепрома были отпущены кредиты на 80 домов индивидуальных застройщиков города, а фактически построено только 26» [34].

«Жилищные условия в городе совершенно неудовлетворительные, мы ещё имеем такое положение, когда до сих пор люди живут в палатках. Генерального плана города нет, нет театра, нет порядочного кинотеатра, в городе темнота, грязь, улицы неблагоустроены... В деле жилищно-культурного коммунального строительства городской парторганизации предстоит большая работа. Прежде всего, нужно иметь генплан города, не имея этого плана, порядка в городе, конечно, не наведёшь» [35].

Работница облисполкома Миронова, выступая в прениях, заметила, что «отпускаемые средства на жилищно-бытовое строительство не осваиваются, строительство только начинается и не доводится до конца, в течение трёх лет по Петропавловску начато пять объектов и ни один не закончен» [36].

С тех времён прошло почти сто лет... Конечно же, Петропавловск-Камчатский изменился до неузнаваемости: разросся вширь и ввысь, превратившись в стандартный периферийный город. А сложности городского коммунального хозяйства в нём и в XXI в. остаются всё теми же...

Источники

1. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 354.
2. ГАКК. Ф. Р-166, Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
3. Там же. Л. 3.
4. Там же. Л. 27—30.
5. Полярная звезда. — 1923. — 11 нояб., № 124.
6. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.
7. Там же. Л. 36.
8. Там же. Д. 15. Л. 4.
9. Там же. Л. 1.
10. Там же. Д. 7. Л. 5.
11. Там же. Д. 10. Л. 16.
12. Там же. Д. 17а. Л. 10—11.
13. Там же. Д. 14. Л. 8—9.
14. Там же. Д. 10. Л. 54об.
15. Там же. Д. 13. Л. 19.
16. Там же. Д. 16б. Л. 1—3.
17. Там же. Д. 16а. Л. 6—8.
18. Там же. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
19. Там же. Л. 46.
20. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
21. Камчатская правда. — 1935. — 8 янв. , № 7.
22. ГАКК. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 6. Л. 19—20.
23. Камчатская правда. — 1935. — 16 февр., № 39.
24. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 17. Л. 33а.
25. *Кречмар М. А.* Мохнатый бог. — М., 2020. — С. 440.
26. ГАКК. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 32. Л. 50.
27. Там же. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
28. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 17б. Л. 2—11.
29. Камчатская правда. — 1938. — 16 февр., № 38.
30. Там же. — 20 марта, № 72.
31. ГАКК. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.
32. Там же. Д. 59. Л. 10.
33. Там же. Л. 53.
34. Там же. Д. 82. Л. 15.
35. Там же. Л. 69.
36. Там же. Д. 81. Л. 25.

А. В. Корольков

Морское картографирование Авачинской губы Тихого океана камчатскими военными гидрографами в конце XX в. (по воспоминаниям участника событий)

В конце XX в. гидрографами Камчатской военной флотилии (КВФ) разнородных сил Тихоокеанского флота (ТОФ) были выполнены масштабные гидрографические работы в Авачинской губе Тихого океана. По ним к 2003 г. во Владивостоке картографическим производством Главного управления навигации и океанографии (ГУНиО) Министерства обороны (МО) Российской Федерации завершено издание современного комплекта навигационных морских карт.

Эти работы в настоящее время приобрели важное стратегическое значение для укрепления обороноспособности и экономического развития нашего государства. Но только в XXI в. это стало очевидно всем государственным лицам, заинтересованным в укреплении и развитии нашего Дальнего Востока, а не только камчатским военным гидрографам, занимавшимся этим масштабным проектом в инициативном порядке при полной поддержке Главного командования Военно-Морского Флота (ВМФ) Российской Федерации. Они предугадали востребованность в недалёком будущем обновлённых навигационных карт Авачинской губы.

Гидрографические работы в Авачинской губе продолжались более десяти лет и были выполнены благодаря героическому труду, мужеству, самоотверженности, инициативе и упорству камчатских военных гидрографов. Начинались они ещё в советское время, завершились в 1998 г., в то время как морское картографирование на Северном, Черноморском и Балтийском флотах было почти прекращено ещё в 1991 г. из-за отсутствия финансирования после развала Советского Союза.

До нового издания старый комплект навигационных морских карт Авачинской губы был составлен по работам тихоокеанских и камчатских гидрографов 1930—1970 гг. [1]. Он перестал в полной мере отвечать требованиям обеспечения безопасности мореплавания, так как акватория губы была обследована в большей части только однолучевыми эхолотами типа ПЭЛ-1 или ПЭЛ-3, отсутствовала площадная или инструментальная оценка рельефа дна между промерными галсами на предмет гарантированного обнаружения навигационных опасностей.